

№ 3
2018

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство
ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

THE SCHOLARLY
AND METHODOLOGICAL JOURNAL

“THE WORLD OF RUSSIAN WORD”
(Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry
for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media
Communications at September 11th, 2000
(certificate ПИ № ФС77–30539, date of issue December 20th, 2007)

ISSN 1811–1629

<http://mirs.ropryal.ru/>

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей русского языка
и литературы»

Адрес редакции:

199106, г. Санкт-Петербург, Большой проспект
В.О., д. 80, офис 809, БЦ «Сенатор»
e-mail: editor@ropryal.ru

Редакционный совет

Л. А. Вербицкая — *акад. РАО, д-р филол. наук,
проф., Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ,
Президент МАПРЯЛ, Президент РАО*
В. В. Воробьев — *д-р филол. наук, член-корр.
РАЕН, проф., зав. каф., РУДН*
Л. П. Клобукова — *д-р пед. наук, проф., акад.
МАНПО, зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова*
Ю. Е. Прохоров — *д-р пед. наук, д-р филол. наук,
проф., проф. СПбГУ*
В. М. Шаглеин — *д-р филол. наук, проф., член-
корр. РАЕН, зав. каф., РУДН*
С. И. Богданов — *д-р филол. наук, проф.,
ректор, РГПУ им. А. И. Герцена*
М. Ю. Сидорова — *д-р филол. наук, проф., проф.
МГУ им. М. В. Ломоносова*
С. Н. Голубев — *канд. филол. наук, Ген. директор
ЗАО «Златоуст»*
И. Н. Сухих — *д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*
И. З. Белобровцева — *д-р филол. наук, проф.,
проф. Таллинского ун-та*
К. А. Рогова (главный редактор) —
д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ

Журнал включен в:

– Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
и представлен в Научной электронной библиотеке;
– Европейский индекс цитирования
по гуманитарным и общественным наукам
ERIH PLUS;
– Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук (с 2007 года);
– Научную электронную библиотеку
«КиберЛенинка».

The Founder and Publisher

The non-profit partnership “Association
of Teachers of Russian Language and
Literature” (“ROPRYAL”)

Editorial board’s address: of. 809,
80, Bolshoi pr. V. O., St. Petersburg,
RU-199106, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

Editorial board

L. A. Verbitskaja
*St. Petersburg State University, Russian Academy
of Education*
V. V. Vorobjov
Peoples’ Friendship University of Russia
L. P. Klobukova
Lomonosov Moscow State University
Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University
V. M. Shaglein
Peoples’ Friendship University of Russia
S. I. Bogdanov
Herzen State Pedagogical University of Russia
M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University
S. N. Golubev
Zlatoust Ltd. company
I. N. Sukhikh
St. Petersburg State University
I. Z. Belobrovceva
Tallinn University
K. A. Rogova — *editor-in-chief
St. Petersburg State University*

The journal is included into

– Russian Science Citation Index (RSCI), and
is represented in Scientific Electronic Library
(elibrary.ru);
– European Reference Index for the Humanities
and the Social Sciences
(ERIH PLUS);
– Scientific Electronic Library CyberLeninka.

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

По вопросам подписки и доставки
журнала за пределами СНГ обращайтесь
к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва,
Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-
91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38;
info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва,
ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37;
681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98;
export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 216,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ“»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudentig@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА
«РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 3 2018

Главный редактор:

К. А. Рогова —
д-р филол. наук, проф.,
проф. СПбГУ

Над журналом работали:**Редактор:**

Д. А. Шукина —
д-р филол. наук, проф.,
зав. каф., Горный ун-т

Вып. редактор:

М. С. Шишков —
канд. филол. наук, доц.

Корректор:

Н. В. Лутц

Перевод аннотаций:

А. Д. Степанов

Оригинал-макет:

М. С. Шишков

Тираж 400 экз.

Подписано в печать 12.11.2018
Отпечатано в типографии
«СМДЖИ Принт»,
197022, Санкт-Петербург,
Каменноостровский пр., д. 61,
лит. А, пом. 11Н

При перепечатке
материалов ссылка на журнал
«Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи
не возвращаются

Плата с аспирантов
за публикацию рукописей
не взимается

Правила направления,
рецензирования и опубликования
научных статей в журнале
«Мир русского слова»:
<http://mirs.ropryal.ru/rules/>

В НОМЕРЕ CONTENTS

[ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ]

- 4 Постановление Правительства
Российской Федерации от 22 сентября
2018 г. № 1123 «Об упразднении Совета
по русскому языку при Правительстве
Российской Федерации»

[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ]

- 5 М. Я. Дымарский
А у меня в кармане гвоздь: Нулевая
связка или эллипсис сказуемого?
- 13 Ван Айцю
Глаголы лексико-семантической
группы восприятия в контрпропозитивных
инфинитивных высказываниях
- 20 О. О. Лисова
Временной дейксис в речи участников
радиоинтервью
- 27 Е. Ю. Кондрашкина
К вопросу о текстосвязующих
категориях в инструктивном тексте
- 33 В. В. Каверина, Ван Сяоси
Тенденции употребления двойного
консонантного удвоения
в заимствованных словах в русском
литературном языке XVII–XX вв.

[КУЛЬТУРА РЕЧИ]

- 40 О. Ю. Проничева
Лозунг в современной политической
коммуникации (на материале лозунгов
выборных кампаний 1996, 2006, 2018-го гг.)

[ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ]

- 45 М. Х. С. Мансур
Эвфемизация взятки:
лингвокультурологический аспект
(на материале русской и арабской
фразеологии)

**[ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА]**

- 52 М. Ю. Сидорова, А. А. Липгарт
Грамматика современной
русской поэзии: линеаризация
и синтаксические техники

[OFFICIAL MATERIALS]

RF Government Decree No. 1123, dated
September 22, 2018, “On Abrogation
of the RF Council on Russian Language”

[LINGUISTIC REMARKS]

- Mikhail Ya. Dymarsky
And I have a nail in my pocket: A zero
Ligament or an Ellipsis of the Predicate?
- Wang Aiqiu
Verbs of the Lexical-Semantic Group
of Perception in Counter-Optative
Infinitive Utterances
- Olesya O. Lisova
The Use of Deixis in the Speech
of the Participants of a Radio Interview
- Ekaterina Yu. Kondrashkina
Studies on Text-Connecting Categories
in Manuals
- Valeriya V. Kaverina, Wang Xiaoxi
Trends in the Use of Double Consonant
Doubling in Borrowed Words
in the Russian Literary Language
of the 17th to 20th centuries

[SPEECH CULTURE]

- Olga Yu. Pronicheva
Slogan in Modern Political
Communication: on the Material of Slogan
of Election Campaigns of 1996, 2006, 2018

[LINGUOCULTURAL STUDIES]

- Mohammed H. S. Mansour
Euphemization of Bribe:
Linguocultural Aspect:
on the Material of Russian
and Arabic Phraseology

**[INTERACTION OF LANGUAGE
AND LITERATURE]**

- Marina Yu. Sidorova, Andrey A. Lipgart
Grammar of Modern Russian Poetry:
Linearization and Syntactic Techniques

72	<p>Е Сянлинь
Смех в эмотивном пространстве произведений
С. Довлатова (на материале цикла рассказов «Чемодан»)</p>	<p>Yeh Hsiang-lin
Laugh in the Emotional Space of Sergey Dovlatov's stories:
on the Material of the Cycle of Stories "The Suitcase"</p>
77	<p>Н. С. Мовнина
Авторская стратегия в рассказе Н. С. Лескова
«По поводу „Крейцеровой сонаты“»</p>	<p>Natalia S. Movnina
The Author's Strategy in Nikolai Leskov's Story
"Concerning "The Kreutzer Sonata""</p>
83	<p>Н. А. Бородина
Экзотическая лексика в кавказских поэмах
М. Ю. Лермонтова</p>	<p>Nadezhda A. Borodina
Exotic Words in the Caucasian Poems
by M. Yu. Lermontov</p>
<p>[МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА]</p>		<p>[RUSSIAN LANGUAGE
TEACHING METHODOLOGY]</p>
88	<p>М. В. Маслова
Перечитывая книгу Ф. И. Буслаева «О преподавании
отечественного языка» (К вопросу об обучении
аудированию на русском языке)</p>	<p>Marina V. Maslova
Rereading the Book "On the Teaching of the National
Language" by F. I. Buslaev: on the Issue of Teaching Listening
in Russian</p>
93	<p>Н. В. Богданова-Бегларян
О возможных коммуникативных помехах
в межкультурной устной коммуникации</p>	<p>Natalia V. Bogdanova-Beglarian
On The Possible Communicative Hindrances
in Intercultural Oral Communication</p>
100	<p>О. К. Грекова
Модально-аспектуальная порождающая ветка
значений как форма представления учебного материала
в практическом курсе РКИ</p>	<p>Olga K. Grekova
Modal-Aspectual Generative Branch of Meanings
as a Form of Teaching Material Representation in Russian
as a Foreign Language Teaching Class</p>
107	<p>З. А. Стамболева (Стамбулиди)
Особенности национального коммуникативного
поведения греческих гидов-переводчиков</p>	<p>Zinaida A. Stambleva (Stampoulidi)
The Peculiarities of National Communicative Behavior
of Grecian Guides-Translators</p>
[НАШИ ЮБИЛЯРЫ]		[ANNIVERSARY]
115	Юбилей Ольги Борисовны Сиротининой	The Jubilee of Olga Borisovna Sirotinina
[НЕКРОЛОГИ]		[OBITUARY]
116	Памяти Йоханнеса Баара	In Memoriam: Johannes Baar
[ХРОНИКА]		[CHRONICLE]
4	<p>III Всероссийский форум русского языка,
посвященный наследию академика И. И. Срезневского</p>	<p>3d All-Russia Forum of Russian Language,
Devoted to the Heritage of Academician Izmail Sreznevsky</p>
39	Международный научный семинар в Таллине	The International Scholarly Workshop in Tallinn
76	Диктант, живой как жизнь	Dictation is Alive as Life Itself
114	<p>Международная научная конференция
«Русский язык: дидактика РКИ
и дидактика перевода»</p>	<p>The International Scholarly Conference "Russian Language:
Didactics of Russian as a Foreign Language, Didactics
of Translation"</p>
[РОССИЯ... НАРОДЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ]		[RUSSIA... PEOPLES, LANGUAGES, CULTURES]
117	Спасское-Лутовиново	Spasskoe-Lutovinovo

Постановление Правительства
Российской Федерации от 22 сентября 2018 г. № 1123
**«ОБ УПРАЗДНЕНИИ СОВЕТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Москва

Правительство Российской Федерации **постановляет:**

1. Упразднить Совет по русскому языку при Правительстве Российской Федерации.
2. Министерству просвещения Российской Федерации представить в Правительство Российской Федерации предложения по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и организаций по государственной поддержке и развитию русского языка, а также по выработке согласованных предложений для их рассмотрения Советом при Президенте Российской Федерации по русскому языку.
3. Признать утратившими силу:
 - постановление Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2013 г. № 992 «О Совете по русскому языку при Правительстве Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2013, № 45, ст. 5826);
 - распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2016 г. № 2935-р (Собрание законодательства Российской Федерации, 2017, № 2, ст. 475);
 - постановление Правительства Российской Федерации от 14 марта 2017 г. № 288 «О внесении изменений в Положение о Совете по русскому языку при Правительстве Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2017, № 12, ст. 1726).

Председатель Правительства
Российской Федерации

Д. Медведев

Источник: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201809270013>

[хроника]

**III ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ РУССКОГО ЯЗЫКА,
ПОСВЯЩЕННЫЙ НАСЛЕДИЮ АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКОГО**

(Продолжение на с. 26, 71)

17–19 октября 2018 года в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина при поддержке Федерального агентства по делам молодежи и фонда «Русский мир» проходил III Всероссийский форум русского языка, посвященный наследию академика И. И. Срезневского. Целью этого мероприятия было продвижение русского языка как фундаментальной основы национальной идентичности и наследия академика И. И. Срезневского в молодежной среде путем привлечения студентов в научно-исследовательскую и проектную деятельность.

К участникам форума обратились ведущие отечественные деятели культуры и образования: советник Президента Российской Федерации В. И. Толстой, руководитель Федерального агентства по делам национальностей

И. В. Баринов, губернатор Рязанской области Н. В. Любимов, исполнительный директор фонда «Русский мир» В. В. Кочин и другие, поддержавшие программу форума, на котором, по словам В. И. Толстого, есть «возможность обсудить широкий круг вопросов — от анализа фундаментальных аспектов языкознания до специфики развития русского языка в эпоху цифровых технологий, а также особенностей его преподавания в иноязычной среде».

Среди проблем, получивших освещение в рамках работы форума, отметим следующие: русский язык как государственный язык, основа национальной безопасности и международного диалога, его роль в развитии общественной дипломатии; перспектива использования информационных средств для изучения и пропаганды русского языка за рубежом; специфика функционирования

М. Я. Дымарский

А У МЕНЯ В КАРМАНЕ ГВОЗДЬ: НУЛЕВАЯ СВЯЗКА ИЛИ ЭЛЛИПСИС СКАЗУЕМОГО?

MIKHAIL YA. DYMARSKY

AND I HAVE A NAIL IN MY POCKET: A ZERO LIGAMENT OR AN ELLIPSIS OF THE PREDICATE?

Михаил Яковлевич Дымарский

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена

Наб. реки Мойки, 48,
Санкт-Петербург, 191186, Россия

Старший научный сотрудник
Отдела теории грамматики

Институт лингвистических
исследований РАН

Тучков пер., 9
Санкт-Петербург, 199053, Россия

► dym2005@list.ru

Mikhail Ya. Dymarskiy

Herzen State Pedagogical
University of Russia

48 Moika Embankment
St. Petersburg, 191186, Russia

Institute for Linguistic Studies, RAS

9 Turchkov per.,
St. Petersburg, 199053, Russia

Заглавная синтаксическая модель рассмотрена на фоне смежных с ней моделей бытийных и локативных высказываний. Доказывается, что рассматриваемая модель двусоставна, опущенный в ней глагол является не связкой, а полноценным сказуемым. Утверждается, что заглавная конструкция представляет собой результат конкурирующего взаимодействия двух семантических категорий — посессивности и локативности, приводящего к контаминации в высказывании двух базовых синтаксических моделей — посессивной (*У меня есть велосипед*) и локативной (*В сарае лодка и велосипед*). Следствием этой контаминации оказывается изменение в соотношении глагольной и «безглагольной» реализаций (по корпусным данным): если в отсутствие локального детерминанта это соотношение близко к равнозначному (1 : 1), то при наличии локального детерминанта количество реализаций с эллипсисом глагола втрое больше, чем без эллипсиса. Делается вывод о целесообразности дальнейшего изучения речевых синтаксических моделей, демонстрирующих свойства, не предсказываемые ни одной из существующих версий синтаксической теории.

Ключевые слова: речевая синтаксическая модель; связка; эллипсис сказуемого; семантическая категория; посессивность; локативность.

The author explores the above mentioned syntactic pattern against the background of existential and locative utterances. It is proved that the model in question is a subject-predicate, not a nominative one, and the lacking verb is not a copula, but a meaningful predicate. It is asserted that this model must be regarded as a result of a competing interaction between the two semantic categories, possessivity and locativity, which leads to the contamination of two basic syntactic models in one utterance: the possessive (*U menya est' velosiped* = 'I've got a bicycle') and the locative model (*V saraje lodka i velosiped* = 'There are a boat and a bicycle in the shed'). The consequence of this contamination is the following change in the correlation of the verb-lacking and the verb-present types of the model realization: when the local determinant is absent, this correlation is close to 1 : 1; when the local determinant is present, this correlation is close to 3 : 1, that is, the amount of the verb-lacking realizations is three times bigger than with the verb present. It is concluded that the speech syntactic patterns are worth studying, since they show features not predicted by any of the existing syntactic theories.

Keywords: speech syntactic model; copula; predicate ellipsis; semantic category; possessivity; locativity.

Введение. Конструкция (1) кажется простой и устроенной вполне прозрачно — может быть, потому, что она с детства знакома каждому носителю русского языка:

(1) *А у меня в кармане гвоздь* (С. Михалков. А что у вас?).

Исследование выполнено при поддержке РФФИ

(проект № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка»)

Между тем она заслуживает внимания по ряду причин. Прежде всего, неочевидна ее синтаксическая структура: если мы видим в ней нулевую связку, то она принадлежит к классу номинативных предложений; если же мы видим в ней опущенное сказуемое, то она относится к классу двусоставных предложений. Далее, если причислять (1) к номинативным предложениям, возникает вопрос о том, в какую группу внутри этого класса следует ее включить, поскольку она обладает отличиями от всех известных семантических групп номинативных предложений. Таким образом, (1) представляет собой интересный объект для анализа, позволяющий уточнить ряд теоретических положений. Небесполезным представляется ее анализ и в методических целях: как известно, именно подобные — хорошо знакомые — конструкции нередко фигурируют в каверзных вопросах любознательных студентов.

Следует пояснить утверждение относительно нулевой связки из предыдущего абзаца. Предпочтительной мне представляется та точка зрения, что связку *быть*, включая ее нулевую форму настоящего времени, категорически нельзя отождествлять со сказуемым, хотя недостатка в подобных суждениях нет, ср. из относительно недавних работ целую главу под названием «Являются ли односоставными номинативные предложения?» в [4: 54–79], там же и обзор литературы. Аргумент прост: в тех случаях, когда *быть* является не грамматической связкой, а полнозначным глаголом (и, соответственно, действительным сказуемым), он не обращается в нуль в настоящем времени:

- (i) У тебя *есть* время, чтобы поговорить?;
- (ii) *У тебя время, чтобы поговорить?

Предложения типа (i) действительно двусоставны; в тех же случаях, когда *быть* только формальная связка с нулевым экспонентом в наст. вр., перед нами номинативные предложения:

- (iii) У вас, милейший, грипп, надо лечиться.

См. также [7: 78]. Трудность, однако, состоит в том, что, как будет показано ниже, в некоторых случаях полноценное сказуемое регулярно опускается, в результате чего предложение ста-

новится практически неотличимым от предложений с нулевой связкой.

1. Отграничение от смежных конструкций. Анализ конструкции (1) полезно начать с отграничения ее от близких, но не тождественных ей. Материал для этого предоставляет то же стихотворение С. В. Михалкова:

- (2) А у нас сегодня гость;
- (3) А у нас в квартире газ.

1.1. Субъектный детерминант и семантическая категория посессивности. Общим для (1–3) является наличие элемента *у меня / у нас* — в терминах Н. Ю. Шведовой, субъектного детерминанта в форме личного местоимения в Род. п. с предлогом *у* (далее будем называть его «*у меня-детерминант*», подразумевая под «*у меня*» личное местоимение или одушевленное существительное в этой форме¹). Этот вид субъектного детерминанта хорошо отвечает самому понятию, введенному Н. Ю. Шведовой: он в буквальном смысле детерминирует семантику предложения, ограничивая сферу действия дальнейшей предикации личной сферой говорящего (или иного субъекта).

Из 6 значений *у меня-детерминанта*, перечисляемых Н. Ю. Шведовой: 1) субъект владеющий, 2) субъект — носитель постоянного признака, 3) субъект внутреннего или внешнего состояния, 4) субъект деятельности, 5) субъект состояния + субъект действия, 6) субъект ситуации [13: 152], — первое можно считать, вероятно, прототипическим: ведь нахождение чего-л. в личной сфере субъекта осмысливается прежде всего как владение, обладание. Поэтому можно сказать, что *у меня-детерминант* задает, в общем случае, и одну из организующих высказывание в целом семантических категорий — категорию посессивности (см. [1; 12]), ср.:

- (4) У них (*есть*) квартира в городе и дом в деревне;
- (5) Молчалин. *Есть у меня вещицы три...* (Грибоедов. Горе от ума).

Под семантической категорией в данном случае понимается тип наиболее общих языковых значений (ср. понятийные категории в трактовке И. И. Мещанинова, связанной с концепцией О. Есперсена и др.: [9]) — таких, как темпо-

ральность, модальность, личность / неличность и мн. др., — в той или иной мере универсальных и выражаемых в разных языках и в пределах одного языка различными грамматическими, лексико-грамматическими и лексическими средствами. В частности, категория посессивности выражается в русском языке притяжательными местоимениями (*мой, твой...*) и прилагательными (*Митина любовь*), синтаксемой родительного беспредложного с соответствующим значением (*кабинет Любы*), синтаксическими конструкциями вида (4–5) (модель $У N_2 V_f^{exist} N_f$; см. также: [7: 160–161]), глаголами с ядерной семой обладания (*иметь, располагать, владеть* и др.), которые организуют соответствующие высказывания. Используемая трактовка понятия семантической категории опирается, в частности, на работы [2; 3; 9].

Посессивное значение и семантическая роль Посессора, выполняемая *у меня*-детерминантом, очевидны при переводе предложений, подобных (4–5), на любой из *иметь*-языков: например, (4) будет переведено на английский конструкцией *They have (got)...*, на немецкий — *Sie haben...* и т. д.

Однако категория посессивности организует высказывание в целом не только при наличии *у меня*-детерминанта, но также при том обязательном условии, что имя в Им. п. имеет предметную семантику и употребляется референтно (ср.: *гвоздь, квартира, дом* в (1, 4), но не *гость* в (2); о *газ* в (3) см. ниже).

В самом деле, значение обладания реализуется лишь в том случае, когда речь идет о чем-то таком, чем в принципе можно обладать, ср. еще:

(6) *У ей керенки есть в чулке* (А. Блок. Двенадцать).

Именно поэтому в (2) посессивное значение исключено, предложение имеет значение актуального события в указанной личной сфере (*у нас сегодня гость*). *Газ* в (3) тоже явно не предмет обладания, и предложение в целом имеет значение наличия в указанной сфере ('в нашей квартире имеется газоснабжение'), то есть относится, скорее, к бытийным, хотя при желании можно усматривать здесь и оттенок посессивности ('мы располагаем необходимым оборудованием и возможностью пользоваться газом'). Возможность

различного толкования (4) объясняется разговорным употреблением имени *газ* одновременно в прямом ('природный газ') и метонимическом ('газовое оборудование') значениях.

Следует оговорить, что семантическая категория посессивности может трактоваться и узко, и широко. При узкой трактовке посессивными признаются только конструкции со значением собственно обладания, фактического владения, отторжимой принадлежности (4–6), при широкой — и многие другие со значением несобственно обладания, объединяемые понятием неотторжимой принадлежности [12: 100–102]. Различные частные значения в сфере несобственно обладания формируются прежде всего использованием в конструкции *У меня есть...* имен, обозначающих части тела, лиц, опредмеченные качества, свойства, внутренние состояния, а также события [Там же: 102]. Заметим, что в двух последних случаях, то есть при использовании имен состояний (7) и событий (2, 8), видеть посессивное значение отнюдь не обязательно, поскольку *у меня*-детерминант с большей или меньшей отчетливостью приобретает семантическую роль не Посессора, а Экспериенцера:

(7) *У нее постоянно мигрень;*

(8) *У нас сегодня праздник!*

Таким образом, близкие к (1) конструкции (2–3) отличаются от нее прежде всего в семантическом плане. Если в (1) *у меня*-детерминант в сочетании с референтным конкретно-предметным именем в Им. п. формирует собственно посессивное значение как основное значение конструкции, то в (2–3) это значение или вытеснено на периферию (3), или отсутствует (2). Конструкция (7), с именем состояния в Им. п. (чаще это названия негативно оцениваемых психологических состояний, болезней, ситуаций: *депрессия, грипп, беда* и т. п.), резко отличается от (1) и от (2–3) еще и тем, что субъектный детерминант в ней воплощает компонент, входящий в элементарную семантическую структуру предложения, без которого предложение невозможно. Между тем конструкции вида (4–5) могут модифицироваться из посессивных в экзистенциальные путем замены субъектного детерминанта обстоятельством:

- (9) *Не помнишь, у нас есть еще сахар? → Не помнишь, там в кладовке есть еще сахар?*

Возможность такой модификации означает, что семантическая связь детерминанта с предикативным центром в случаях типа (4–5, 9) значительно слабее аналогичной связи в (7). Иначе говоря, можно полагать, что, несмотря на внешнее тождество *у меня*-детерминанта в приведенных примерах, семантические различия между его ролями в разных конструкциях значительны: Экспериенцер мыслится как носитель предикативного признака в существенно большей мере, нежели Посессор, и детерминант с ролью Экспериенцера имеет больше оснований претендовать на статус неканонического подлежащего (о неканонических подлежащих см., в частности: [11]). Поэтому и возможны «безглагольные» трансформации типа:

- (10) *У него депрессия → Он в депрессии,*

но невозможны или маловероятны:

- (11) *У них квартира в городе и дом в деревне → *Они с квартирой в городе и домом в деревне.*

Следует оговорить, что суждения о выражении посессивности в русском языке (как и в других *быть*-языках) могут восприниматься адекватно лишь с учетом того, что в *быть*-языке посессивные конструкции всегда опираются на бытийное значение. По сути дела, русская посессивная конструкция типа (4–6) — это исходно бытийная конструкция, в которой базовое экзистенциальное значение благодаря взаимодействию *у меня*-детерминанта и предметного имени в Им. п. модифицируется в посессивное. Не случайно К. Г. Чинчлей, противопоставляя конструкции типа *У нас есть фиалки* и *В лесу есть фиалки*, называет их экзистенциально-посессивными и экзистенциально-локативными [12: 106]. Собственно же посессивное значение в наиболее «чистом» виде выражается в конструкциях с предикатами обладания *иметь*, *владеть*, *располагать*, *обладать* и под. Тонкую игру на различиях по степени проявления то бытийно-локативного, то посессивного значений и, соответственно, на менах ролей Посессора и Экспериенцера (с локативным оттенком) у однотипных субъектных

детерминантов можно наблюдать в строчках известной песни группы «ДДТ»:

- (12) *У тебя есть сын, у меня — лишь ночь,
У тебя есть дом, у меня — лишь дым
(Ю. Шевчук. У тебя есть сын).*

Собственно посессивное значение можно констатировать только в предложении *У тебя есть дом* (*сын* не может рассматриваться как объект владения); в остальных трех случаях оно в той или иной мере приглушено или практически вытеснено бытийным. Игра в том и состоит, что ожидается реализация посессивности, но вместо объекта владения возникают *ночь*, *дым* — то есть то, чем владеть в принципе невозможно, и ожидание оказывается обманутым.

1.2. Локальный детерминант и семантическая категория локативности. Второй существенный элемент структуры (1) — локальный детерминант *в кармане*. Сочетание субъектного детерминанта с локальным не является уникальным: оно наблюдается, например, и в (3). Более того, локальное значение может ясно прочитываться и в субъектном детерминанте, как в (2): *У нас сегодня гость 'В нашем доме сегодня гость'*; аналогично и в (8). Однако (1) отличается от других случаев тем, что сочетание семантических категорий посессивности и локативности в нем дано в наиболее чистом виде. В конструкции (3), как показано выше, использование непредметного имени *газ* в разговорном диффузном значении ослабляет посессивное значение до лишь оттенка при доминирующем бытийном значении. Дополнительными примерами «беспримесного» сочетания семантических категорий посессивности и локативности могут служить следующие:

- (13) *У отца в гараже мастерская;*
(14) *У девочки в коляске кукла.*

Как и категория посессивности, локативность опирается на категорию бытийности: «О близости экзистенциальных и локативных высказываний говорили еще древние греки: если нечто существует, оно существует где-то, т. е. „существовать“ само по себе является пространственной метафорой» [Там же: 105] (со ссылкой на [14: 257]). Однако существенное различие ме-

жду посессивными и локативными высказываниями состоит в том, как оформляется предикативный центр. Если в первых — в нормативных реализациях — он оформляется полнозначным глаголом существования (*есть, имеется*), на что указывает и К. Г. Чинчлей [12: 102], то во вторых столь же нормативен нуль, ср.: (13–14).

При этом необходимо упомянуть о том, что нормативность полнозначного глагола vs. нуля глагола (или нулевой связки) — свойство лишь минимальных реализаций указанных моделей. Распространение модели может оказывать на это свойство прямое влияние. Например, квантификация отторжимого абстрактного объекта владения (располагания) в посессивных высказываниях ведет к нормативной замене полнозначного глагола на нуль:

- (15а) *У меня есть время* / **У меня время*. Но: *У меня много времени* — при значительно менее вероятном ?*У меня есть много времени*;
- (15б) *У вас есть шанс попасть в сборную* / ?*У вас шанс попасть в сборную*. Но: *У вас большие шансы попасть в сборную* — при менее вероятном ?*У вас есть большие шансы попасть в сборную*;
- (15в) *У меня есть возможность сделать это* / **У меня возможность сделать это*. Но: *У меня много возможностей сделать это* — при столь же вероятном *У меня есть много возможностей сделать это*.

Как видно из (15а–в), соотношение вероятностей вариантов с наличием / нулем глагола в разных случаях различно, но несомненно, что вариант с нулем глагола при квантифицированном отторжимом абстрактном объекте обладания выглядит абсолютно приемлемым — при неприемлемости или сомнительности вариантов с нулем глагола в отсутствие квантификации объекта.

1.3. У меня в кармане гвоздь — речевая синтаксическая модель. Таким образом, конструкция (1) может быть интерпретирована как результат контаминации двух базовых моделей, принадлежащих системе языка: 1) модели с *у меня*-детерминантом с посессивным значением, ср. (4–6), и 2) модели с локальным детерминантом и, соответственно, с локативным значением (*В коляске кукла; В руке — граната*). Иными словами, перед нами производная — речевая — синтаксическая модель (о речевых моделях подробнее см.:

[6]). Контаминация же базовых моделей возникает вследствие взаимодействия в высказывании двух семантических категорий — посессивности и локативности.

Само по себе взаимодействие в высказывании различных семантических категорий — стандартное явление. Относительно категории посессивности К. Г. Чинчлей, например, пишет, цитируя Т. М. Николаеву: «Как правило, значение посессивности не является изолированным, оно выступает „в непосредственной координации с другими содержательными компонентами высказывания, образуя с ними связанные смысловые комбинации“ [10: 74]» [12: 106]. Однако обычно категориальное взаимодействие ведет к такой модификации синтаксической модели, которая не затрагивает ее основ. Например, актуализация семантической категории модальности, которая выражается введением в высказывание дополнительного модального значения с помощью специализированной глагольной связки (*Она всегда была красива* → *Она всегда казалась красивой*), не влияет на общее устройство модели: основным ее значением остается характеристика субъекта, сказуемое остается именным и т. д. Актуализируемая семантическая категория не претендует на то, чтобы стать в высказывании ведущей.

В нашем же случае взаимодействие двух семантических категорий имеет конкурирующий характер, что выражено грамматически: каждая из них экспонирована детерминантом, и предикативный центр вынужден семантически сопрягаться с каждым из них. Можно полагать, что именно конкурирующее взаимодействие в (1) двух семантических категорий, каждая из которых располагает собственными прототипическими синтаксическими моделями, имеет следствием ту грамматическую особенность рассматриваемой конструкции, о которой упоминалось во Введении. Обратимся к этой особенности.

2.1. Нулевая связка или эллипсис сказуемого? Конструкции типа (1) довольно широко распространены. НКРЯ в ответ на запрос «*у меня в кармане*» (поиск точных форм) выдает выборку объемом в 273 вхождения. Ср. дополнительные примеры:

- (15) *У меня в кармане сто рублей. Я их не истратил вчера, и они со мной — мало ли куда мы можем пойти сегодня* (Ю. Казаков. Голубое и зеленое (1956));
- (16) *У меня в кармане зеленая книжица, выданная мне эмигрантскими властями Америки — она позволяет мне вернуться в страну «желтого дьявола»...* (Дм. Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов (Сибирские огни. 2013));
- (17) *У меня в кармане две копейки, Не хватает даже на трамвай* (М. Петров. Поэт забвения (Сибирские огни. 2012).

При переводе предложения в план прошедшего значение сохраняется:

- (18) *К счастью, у меня в кармане пиджака была зажигалка* (В. Пелевин. Бэтман Аполло (2013));
- (19) *У меня в кармане был пакетик с леденцами, и я решил угостить младшего работника* (В. Астафьев. Затеси (Новый Мир. 1999));
- (20) *У меня в кармане была получка, новые украинские деньги* (А. Кузнецов. Бабий яр (1965–1970)).

Если исходить из представления, которое А. Б. Летучий формулирует следующим образом: «Основным критерием для выделения нулевой связки мы считаем возможность замены в прошедшем или будущем времени на ненулевую форму глагола *быть*» [8], — мы должны прийти к решению, что в примерах (1; 15–17) и подобных перед нами один из случаев нулевой связки. Однако такое решение представляется преждевременным.

Дело в том, что, если нулевой глагол в (1; 15–17) и форма *есть* в (5–6; 18–20) является связкой, то эти группы примеров должны различаться значением. А. Б. Летучий, обобщая наблюдения Н. Д. Арутюновой, О. Н. Селиверстовой, Т. В. Булыгиной, К. Г. Чинчлей и др., пишет (в цитате сохранена нумерация примеров оригинала): «Конструкции с нулевой связкой и со связкой *есть* имеют разную коммуникативную структуру. Например, в посессивных конструкциях с *есть* подчёркивается наличие / существование предмета (собственно посессивное отношение), а в конструкциях с нулевой связкой — его определённые свойства. Конструкции с нулевой связкой всегда подразумевают сопоставление двух компонентов (например, предмета и его свойства). Не случайно из двух предложений:

- а) *У него есть большая квартира;*
 б) *У него есть квартира*

только одно естественно преобразуется в конструкцию с нулевой связкой:

У него большая квартира.

Данное предложение означает не ‘У него есть большая квартира’, а ‘Его квартира — большая’» [Там же].

Между тем никаких подобных различий между группами примеров (1; 15–17) и (5–6; 18–20) не наблюдается. Дополнительной проверкой для этого утверждения может служить обратный тест — на «обнуление» глагола:

- (21) *У меня в кармане есть такая автомашина!* (Ю. Казаков. Свечечка (1973))²; → ^{OK}У меня в кармане такая автомашина!;
- (22) *Прошу вас помнить, что у меня в кармане есть вчера только что подписанное духовное завещание вашего мужа, которым он все свое состояние отказал вам* (Н. С. Лесков. На ножах (1870)); → ^{OK}У меня в кармане вчера только подписанное завещание...;
- (23) — *Герман, у меня в кармане джинсов есть брелок, ножик-«бабочка»* (А. Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)) → ^{OK}У меня в кармане брелок, ножик-«бабочка».

Тест на «обнуление» глагола показывает, что семантического различия между вариантами с *есть* и с нулем глагола нет. Отсюда следует, что (21) не означает ‘автомашина в моем кармане — такая’ (ср.: *У него большая квартира* ‘Его квартира — большая’), (22) не означает ‘духовное завещание вашего мужа — только что подписанное’ или ‘только что подписанное завещание — духовное завещание вашего мужа’, (23) не означает ‘брелок в кармане моих джинсов — ножик-бабочка’.

Аналогичные примеры с нулем глагола:

- (24) *У меня в кармане бутылка белого, у тебя — портвейн* (В. Шукшин. Два письма (1966)) ≠ ‘Моя бутылка с белым вином, твоя — с портвейном’;
- (25) *Как ни перегибается мой конвоир — ничего ему не слышно за стуком вагона. У меня в кармане — открытка домой. Сейчас объясню моему простецкому собеседнику, кто я, и попрошу опустить в ящик* (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973)) ≠ ‘Моя открытка — домой’.

Таким образом, во всех рассмотренных примерах (15–25), соответствующих конструк-

ции (1), ни нулевая, ни ненулевая формы глагола *быть* не являются связками. Следовательно, это полнозначные глаголы-сказуемые, которые в данной конструкции регулярно опускаются без ущерба для смысла. Это же касается и других глаголов с семой существования (иногда наведенной самой конструкцией), весьма частотных в рассматриваемой модели:

- (26) *Не знают они, дураки, что лежит у меня в кармане!* (В. Голявкин. Рисунки на асфальте (1965));
 (27) — *А ну-ка, глянь, что у меня в кармане водится!* (Д. Рубина. Терновник (1983));
 (28) *Эх, Петя, у меня в кармане трояк завалялся, давай что-нибудь сообразим!* (В. Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)).

Во всех этих случаях (26–28) глагол-сказуемое может быть опущен без ущерба для смысла. Регулярность сохранения одного и того же смысла в реализациях модели как с выраженным глаголом, так и без него может служить дополнительным свидетельством в пользу признания и глагола *быть* в модели (1) полнозначным.

2.2. Роль локального детерминанта. В п. 1.2 отмечалось, что распространение исходной модели может оказывать существенное влияние на нормативность / аномальность эллипсиса сказуемого. В данном случае распространение исходной собственно-посессивной модели локальным детерминантом связано, как указывалось в п. 1.3, с совмещением в высказывании двух семантических категорий — посессивности и локативности. Известно, что для локативных высказываний (типа *В коляске кукла, В руке граната, Напротив окна шкаф и кровать*) в настоящем времени нуль глагола типичен. По-видимому, появление в исходной собственно-посессивной модели локального детерминанта сказывается на грамматических свойствах получаемой речевой модели в том смысле, что вариант с нулевым сказуемым становится предпочтительным.

Для проверки этого положения при помощи НКРЯ был создан рабочий подкорпус, объем которого составил 1326 вхождений³. Подсчеты, произведенные по нескольким первым страницам выборки, показали, что соотношение глагольных и безглагольных реализаций модели без локаль-

ного детерминанта — примерно 1 : 1. Между тем в выборке, полученной по запросу «У меня в кармане», соотношение иное: 1 : 3, то есть безглагольных реализаций в три раза больше. Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что именно локальный детерминант, реализующий семантическую категорию локативности, не просто лицензирует эллипсис сказуемого в результирующей контаминированной речевой модели, но делает его предпочтительным.

3. Заключительные замечания. Речевые синтаксические модели, одна из которых была рассмотрена в данном случае, пока не только недостаточно изучены — далека от своего решения задача их выявления и систематизации. Между тем, как показывают опыты их изучения, они демонстрируют свойства, не предсказываемые ни традиционной, ни структурно-семантической, ни функционально-коммуникативной версиями синтаксической теории (см. также: [5]). Изучение конструкции (1) показало, что взаимодействие семантических категорий, организующих высказывание, может носить конкурирующий характер, следствием чего оказывается контаминация базовых моделей, соответствующих каждой из этих категорий. Эллипсис полнозначного глагола, хорошо известный для случаев типа *Татьяна в лес, медведь за ней*, распространен, как выясняется, намного шире, нежели может казаться, и чередование с нулем отнюдь не может служить достаточным основанием для вывода о связочной природе глагола. Нет сомнения, что дальнейшее изучение производных синтаксических моделей способно принести новое знание, существенное для синтаксической теории в целом — независимо от версии этой теории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кроме удобства, выбор именования объясняется тем, что, по данным Национального корпуса русского языка, формы *у меня* и *у нас* обладают наиболее высокой встречаемостью среди местоименных реализаций синтаксемы *у + Род. п.*, уступая только субстантивным реализациям (соответственно 143511, 126955 и 385491 вхождение) (www.ruscorg.ru; дата обращения 29.07.2018).

² Разрядка принадлежит оригинальному тексту рассказа (в НКРЯ она отсутствует). Смысл фразы, произносимой

отцом, который в темноте потерял сына, увлекшегося игрой и не слышащего его, состоит в том, чтобы привлечь его внимание, заставить его услышать отца. Разрядка указывает на рематический акцент; предложение читается как сообщение о наличии у говорящего нового и интересного для адресата предмета.

³ Запрос был сформулирован следующим образом: **y PR** на расстоянии **I** от **я SPRO,gen** на расстоянии **I** от **S₁nom,sg & S₂r:concr & (t:stuff | t:tool | t:tool:instr | t:tool:device | t:tool:weapon | t:tool:cloth)**. Иными словами, были запрошены реализации конструкции *У меня N₁* с конкретными именами существительными нескольких семантических групп (материал, инструмент, оружие, устройство, одежда). Условиями запроса не запрещалось появление глагола после существительного, но случаи предшествования глагола были исключены. Ясно, что при изменении запроса изменится состав выборки и соотношение глагольных и безглагольных реализаций, однако и анализ данного подкорпуса позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Вступительные замечания [к гл. III. Посе́ссивность] // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посе́ссивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996. С. 99–100.
2. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
3. Бульгина Т. В., Крылов С. А. Понятийные категории // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 385–386.
4. Долин Ю. Т. Вопросы теории односоставного предложения (на материале русского языка). 2-е изд. Оренбург, 2008.
5. Дымарский М. Я. Прагматика синтаксической производности: игра «своего» и «чужого» в случае *Я не безумец лезть под пули* // Acta Slavica Estonica VIII. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. *Свое — чужое* в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. С. 64–77.
6. Дымарский М. Я. Трехуровневая система синтаксических моделей и проблема порождения высказывания // Функционально-лингвистические исследования 2005: Сб. ст. в честь проф. А. В. Бондарко. СПб., 2005. С. 13–25.
7. Ильенко С. Г., Дымарский М. Я., Мартыанова И. А. и др. Современный русский язык: Синтаксис. Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. М., 2016.
8. Летуций А. Б. Нулевая связка // Русская корпусная грамматика [rusgram.ru]. 2018.
9. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. 2-е изд. Л., 1978.
10. Николаева Т. М. Иерархия категориальных корреляций посевивности в рамках высказывания и приименного словосочетания // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983.

11. Циммерлинг А. В. Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: Сб. ст. в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко / Отв. ред. М. Д. Воейкова. М., 2012. С. 568–590.
12. Чинчлей К. Г. Поле посевивности и посевивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посевивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996. С. 100–118.
13. Шведова Н. Ю. Распространение предложения в целом (детерминация) // Русская грамматика: В 2 т. / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. Синтаксис. М., 1980. С. 149–163.
14. Kahn Ch. The Greek verb «to be» and the concept of being // Foundations of Language. Vol. 2, № 3. 1966.

REFERENCES

1. Bondarko A. V. (1996) Vsupitel'nye zamechaniia [k glave III. Possessivnost'] [Introductory notes [to the Chapter III. Possessivity]]. In: Bondarko A. V., ed. *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Possessivnost'. Obuslovennost'* [Theory of Functional Grammar. Locativity. Possessivity. Conditionality]. St. Petersburg, pp. 99–100. (in Russian)
2. Bondarko A. V. (1983) *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of Functional Grammar and Issues of Aspectology]. Leningrad. (in Russian)
3. Bulygina T. V., Krylov S. A. (1990) Poniatiinye kategorii [Conceptual Categories]. In: Yartseva V. N., ed. *Lingvisticheskie entsiklopedicheskie slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, pp. 385–386. (in Russian)
4. Dolin Yu. T. (2008) *Voprosy teorii odnosostavnogo predlozheniia (na materiale russkogo yazyka)* [Questions of the Theory of Mononuclear Clause (on the Material of the Russian Language)]. 2nd ed. Orenburg. (in Russian)
5. Dymarskii M. Ia. (2016) Pragmatika sintaksicheskoj proizvodnosti: igra «svoego» i «chuzhogo» v sluchae *Ja ne bezumets lezi' pod puli* [Pragmatics of Syntactic Derivativeness: The Play of the “Own” and the “Alien” in the Case of *Ja ne bezumets lezi' pod puli* [I am not a madman to crawl under the bullets]]. In: Kiu'lmoya I. P., ed. *Acta Slavica Estonica VIII. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Lingvistika XVII. Svoe — chuzhoe v iazyke i rechi* [Acta Slavica Estonica VIII. Works on Russian and Slavic Philology. Linguistics VIII. Own — Alien in Language and Speech]. Tartu, pp. 64–77. (in Russian)
6. Dymarskii M. Ia. (2005) Trekhurovnevaja sistema sintaksicheskikh modelei i problema porozhdeniia vyskazyvaniia [The Three-level System of Syntactic Models and the Problem of Generating an Utterance]. In: *Funktsional'no-lingvisticheskie issledovaniia 2005: Sb. st. v chest' prof. A. V. Bondarko* [Issues in Functional Linguistics 2005: In Honour of prof. A. V. Bondarko]. St. Petersburg, pp. 13–25. (in Russian)
7. Il'enko S. G., Dymarskii M. Ia., Mart'ianova I. A. et al. (2016) *Sovremennyi russkii iazyk: Sintaksis. Uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata* [The Contemporary Russian Language, Syntax. Textbook and Practical Work for the Academic Baccalaureate]. Moscow. (in Russian)
8. Letuchii A. B. (2018) Nulevaia svjazka [Zero Copula]. In: *Russkaia korpusnaia grammatika* [rusgram.ru] [Russian Corpus Grammar]. Moscow. Available at: <http://www.rusgram.ru> (accessed 29.07.2018). (in Russian)
9. Meshchaninov I. I. (1978) *Chleny predlozheniia i chasti rechi* [Sentence Constituents and Parts of Speech], 2nd ed. Leningrad. (in Russian)
10. Nikolaeva T. M. (1983) Ierarkhiia kategorial'nykh korreliatsii posessivnosti v ramkakh vyskazyvaniia i priimennogo slovosochetaniia [The Hierarchy of the Possessivity Categorical Correlations within the Frameworks of an Utterance and an adnominal phrase]. In: *Kategoriiia pritiazhatel'nosti v slavianskikh i balkanskikh iazykakh: Tezisy soveshchaniia* [The Category of Possessivity in Slavic and Balkan Languages: Meeting Abstracts]. Moscow. (in Russian)
11. Tsimmerling A. V. (2012) Nekanonicheskie podlezhashchie v russkom iazyke [Non-canonical Subjects in Russian]. In: Voeikova M. D., ed. *Ot znacheniia k forme, ot formy k znacheniiu: Sb. st. v chest' 80-letii chlena-korrespondenta RAN A. V. Bondarko* [From Meaning to Form, from Form to Meaning: In Honour of the Corresponding Member of RAS A. V. Bondarko]. Moscow, pp. 568–590. (in Russian)
12. Chinchlei K. G. (1996) Pole posessivnosti i posessivnye situatsii [The Field of Possessivity and the Possessive Situations]. In: Bondarko A. V., ed. *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Lokativnost'. Bytiinost'. Possessivnost'. Obuslovennost'* [Theory of Functional Grammar. Locativity. Possessivity. Conditionality]. St. Petersburg, pp. 100–118. (in Russian)
13. Shvedova N. Iu. (1980) Rasprostranenie predlozheniia v tselom (determinatsiia) [Spreading of a Clause in Whole (determination)]. In: Shvedova N. Iu., ed. *Russkaia grammatika* [Russian Grammar], in 2 vols., vol. 2. Sintaksis [Syntax]. Moscow, pp. 149–163. (in Russian)
14. Kahn Ch. (1966) The Greek Verb «to be» and the Concept of Being. *Foundations of Language*, vol. 2, no. 3. (in English)

ГЛАГОЛЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ВОСПРИЯТИЯ В КАНТРОПТАТИВНЫХ ИНФИНИТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

WANG AIQIU

VERBS OF THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP OF PERCEPTION
IN COUNTER-OPTATIVE INFINITIVE UTTERANCES

Ван Айцю

Аспирант кафедры русского языка
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
Наб. реки Мойки, 48,
Санкт-Петербург, 191186, Россия
► waq2016@list.ru

Wang Aiqiu

Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Embankment
St. Petersburg, 191186, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский

Рассматриваются кантроптивные инфинитивные высказывания с глаголами восприятия (*He vidat' by ego bol'she nikogda*). Уточняется состав глаголов лексико-семантической группы восприятия, используемых в кантроптивных инфинитивных высказываниях. Анализируются причины избирательности употребления данных глаголов в кантроптивных инфинитивных высказываниях (в подкорпусе, полученном при помощи Национального корпуса русского языка и поисковой системы Google, фиксируется использование только 23 из 95 глаголов); в частности, материал рассмотрен в плане таких признаков инфинитивных высказываний, как темпоральный вектор, вид глагола и персональная отнесенность. Выяснено, что кантроптивные инфинитивные высказывания 1) оказывают предпочтение глаголам несовершенного вида, 2) обозначающим неконтролируемые действия. Выбор глагола восприятия более вероятен в кантроптивных инфинитивных высказываниях 3) с футуральной временной перспективой. Важным фактором является также 4) наличие в семантической структуре глагола негативных сем.

Ключевые слова: русский язык; синтаксис; кантроптивное инфинитивное высказывание; глаголы восприятия; лексико-семантическая группа.

The article is focused on counter-optative infinitive utterances based on verbs of perception (*Ne vidat' by yego bol'she nikogda*), and specifies the subset of verbs of perception functioning in counter-optative infinitive utterances. The author analyzes the reasons for the selectivity of the use of these verbs in counter-optative infinitive utterances (only 23 out of 95 verbs are presented in the subcorpus created with help of the Russian National Corpus and Google). The data is studied from the point of view of a number of parameters: the verb aspect, the temporal vector, and the personal reference of the infinitive utterances. It was found out that counter-optative infinitive utterances 1) prefer imperfective verbs of perception, which 2) denote uncontrollable actions. A verb of perception is more likely to be chosen 3) in counter-optative infinitive utterances with a futural temporal perspective. An important factor is also 4) the presence of a negative seme in the verb semantic structure.

Keywords: Russian language; syntax; counter-optative infinitive utterance; verbs of perception; lexical-semantic group.

Введение. Лексическая избирательность синтаксических моделей — общеизвестный факт. Вместе с тем описаны лексические предпочтения далеко не всех конкретных моделей предложения. Одна из них — инфинитивные предложения с кантроптивным значением [5]. Задача нашего исследования — выявить: 1) какие лексико-семантические груп-

пы (далее — ЛСГ) глаголов наиболее устойчиво используются в таких предложениях и 2) существуют ли какие-либо закономерности, влияющие на выбор глагола той или иной ЛСГ в качестве главного члена инфинитивного высказывания. В данном случае будут рассмотрены глаголы ЛСГ восприятия. Работа выполнена на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Контроплативность представляет собой значение не денотативной и не пропозициональной, а модальной природы, из чего вытекает широта поля средств ее выражения [Там же: 33]. Однако инфинитивное предложение (далее — ИП) может считаться если не важнейшим, то одним из важнейших средств выражения нежелательности, поскольку, как хорошо известно, именно инфинитивным предложениям присуща яркая модальная окрашенность. Значение нежелательности представлено в ИП следующими конкретными разновидностями: сожаление, упрек, совет, просьба, квазиоптатив, опасение, предостережение, угроза [Там же]. Ср.:

- (1) *Господи, не смотреть бы хоть. Еще подумает, что я голодная* (С. А. Семенов. Голод (1920–1929)) (квазиоптативное значение);
- (2) *Однако тревожные думы нет-нет да и пронизуют душу Пугачёва: не прозевать бы больших дел, не остаться бы в круглых дурнях на голом месте возле Оренбурга* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Кн. 2-я. Ч. 3 (1939–1945)) (значение опасения).

ИП давно привлекали внимание лингвистов; в различных аспектах они изучаются и в современном языкознании [4; 13; 14; 15; 16]. Однако детальное описание контроплативной разновидности ИП было впервые предпринято только в работе [5]. Автор рассматривает две модели — *He Inf бы* и *Как бы не Inf*, — анализируя варьирование категориального значения контроплативности в зависимости от комбинации значений ключевых параметров модели: вида инфинитива, персональной отнесенности высказывания и его темпоральной характеристики (темпорального вектора). Но и в этой статье не ставился вопрос о том, какие ЛСГ глаголов встречаются в данной разновидности ИП. Между тем этот вопрос имеет существенное значение для описания семантики контроплативных ИП, поскольку глагол в форме

инфинитива является не только грамматическим, но и семантическим центром ИП.

Лексико-семантическая группа — «большая группа слов одной части речи, объединенных одним словом — идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах» [11: 95].

В словаре [12] ЛСГ глаголов восприятия включена в рубрику «Интеллектуальная деятельность». Типовая семантика глаголов этой группы толкуется так: «Человек воспринимает кого-л. или что-л. каким-л. образом с помощью внешних органов чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания)» [Там же: 165]. Всего к этой группе указанный словарь относит 92 глагола. Мы добавили в эту группу еще 3 слова, отсутствующие в словаре [12]: *видать*, *слыхать* и *нарваться*. Таким образом, будем исходить из того, что объем рассматриваемой ЛСГ — 95 единиц.

1. Характеристика материала исследования. В выборке из НКРЯ, полученной по запросу *не + инфинитив + бы*, оказалось 11 глаголов из названной ЛСГ (в скобках после каждого глагола указано количество вхождений): *видать* (8), *слыхать* (1), *видеть* (1), *слышать* (2), *глядеть* (3), *нарваться* (1), *обращать* (1), *прозевать* (1), *просмотреть* (2), *слушать* (1), *смотреть* (3). Три из них относятся к совершенному виду (СВ) (*нарваться*, *прозевать*, *просмотреть*), остальные — к несовершенному (НСВ). Общий объем полученной подвыборки с глаголами восприятия составил 24 вхождения. Если сравнить количество встретившихся в ней глаголов восприятия с их общим количеством в данной ЛСГ, получим отношение 11 : 95. Другими словами, инфинитивные предложения с контроплативным значением используют глаголы восприятия весьма избирательно.

Учитывая сравнительно ограниченный объем НКРЯ, мы предприняли дополнительный поиск в Интернете. При этом мы исходили из следующих ограничений. Известно, что такие поисковые системы, как Google, не препятствуют многократному дублированию результатов. Поэтому в качестве нижней границы объема выборки

по каждому глаголу, признаваемой релевантной для нашего исследования, мы установили 100 результатов. Если в выборке оказывалось менее 100 результатов и среди них оказывалось меньше 10 разных примеров контропативных ИВ, то такие употребления мы признавали окказиональными и в дальнейшем не учитывали.

В результате поиска мы получили данные, подтверждающие употребительность еще нескольких глаголов данной ЛСГ в контропативных ИВ (примеры приводятся с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации):

- (3) Слишком много сейчас в Стражах лиц, с которыми не хочется встречаться. Которых не **встречать** бы никогда и нигде, ни на одной из дорог не пересекаться (<https://www.stihi.ru/diary/novajera/2011-06-14>);
- (4) Эх, не **читать** бы мне эти медицинские сайты... (<http://forum.antivsd.ru/index.php?topic=10163.5;wap2>);
- (5) 12 лет не виделась, еще столько же не **видеться** бы (https://pikabu.ru/story/rodstvennichki_1248800);
- (6) Такой милой, такой родной кажется, — не **отрывать** бы от нее глаз (http://www.youngcreat.ru/04_izdannoe/008/008_02.htm);
- (7) Нет-нет да и приходят на память дети, в отношениях с которыми ты явно проиграл, о которых подспудно думаешь: не **встречаться** бы никогда... (<https://ps.1september.ru/article.php?ID=200104917>);
- (8) Ох, не **замечать** бы мне иной раз некоторых взлядов (<http://turbina.ru/guide/Sankt-Peterburg-Rossiya-112311/Zametki/Istorii-Nevskogo-prospekta-tchast-2-4205/photo151251/>);
- (9) Не **чувствовать** бы запаха самолета, пропитанного электричеством, не видеть бы этих казарм и формы цвета хаки! (<https://biography.wikireading.ru/230136>);
- (10) Цветеешь, гардени, да не ко времени, / Не **любоваться** бы тобой, обманищицей (http://samlib.ru/w/wera_a/5-2.shtml);
- (11) Повернуть бы время мне назад, / Повернуть и сразу бы опомниться, / Не **ловить** бы ласковый твой взгляд (<https://poembook.ru/poem/909322>);
- (12) Не **упереться** бы в затор, как в 2014 (<https://peremogi.livejournal.com/19927925.html>).

Количественные результаты поиска в Google представлены в табл. 1 и 2.

Менее употребительны в указанных условиях оказались следующие 9 глаголов, для которых количество результатов в Google оказалось выше 100, но меньше 1000. Для этих глаголов особенно актуально исключение повторяющихся результатов, поэтому в табл. 2 приведены соответствующие данные.

Таблица 1. Количественные результаты дополнительного поиска для наиболее употребительных глаголов восприятия в контропативных инфинитивных высказываниях

Глагол	Количество результатов в Google по запросу «не + инфинитив + бы»	Количество примеров с контропативным значением из первых 100 результатов
<i>встречать</i>	1200	86
<i>пить</i>	6020	66
<i>читать</i>	5880	21

Таблица 2. Количественные результаты дополнительного поиска для наиболее употребительных глаголов восприятия в контропативных инфинитивных высказываниях

Глагол	Количество результатов в Google по запросу «не + инфинитив + бы»	Количество результатов после исключения повторов	Количество примеров с контропативным значением
<i>видеться</i>	321	36	34
<i>бросать</i>	424	37	31
<i>замечать</i>	681	43	31
<i>встречаться</i>	764	36	30
<i>чувствовать</i>	662	33	28
<i>упереться</i>	190	26	25
<i>отрывать</i>	412	24	21
<i>ловить</i>	347	25	18
<i>любоваться</i>	189	26	1

Поиск в Google позволил нам расширить список глаголов восприятия, употребляемых в предложениях с контропативным значением: (11+12) — всего 23 глагола. Таким образом, можно утверждать, что из 95 глаголов, входящих в ЛСГ глаголов восприятия, 72 единицы не употребляются в предложениях с контропативным значением. Получаемое при этом соотношение (23 : 95), как и предыдущее, свидетельствует о довольно высокой избирательности контропативных ИВ по отношению к глаголам восприятия.

2. Анализ материала. Возникает вопрос, почему одни глаголы в этих конструкциях используются, а другие нет; существуют ли какие-либо признаки, отличающие используемые в контропативных ИП глаголы восприятия от остальных глаголов этой группы.

2.1. Процедура анализа. Представленные ниже примеры охарактеризованы по следующим параметрам: 1) темпоральный вектор (далее — *ТВ*), 2) вид глагола, 3) персональная отнесенность (лицо указывается цифрой) и 4) разновидность

контропативного значения. Кратко поясним, что понимается под темпоральным вектором ИП.

Темпоральный вектор — это характеристика, заданная расположением на временной оси 1) точки бифуркации, 2) события / действия, названного инфинитивом, и 3) точки, соответствующей моменту речи / моменту повествования. Под точкой бифуркации подразумевается некоторый ключевой момент, когда возникает возможность двух путей развития; из этих двух путей всегда выбирается, как известно, только один, второй же составляет гипотетическую параллельную, «вторую», реальность. Возможны следующие значения темпорального вектора: 1) проспективный; 2) проспективно-консеквентный; 3) нулевой; 4) ретроспективный; 5) ретроспективно-антецедентный [5: 38]. Высказывания с последним значением ТВ нами не рассматриваются, поскольку они регулярно выражают не контропативное, а контрфактическое значение.

При анализе примеров нам пришлось, однако, добавить к названным в [Там же] значениям ТВ еще одно: *нулевой + проспективный ТВ* (см. ниже примеры 16–19). В этих случаях, как кажется, совмещаются нулевое и проспективное значения ТВ. С одной стороны, инфинитивы в этих примерах обозначают действие обобщенно: речь идет не о процессе, текущем в момент речи в буквальном смысле, но о процессе, который с той или иной степенью регулярности периодически возобновлялся в прошлом (по отношению к моменту речи) и в расширенном настоящем говорящего. Это признаки нулевого ТВ. Однако этот процесс имеет очевидную тенденцию к столь же регулярному возобновлению в будущем: нежелательностью последнего для говорящего, собственно, и мотивируется каждое из данных высказываний. Это уже признак проспективного ТВ. Именно этими соображениями продиктована комбинированная квалификация ТВ в примерах (16–19) как нулевого + проспективного.

2.2. Анализ примеров.

- (13) *А в красно-буром как оперлась на палку левым локтем, согнула, к плечу кулак приложила, глаза совсем закрытые: «Не **видать** бы мне вас никого...»* (А. И. Солженицын. Желябутские Выселки (1998)). (Нулевой ТВ, НСВ, 1, квазиопатив.)
- (14) *Так не **видать** бы его больше никогда, ни его, ни его цветов, которые она тут же отдавала Валерии* (О. Новикова. Женский роман (1993)). (Проспективный ТВ, НСВ, 3, квазиопатив.)
- (15) *А кому в душу совесть дана — даже и несносно. Пьянство, безобразия, девки, своевольство. На конюшне каждый день кто ни кто криком кричит. Поневолу в лес уходил, — не **видать** бы здешнего содома-гомора* (А. В. Амфитеатров. Княжна (1889–1895)). (Нулевой ТВ, НСВ, 1, квазиопатив с целевым оттенком.)
- (16) *А Софью опять в ключи не возьму... Нет, нет, ни за какие блага!.. Опротивела!.. Не **видать** бы мне скаредных глаз ее. — По-моему, кроме Устины, выбрать некого, — молвила Фленушка. Промолчала Манефа* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874)). (Нулевой + просп. ТВ, НСВ, 1, квазиопатив.)
- (17) *Пойду ли к нему на погибель?.. Угораздило ж меня с этой Парашкой связаться!.. Пропадай она совсем, окаянная!.. Не **видать** бы ее глазам моим!.. На беду навела, на погибель... Ох, искушение!..»* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871–1874)). (Нулевой + просп. ТВ, НСВ, 1, квазиопатив.)
- (18–19) *Бежать бы куда-нибудь далеко, далеко — хоть в пучину морскую, хоть в вертепы земные, не **видать** бы только глазам моим врага-супротивника, не слышать бы ушам моим постылых речей его!.. Вот судьба-то!..* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874)). (В обоих употреблении нулевой + просп. ТВ, НСВ, 1, квазиопатив с целевым оттенком.)
- (20) *И не **глядеть** бы ему в ту сторону, отвернуться бы от соблазна, но помощь оттуда что-то не шла и не шла, и поэтому он все-таки туда поглядывал* (Б. Васильев. А зори здесь тихие (1969)). (Ретроспективный ТВ, НСВ, 3, сожаление.)
- (21) *Надо было все наладить, всем дать работу. Где же хозяин? Зыков, правда, свернул к Мулале-селу, но внезапно свой путь прервал. Эх, не **глядеть** бы на белый свет, — и ночью постучал у ворот глухой замки своего закадычного друга Терехи Толстолобова* (В. Я. Шишков. Ватага (1923)). (Нулевой ТВ, НСВ, 3, квазиопатив.)
- (22) *Машинист Никитин увидел свежие отпечатки больших кошачьих лап. — Не **нарваться** бы на тигра, — сказал он, боязливо оглядываясь. — Здесь, говорят, запросто его можно встретить. — Не беда, — ответил Федя, вынимая из кармана револьвер, — все семь на месте. — Он провернул барабан* (К. С. Бадигин. Секрет государственной важности (1974)). (Проспективно-консеквентный ТВ, СВ, 1, опасение.)
- (23) *Однако тревожные думы нет-нет да и пронизуют душу Пугачёва: не **прозевать** бы больших дел, не остаться бы в круглых дурнях на голом месте возле Оренбурга* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3 (1939–1945)). (Проспективно-консеквентный ТВ, СВ, 3, опасение.)

- (24) *Это очень, очень важно для них!.. — Красильщиков? Нет, не видал... — медленно и как бы роясь в воспоминаниях отвечал Раскольников, в тот же миг напрягаясь всем существом своим и замирая от муки поскорей бы отгадать, в чем именно ловушка, и не **просмотреть** бы чего? — Нет, не видал, да и квартиры такой, отпертой, что-то не заметил...* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).
(Проспективно-консеквентный ТВ, СВ, 2, предостережение.)
- (25) *Не **смотреть** бы ими на белый свет! Острая боль пронзила от виска до виска. Опять подступила тошнота. Слава Богу, внутри желудка у меня ничего не осталось...* (В. Скворцов. Каникулы вне закона (2001)).
(Нулевой ТВ, НСВ, 1, квазиоптатив.)
- (26) *Тошнотворно-уродлива жизнь! Не **смотреть** бы, закрыть бы глаза, но Чехов ненасытно глядит, расправляет в себе эту брезгливость, словно в ней для него какая-то странная отрада* (К. И. Чуковский. О Чехове // Нива, 1915).
(Нулевой ТВ, НСВ, 3, квазиоптатив.)
- (27) — *Катюша, о чем ты все спрашиваешь? «Хорошо, Даша здесь...» И снова мягкой тошнотой простирался под ногами коридорный ковер, лился жесткий, душный свет из пыльных окон, издали гудела часовая пружина... «Не **слышать** бы... Не видеть, не чувствовать... Лечь, уткнуться... Скорее бы конец...* (А. Н. Толстой. Хожение по мукам. Книга первая. Сестры (1922)).
(Нулевой ТВ, НСВ, 2, совет.)

2.3. Факторы выбора глагола в контропативных ИВ I: Вид глагола восприятия. Из 95 глаголов ЛСГ восприятия 12 относятся к совершенному виду и 83 — к несовершенному. Сходное соотношение наблюдается и в нашем материале: из 23 глаголов, употребляемых в контропативных ИВ, 19 относятся к НСВ и только 4 — к СВ. Очевидно, что вид оказывает влияние на выбор глагола для контропативных ИВ: явное предпочтение оказывается глаголам НСВ.

2.4. Факторы выбора глагола в контропативных ИВ II: Темпоральный вектор. Заслуживают внимания значения темпорального вектора ИВ в приведенных примерах.

В 6 случаях из 15 приведенных употреблений (примеры 13–27 из НКРЯ) наблюдается нулевой ТВ (13, 15, 21, 25, 26, 27), в 1 случае — проспективный (14), в 3 случаях — проспективно-консеквентный (22, 23, 24), в 4 случаях — нулевой + проспективный (16–19), и в одном случае — ретроспективный (20). Если учесть, что проспективное, нулевое + проспективное и проспективно-консеквентное значения ТВ представ-

ляют собой разновидности футуральной временной перспективы, то можно утверждать, что в 50% ИП обладают футуральной временной характеристикой. Можно, следовательно, полагать, что футуральная временная перспектива является относительно важным фактором, влияющим на вхождение глаголов ЛСГ восприятия в ИП с контропативным значением.

2.5. Факторы выбора глагола в контропативных ИВ III: Признак контролируемости действия. Третьим фактором, который, возможно, оказывает влияние на выбор глагола восприятия в рассматриваемом типе ИВ, представляется признак контролируемости действия, обозначенного инфинитивом. Тема контролируемости / неконтролируемости действия активно обсуждалась в конце XX века такими исследователями, как А. Вежбицкая [17], Ф. С. Бацевич [2], Г. И. Кустова [9], Анна А. Зализняк [6], Т. В. Булыгина, С. А. Крылов [3], Н. Д. Арутюнова [1] и др.

«Если исключить ситуации, которые вообще неуместно обсуждать в терминах контролируемости (природные процессы, абстрактные отношения и т. п.), то все остальные (для которых контроль релевантен) распадаются на два класса — контролируемые и неконтролируемые — независимо от их таксономического типа» [9: 145]. Признак контролируемости толкуется Анной А. Зализняк следующим образом: «Про человека X можно сказать, что он контролирует ситуацию P (или что ситуация P является контролируемой для X-а), если X является в P субъектом намеренного действия, результат которого совпадает с объектом намерения и рассматривается как однозначно определяемый предшествующим действием» [6: 140]. Этот признак, как известно, поддается выявлению преимущественно на отрицательном материале [3].

В наших материалах фигурируют всего четыре глагола, которые выражают контролируемое действие: *глядеть, обращать, слушать, смотреть*. Можно предположить, что глаголы, выражающие контролируемое действие, связаны с реализацией одного и того же частного значения контропативных ИП.

Опираясь на данные таблицы семантических вариантов категориальной ситуации контропта-

тивности в моделях высказываний *не Inf бы* [5: 45], определяем, что в примерах (21, 25, 26) глаголы с признаком [+Контроль] связаны с выражением квазиоптативного значения, в (20) — сожаления. Гипотеза не подтверждается: не все глаголы, обозначающие контролируемое действие, выражают в контропативных ИП одно и то же частное значение. Вместе с тем количественное соотношение показательно: лишь в 33% случаев использованы глаголы, выражающие контролируемое действие. Можно полагать, что признак неконтролируемости действия оказывается дополнительным фактором, мотивирующим выбор глагола для выражения контропативного значения, поскольку, безусловно, общая категориальная ситуация нежелательности в инфинитивном предложении, обладающем, по определению, признаком «инактивности субъекта» (выражение Г. А. Золотовой [7: 103–105]), наилучшим образом согласуется именно с признаком неконтролируемости действия.

2.6. Факторы выбора глагола в контропативных ИВ IV: Наличие негативной семы.

Еще один важный фактор, влияющий на вхождение глаголов ЛСГ восприятия в инфинитивные высказывания, — негативные семы в значениях глаголов. Понятие семной структуры толкуется Э. В. Кузнецовой следующим образом: «Семная структура любого слова построена по иерархическому принципу, ее компоненты — семы — неравноправны. В ней выделяются какие-то самые общие семы, которым подчинены все другие, менее общие. Самые общие семы — это семы грамматического характера (граммемы)» [8: 33]. Автор делит наиболее общие семы на три класса: сема 'действие' в глаголах, сема 'признак' в прилагательных, сема 'предмет' в существительных [Там же]. Нас, как очевидно, интересует общая сема 'действие' в глаголах и наличие при ней дополнительной семы отрицательной оценки ситуации, обозначаемой глаголом.

Обращают на себя внимание глаголы *просмотреть* (*просматривать*), *прозевать* и *нарваться*. В семантической структуре этих глаголов есть негативные семы. Хотя глагол *просмотреть* в словаре [12] не описан, его пара НСВ — *просматривать* — включена в ЛСГ восприятия.

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой этот глагол толкуется так: «1. *что*. Осматривая, смотря, ознакомить с чем-н. *П. фильм. П. новую экспозицию.* 2. *что*. Бегло, с пропусками прочитать (про себя, не вслух). *П. газету. П. рукопись.* 3. *кого (что)*. Смотря, не заметить, пропустить. *П. ошибку.* 4. *что*. Провести какое-н. время, рассматривая, наблюдая что-н. 5. То же, что проглядеть (во 2 знач.)» [10: 620]. Негативные семы обнаруживаются в значениях 2, 3 и 5. В нашем примере (24) *просмотреть* использован в значении 'смотреть, но не заметить, не увидеть'. Применительно к глаголам *прозевать* и *нарваться* ситуация еще более очевидная. Сема восприятия в этих глаголах есть, но она очень приглушена именно потому, что такие глаголы обозначают негативный результат восприятия, а негативный результат объясняется тем, что восприятие было невнимательным или было приостановлено. Поэтому оговорим, что мы относим их не просто к ЛСГ восприятия, а к подгруппе глаголов *нерезультативного восприятия внутри этой ЛСГ*.

Сема негативной оценки может окрашивать не собственно лексическое значение глагола восприятия, но всю ситуацию восприятия в целом. Таковы практически все примеры в нашем материале (что легко объясняется общей категориальной ситуацией контропативности), но особенно ярко выражено, например, в (15, 16, 26). Поскольку элемент негативной оценки органично входит в выражаемую рассматриваемыми ИВ категориальную ситуацию, постольку ясно, что глаголы восприятия, содержащие негативную сему в собственной семантической структуре, для таких ИВ предпочтительны.

3. Выводы.

1. Инфинитивные высказывания со значением нежелательности проявляют заметную избирательность по отношению к глаголам ЛСГ восприятия.

2. При выборе лексемы на роль главного члена контропативного ИВ явное предпочтение оказывается глаголам НСВ.

3. Выбор глагола восприятия более вероятен в случае футуральной перспективы высказы-

вания, а именно в случаях нулевого + проспективного, проспективного и проспективно-консеквентного темпорального вектора.

4. Существенным фактором, влияющим на выбор глагола восприятия, является признак неконтролируемости действия, обозначаемого глаголом.

5. Наличие в семантической структуре глагола семы негативной оценки обозначаемой ситуации коррелирует с общей семантикой рассматриваемых ИВ и поэтому служит еще одним фактором, предопределяющим выбор глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
2. Бацевич Ф. С. Референтная отнесенность имен субъ-ектов и некоторые функциональные типы глагольного действия // Типы языковых парадигм: Сб. науч.тр. Свердловск, 1990. С. 54–57.
3. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Скрытые категории // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 457–458.
4. Добрушина Н. Р. Инфинитивные конструкции с частицей бы // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 42–64.
5. Дымарский М. Я. Инфинитивные высказывания со значением нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 26–48.
6. Зализняк Анна А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 138–145.
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
8. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: Учеб. пособ. для филол. фак. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.
9. Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 145–150.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006.
11. Потова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.
12. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.
13. Сай С. О статусе сочетаний нефинитных форм русского глагола с частицей бы // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. матер. конф. 9–12 апр. 2013 г. СПб., 2013. С. 266–273.
14. Dobrushina N. R. The verbless subjunctive in Russian // National Research University Higher School of Economics / Basic research program. Working papers. Series: Humanities. Vol. 32. Moscow, 2013.
15. Fortuin E. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian. Doct. diss. Institute for logic, language and computation, Amsterdam Univ. Amsterdam: ILLC dissertation series, 2000.
16. Israeli A. Dative-infinitive BY constructions in Russian. Taxonomy and semantics // New Insights into Slavic Linguistics. Series: Sprach- und Kulturkontakte in Europas Mitte. Vol. 3. J. Witkos, S. Jaworski (eds). Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2014. С. 141–160.
17. Wierzbicka A. *Lingua mentalis*. The semantics of natural language. Sydney, 1980. С. 367.

REFERENCES

1. Arutiunova N. D. (1999) *Iazyk i mir cheloveka [Language and World of Man]*, 2nd ed. Moscow. (in Russian)
2. Batsevich F. S. (1990) Referentnaia otnosenost' imen sub'ektov i nekotorye funkcionalnye tipy glagol'nogo deistviia [Subject names' reference and some functional types of verb action] In: *Tipy iazykovykh paradigim [Types of Language Paradigms]*. Sverdlovsk, pp. 54–57. (in Russian)
3. Bulygina T. V., Krylov S. A. (1990) Skrytye kategorii [Hidden categories]. In: Iartseva V. N., ed. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, pp. 457–458. (in Russian)
4. Dobrushina N. R. (2012) Infinitivnye konstruktssii s chastitsej by [Infinitive by-constructions]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii [Russian Language in the Light of Science]*, no. 2 (24), pp. 42–64. (in Russian)
5. Dymarskii M. Ia. (2015) Infinitivnye vyskazyvaniia so znacheniem nezhelatel'nosti: vid, vremia, litsa, tipovye znacheniiia ["Counter-optative" infinitive constructions in Russian: aspect, tense, person, and variation of the categorial meaning]. *Voprosy iazykoznaniiia [Topics in the study of language]*, no. 5, pp. 26–48. (in Russian)
6. Zalizniak Anna A. (1992) Kontroliruemost' situatsii v iazyke i v zhizni [Situation controllability in language and in life]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Modeli deistviia [Logical Analysis of Language. Action Models]*. Moscow, pp. 138–145. (in Russian)
7. Zolotova G. A. (1982) *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative Aspects of the Russian Syntax]*. Moscow. (in Russian)
8. Kuznetsova E. V. (1989) *Leksikologiya russkogo iazyka [Russian Lexicology]*, 2nd ed. Moscow. (in Russian)
9. Kustova G. I. (1992) Nekotorye problemy analiza deistvii v terminakh kontrolia [Some problems of action analysis in terms of control]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Modeli deistviia [Logical Analysis of Language. Action Models]*. Moscow, pp. 145–150. (in Russian)
10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. (2006) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*, 4th ed. Moscow. (in Russian)
11. Popova Z. D., Sternin I. A. (2009) *Leksicheskaia sistema iazyka [Lexical System of Language]*, 2nd ed. Moscow. (in Russian)
12. Babenko L. G. (2002) *Russkie glagol'nye predlozheniia: Eksperimental'nyi sintaksicheskii slovar' [Russian Verb Clauses: An Experimental Syntactic Dictionary]*. Moscow. (in Russian)
13. Sai S. S. (2013) O statuse sochetanii nefinitnykh form russkogo glagola s chastitsej by [On status of collocations of non-finite forms of Russian verb with the by-particle]. Proceedings of the Conference "Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funkcional'noi grammatiki" [Verbal and Nominal Categories in the System of Functional Grammar] (St. Petersburg, 9–12.04.2013). St. Petersburg, pp. 266–273. (in Russian)
14. Dobrushina N. R. (2013) The verbless subjunctive in Russian. *National Research University Higher School of Economics / Basic research program. Working papers*. Series: Humanities, vol. 32. Moscow. (in English)
15. Fortuin E. (2000) *Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian*. Doct. diss. Institute for logic, language and computation, Amsterdam Univ. Amsterdam: ILLC dissertation series. (in English)
16. Israeli A. (2014) Dative-infinitive BY constructions in Russian. Taxonomy and semantics. *New Insights into Slavic Linguistics*. Series: Sprach- und Kulturkontakte in Europas Mitte. Vol. 3. J. Witkos, S. Jaworski (eds). Frankfurt-am-Main, Ss. 141–160. (in English)
17. Wierzbicka A. (1980) *Lingua mentalis*. The semantics of natural language. Sydney, pp. 367. (in English)

О. О. Лисова

ВРЕМЕННОЙ ДЕЙКСИС В РЕЧИ УЧАСТНИКОВ РАДИОИНТЕРВЬЮ

OLESYA O. LISOVA

THE USE OF DEIXIS IN THE SPEECH OF THE PARTICIPANTS OF A RADIO INTERVIEW

В статье рассматриваются виды и функции временных дейктиков в речи участников радиоинтервью, в частности — их потенциал формирования как образа говорящего, так и образа времени, эпохи; представлен сравнительный анализ контекстуальных значений дейктиков *сейчас/сегодня* и их лексических значений; проявлена взаимосвязь дейктиков и изменения сознания человека с течением времени.

Ключевые слова: временной дейксис; речь радиоведущего; речь респондента; сегодня; сейчас.

The article discusses the types and functions of temporal deixis in the speech of participants of a radio interview, in particular, their potential to form both the image of the speaker and the image of time, epoch; it presents a comparative analysis of the contextual meanings of such elements as *now / today* and their lexical meanings, and shows the interdependence of deixis and changes in human consciousness in course of time.

Keywords: temporal deixis; speech of a radio host; speech of a respondent; today; now.

Олеся Олеговна Лисова

Старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

► angriffa@rambler.ru

Olesya O. Lisova

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. К. А. Рогова

Целью статьи является изучение на материале текстов радиоинтервью временных дейктиков *сейчас, сегодня, сегодняшний* как элементов, помогающих выявить авторское начало в тексте. Для достижения поставленной цели кратко остановимся на научном осмыслении феномена дейксиса, а затем проанализируем дейктики в тексте и определим их оценочный потенциал.

Дейксис представляет собой систему элементов языка, понимание которых связано с фигурой говорящего и слушающего, и в самой общей классификации делится на персональный, пространственный и временной дейксис. К исследованию последнего мы и обратимся в данной статье.

Начало системного описания категории дейксиса положил Г. Рейхенбах, который предлагал выделить три точки отсчета во временном дейксисе: время данной речи (*speech time*), время события (*event time*) и точку отсчета во времени (*reference time*) [7]. Опираясь на данный тезис, Ю. Д. Апресян в статье «Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира» предлагает ввести еще одну точку отсчета — время говорящего [1: 284]. Так, например, ученый определяет слово *сейчас* следующим образом: ‘во время речи говорящего или в то время, в котором он мыслит себя’ [Там же]. Данным определением Ю. Д. Апресян подчеркивает разницу между «моментом речи» и «моментом, в котором мыслит

себя говорящий». Необходимость введения такой точки отсчета представляется нам принципиально важной, поскольку высказывание рождается во времени говорящего, то есть напрямую зависит от него. В связи с этим данная точка отсчета будет актуальной для нашего анализа.

Материалом исследования послужили тексты радиоинтервью, проведенных на радиостанции «Эхо Москвы». Данный материал представляется нам наиболее адекватным для анализа временных дейктиков по двум причинам. Во-первых, эти тексты не подвергаются журналистской правке, то есть доходят до слушателя и исследователя в оригинальном виде. Во-вторых, выбранная радиостанция специализируется на актуальных общественно значимых темах, что гипотетически предоставляет возможность наблюдения за дейктиками при отсылке к этим темам, а не только при описании персональных тем.

Сама форма интервью (радио-, телеинтервью или интервью в печатном издании) представляет собой структуру, состоящую из типологизированных частей, что расширяет возможности для более глубокого анализа языковых элементов. Речь идет о двуадресности интервью, т. е. оба участника интервью (ведущий и его собеседник, или корреспондент и респондент) говорят не только друг с другом, но и с потенциальным читателем/слушателем, каждый из них является в данной ситуации носителем сообщения, информации. При этом двуадресность реализуется в большей степени именно в речи ведущего, на что обращают внимание Т. И. Попова [3] и Е. Ю. Щербатых [6].

Анализ дейктических элементов является принципиально важным, поскольку именно они максимально приближены к фигуре говорящего и его сознанию, а категория времени, как известно, связана с языком и человеческим сознанием, то есть непосредственно с говорящим и воспринимающим.

В ходе анализа речи ведущего радиоинтервью нами были выявлены два временных плана: *временной план реального времени* и *временной план мыслимого времени* (время, эпоха, в которых мыслит себя говорящий, то есть не реальный

физический момент, а время в его обобщенном понимании). *Временной план реального времени*, в свою очередь, делится на *временной план участников коммуникативного акта* (или время, в котором точкой отсчета являются фигуры ведущего, респондента и слушающих) и *личный временной план говорящего* (то есть время, в котором он говорит о себе и событиях своей жизни, точка отсчета — фигура ведущего).

Данные разновидности временного дейксиса относятся к первичному дейксису, то есть дейксису, в котором говорящий мыслит себя как точку отсчета. Следует отметить, что в речи ведущего радиоинтервью выделяются редкие элементы вторичного дейксиса, рассмотрение которых выходит за рамки настоящей статьи.

Во *временном плане участников коммуникативного акта* выделяется план настоящего, или *временной план ведения интервью*.

Временной план ведения интервью можно рассматривать как наиболее конкретное время, поскольку оно является общей точкой для всех участников интервью — ведущего, интервьюируемого и зрителя (за исключением случаев, когда зритель слушает/смотрит интервью в записи). Этот временной план в речи ведущего проявляется через использование таких клише, как *мы сегодня выходим, сегодня мы будем говорить, мы сегодня поговорим, с нами сегодня, сегодня в программе, мы сегодня хотим посвятить, сегодня в программе, мой сегодняшний собеседник, сегодняшняя передача* и др., например:

«Сегодня мы будем говорить о Григории Распутине» (ДК); «С нами сегодня журналист Олег Кашин (ЕКК).

В данных примерах дейктики *сегодня, сегодняшней* выполняют функцию ввода в тему/беседу/контекст, а также функцию представления собеседника.

Помимо этого в речи ведущего наблюдается активное использование наречия *сейчас*, которое выполняет различные регулирующие-организационные функции:

- сообщение о паузе в ходе интервью: «Мы *сейчас* прервемся на выпуск новостей» (ДК);
- организация хода мысли говорящего/слушающего: «Но к этому мы обязательно еще вернемся. Это

очень важный вопрос. Но *сейчас* я по поводу подготовки» (ДД);

- введение актуальной темы интервью: «Продолжается эфир радиостанции „Эхо Москвы“. Телеканала RTVi. И конечно мы *сейчас* продолжим обсуждать...» (НБ) и др.

Если мы обратимся к определениям, данным наречиям *сегодня/сейчас* в толковых словарях, то обнаружим, что рассмотренные выше значения соответствуют основному (номинативному) значению дейктиков. Например, *сегодня*:

- ‘В этот, сейчас идущий день’ [2: 708];
- ‘В нынешний день, нынче’ [5, т. 4: 126];
- ‘Если что-либо происходит сегодня, то это означает, что какое-либо событие имеет место в текущий день’ [4: 1186].

Данные определения подчеркивают момент реального, физического времени, в котором проявлены фигуры участников коммуникативного акта. Для наречия *сейчас* актуальным также окажется прямое значение.

Таким образом, мы видим, что во временном плане реального времени используются ожидаемые, прогнозируемые значения дейктиков, представленные в словарях. В данных случаях дейктические элементы выполняют различные функции, так или иначе связанные с организацией временного плана интервью. Однако в речи ведущего интервью отчетливо выделяется еще один план — *план мыслимого времени*, в котором объединяются поля зрения ведущего/интервьюируемого/слушателя и указывается время, эпоха, в которых мыслит себя говорящий, то есть не реальный физический момент, а абстрактная временная конструкция.

Однако в случае с наречием *сейчас* в контексте мыслимого времени мы сталкиваемся с интересным феноменом: в словарях не дается четкого разграничения *сейчас как настоящего момента* (реальный временной план) и *сейчас как момента эпохи* (мыслимый временной план). Например, если мы обратимся к словарю под редакцией Д. Н. Ушакова, то обнаружим следующие лексические значения слова *сейчас*:

- ‘1. Очень скоро, немедленно, сразу. 2. Сразу, с первого взгляда (разг.) 3. В настоящее время, теперь’ [5, т. 4: 130].

В словарной статье интересным оказывается то, что значение слова *сейчас*, которое является наиболее употребительным в рассмотренном контексте, не совпадает с номинативным значением лексемы, представленным в словаре. Кроме того, в значении ‘в настоящее время, теперь’ не обнаруживается четкого разделения на то, о каком моменте речи говорится: о настоящем реальном или мыслимом, в то время как в контексте речи данное разграничение оказывается принципиальным для говорящего. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и при анализе словарной статьи в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [2: 709].

Разграничение выделенных нами контекстуальных значений слова *сейчас* находим в словаре Д. В. Дмитриева:

- ‘1. Словом *сейчас* обозначают настоящий, данный момент речи. 2. Словом *сейчас* обозначают настоящее время’ [4: 1187].

Можно предположить, что причиной изменения в отмеченном значении (объединение двух лексических значений в одном) может служить временной срез: словарь Д. В. Дмитриева является наиболее современным, соответственно, более соотносительным с реальным употреблением. Данное наблюдение показывает, насколько изменяется употребление слова со временем, что можно обнаружить только при анализе реального языкового материала. Кроме того, окончательное разделение двух лексических значений слова *сейчас* может указывать и на изменение в сознании человека: человек стремится разграничить «я» как *физическое тело в конкретном времени* и «я» *общественное*, имеющее свою точку зрения и суждения относительно мира.

Можно предположить, что слово *сейчас* в контексте сближается со словом *сегодня* в значении ‘в настоящее время’, которое как самостоятельное лексическое значение (переносное) появляется только в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова данного разграничения мы не находим, наречие *сегодня* определяется следующим образом:

- ‘1. В нынешний день, нынче || Теперь’ [5, т. 4: 126].

В то же время в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой эти два лексических значения уже четко различаются:

‘1. В этот, сейчас идущий день. 2. Теперь, в настоящее время’ [2: 708].

Если мы обратимся к анализируемым текстам, то заметим, что наречия *сейчас* и *сегодня* сближаются, когда речь идет о мыслимом временном плане. Например, в предложении «Но мы *сегодня* концентрируемся в первую очередь, конечно, на естественнонаучном направлении» (КЗН) дейктик *сегодня* указывает на общий контекст времени, на проблему, актуальную не для одного конкретного дня, когда проходит интервью, а для эпохи, к которой относятся все участники коммуникации.

В речи ведущего можно заметить достаточно четкое разграничение лексем *сейчас/сегодня/сегодняшний* в значении реального и мыслимого времени, например:

«Сегодня мы будем говорить о Григории Распутине, который вдруг неожиданно стал опять героем *сегодняшнего дня*» (ДК).

Словосочетание *сегодняшний день* отсылает к обобщенному времени, эпохе, однако неизвестными остаются «границы» этой эпохи. Более того, обращает на себя внимание и оценочность данного словосочетания, позволяющая выявить языковую личность радиоведущего. Очевидно, что оценка Григория Распутина как героя сегодняшнего дня представляет собой взгляд ведущего на эту личность. Кроме того, здесь прослеживается и языковая игра с прецедентным феноменом — «Героем нашего времени».

Обратим внимание на то, что оценочная функция не является главной для прилагательного *сегодняшний*. Основная цель его использования в речи — очертить момент «эпохи», момент исторического времени, а также провести границу между временным планом *прошлое/настоящее*.

Таким образом, речь ведущего бинарна. С одной стороны, ведущий мыслит себя и других участников коммуникативного акта в системе реальных координат. При этом «я» говорящего, судя по дейктикам, в этой системе обладает следующими свойствами:

- неперсонализированность (речевые клише, используемые ведущим для организации интервью, повторяются в разных радиоэфирах);
- четкая ближайшая локализация во времени фигуры говорящего (*сейчас, завтра, через две минуты* и т. д.);
- отсутствие элементов оценочности (т. е. говорящий — нейтральная фигура профессионала).

С другой стороны, ведущий мыслит себя в обобщенной системе времени («я» как элемент какого-то времени, эпохи). В этом случае в речи ведущего проявляются противоположные черты:

- персонализированность (говорящий высказывает свою точку зрения о том, что происходит *сегодня, на сегодняшний день* и т. д.);
- мыслимая локализация говорящего (в отличие от реальной, физической, определенной);
- присутствие элементов оценочности, сопоставления.

В речи респондента так же, как и в речи журналиста, мы обнаруживаем временной пласт реального и мыслимого времени.

Однако если мы говорим о пласте реального времени, то обращает внимание факт использования дейктиков не в функции регуляции интервью, а в функции саморегуляции. Например:

«Сейчас я закончу. С футболом, наверное, полегче чуть-чуть, потому что...» (ДД);
 «Ну, *прежде чем я сейчас об этом скажу*, но я просто хочу сказать» (ДК).

При анализе речи выявляется следующая особенность: актуальным оказывается не момент ведения интервью, а момент времени или события, о котором рассказывает респондент. Например, общественно значимые события:

«Я знаю, что *сейчас*, накануне финала Лиги чемпионов в Киеве, где будет матч „Реал“ — „Ливерпуль“ уже произошел инцидент, связанный с нападением украинских фанатов на английских болельщиков, а не наоборот» (ДД).

В данном примере мы видим, что говорящий упоминает *сейчас*, которое относится к реальному настоящему времени, однако это не время ведения интервью, но и не время всеобщее, мыслимое время. *Сейчас* соотнесено с событием, о котором известно всем участникам коммуникативного акта, то есть это событие реальной жизни общества.

Указанные факты позволяют предположить, что в речи говорящего наречие *сейчас* соотнесено с более актуальным для него событием (для радиоведущего это будет момент ведения интервью), в то время как для респондента это будет событие, о котором рассказывает ведущий.

Обнаруживается в речи респондента и пласт мыслимого времени:

«Та кампания, которая сейчас разворачивается на Западе, она очевидно имеет антироссийский характер и соответственно под нее могут попасть разные персонажи» (ПУ);

«Мы видим, что Украина — место, где сейчас насилие явно вышло из-под государственного контроля, и в этом нет ничего удивительного» (НБ).

В приведенных примерах мы видим проявленное авторское начало: говорящий добавляет элемент «личного видения» за счет слов-маркеров *явно* (для кого явно?) и *очевидно* (кому очевидно?). Можно предположить, что даже явления мыслимого плана говорящий пропускает через свое «эго», свою точку зрения в речи. С одной стороны, он не употребляет явных маркеров мнения (таких, как, *например, по-моему, я думаю, я полагаю*), с другой — его позиция прослеживается в контексте. Мы наблюдаем, что значение уверенности, достоверности эксплицируется (*явно, очевидно*). Это подтверждает нашу гипотезу о том, что значение дейктического элемента выходит далеко за пределы конкретного лексического значения, вбирает в себя оттенки лексических значений местоимений, наречий, вводных слов, поскольку каждый из названных элементов максимально связан с фигурой говорящего как субъектом высказывания и его точкой зрения.

Как правило, данная связь оказывается эксплицитной (*очевидно + сегодня, сейчас + все* и т. д.), однако в некоторых случаях такая информация вводится имплицитно, то есть не имеет конкретного лексического выражения в высказывании:

«А *сейчас*, этим летом чемпионат футбола перейдет в отпуска и еще несколько месяцев будет тихо и спокойно» (ЕКК).

Говорящий делает предположение, касающееся будущего, но опускает ожидаемый элемент, указывающий на сомнение, введение субъектив-

ной точки зрения (например, *я думаю, предполагаю, скорее всего, может быть*). Тем не менее говорящий делает уверенный, категоричный прогноз, тем самым подчеркивая свой статус эксперта. Очевидно, что в данном контексте *сейчас* вбирает себя оттенок гипотезы, прогноза, ожидания говорящего.

В речи одного из респондентов дейктик *сейчас* используется в функции комментария реалий прошлого с позиции современного человека:

«Да, ну, такая дворцовая, романовская такая эта вся, ну, там было большое письмо, большое количество, *как бы сейчас сказали*, подписантов...» (ДК);

«Ну, хотя когда говорили, что там есть противоречия, да, ну, известно, что кроме документов вот этих есть, собственно, сами воспоминания, то есть, есть мемуары, *как бы мы сейчас сказали*, официальных участников...» (ДК).

Использование дейктика в таком контексте объясняется как темой интервью (Григорий Распутин и политическая история России), так и профессиональной деятельностью говорящего (историк). В следующем примере мы встречаем комментарий говорящего к исторической персоналии, однако слово *будущий* используется в значении 'будущий для того момента истории, о котором идет речь':

«Или Райнер, по-другому, но Рейнер в основном. Это Сэмюэль Хор, *будущий* британский известный политик такой консервативный...» (ДК).

Интересно то, что для говорящего оказывается принципиальным следующий факт: Сэмюэль Хор в момент, о котором идет речь, еще не являлся известным политиком. Для слушающего такие детали в исторической информации не всегда важны. Данные примеры указывают на то, что профессиональная деятельность субъекта высказывания и собственно тема высказывания влияют на использование дейктических элементов, позволяют оценить степень информированности субъекта речи по теме высказывания, степень его готовности к разговору.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно дейктиков *сегодня/сейчас*.

1. Лексическое значение указанных слов в контексте расширяется, дополняется, не все-

гда совпадает со значениями, представленными в словарях. Так, например, значения дейктиков *сейчас/сегодня* менялось: от отсутствия или крайне нечеткого разделения значений 'в настоящий момент/сегодня' и 'в настоящее время' в словаре первой половины XX века до абсолютно ясного разведения этих значений, которое мы находим в современных словарях, а главное — в современных контекстуальных употреблениях. Как было показано выше, подобное разграничение связано с разведением в сознании человека двух образов: «я» как *физическое тело* и «я» как *носитель точки зрения на мир*. Если в первом случае авторское «я» лишь констатируется, то второй случай предоставляет исследователям материал для выявления авторского начала в высказывании, его оценки и точки зрения.

2. Рассматриваемые слова часто «перетягивают» на себя модальные значения, особенно значения очевидности, ясности, достоверности, тем самым позволяя проявить авторское начало в высказывании.

3. Дейктики в контексте также вбирают в себя значения некоторых местоимений, вводных слов и конструкций (*всё, я думаю, по-моему* и т. д.).

4. Дейктики актуализируют в речи говорящего более значимую на данный момент коммуникативную задачу. Для радиоведущего такой задачей является ведение интервью, организация беседы, поэтому концентрация наречий *сейчас* и *сегодня* в значении реального времени в его речи намного выше, чем дейктиков мыслимого времени. В то же время в речи респондента преобладают языковые элементы мыслимого времени. Очевидно, что набор элементов и их функций есть в сознании каждого говорящего, однако то, в каком значении говорящий их использует, определяется поставленной перед ним реальной задачей и, вероятно, не всегда контролируется сознанием. Можно предположить, что происходит разделение между «я» как *объект физического мира* и «я» как *объект ментального мира*, и если идиостиль в высказываниях «физического субъекта» выявить непросто, то во втором случае эта задача оказывается реализуемой. Таким образом, речь субъекта наиболее богата «авторскими» эле-

ментами, когда субъект говорит о явлениях мыслимого, абстрактного, социального плана.

5. Дейктик является элементом, который притягивает к себе идиомаркеры, указывает на место концентрации авторского мнения, концепции, гипотезы. Функции дейктика не ограничиваются передачей прямого или переносного лексического значения, поэтому дейктик следует рассматривать как авторский, субъектный элемент в тексте.

6. Анализ употребления дейктиков позволяет выявить степень владения темой беседы (профессиональное/бытовое).

Таким образом, можно говорить о дейкисе как о важном и недооцененном компоненте при анализе речи личности, требующем более детального изучения лингвистами. Дейктик как эгоцентрический элемент в некотором смысле становится центром высказывания, вбирая в себя функции и значения других элементов системы (например, функция организации потока речи, введение информации об источнике сообщения или модальные значения). В большинстве случаев он маркирует центр субъективной оценки высказывания, выявляя тем самым позицию, точку зрения говорящего.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Далее в статье используются следующие условные обозначения текстов интервью:

ДД — 2018 [радиопередача] (В. Дымарский — А. Дворкович) // Эхо Москвы. 25.05.2018, 15:00. URL: <https://echo.msk.ru/programs/year2018/2209100-echo/>.

ДК — Дилетанты [радиопередача]: Убийство Распутина: версии (В. Дымарский — А. Кулегин) // Эхо Москвы. 17.05.2018, 21:05. URL: <https://echo.msk.ru/programs/diletanti/2203576-echo/>.

ЕКК — Персонально ваш [радиопередача] (А. Ежов, С. Крючков — О. Кашин) // Эхо Москвы. 02.07.2018, 15:05. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/2232298-echo/>.

КЗН — Родительское собрание [радиопередача]: Чего не хватает в программе средней школы? (А. Кузнецов — А. Захаров, Е. Насыров) // Эхо Москвы. 01.07.2018, 13:05. URL: <https://echo.msk.ru/programs/assembly/2231798-echo/>.

НБ — Особое мнение [радиопередача] (А. Нарышкин — А. Баунов) // Эхо Москвы. 30.05.2018,

17:08. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2211566-echo/>.

ПУ — Особое мнение [радиопередача] (А. Плющев — Н. Усков) // Эхо Москвы. 29.05.2018, 17:08. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2210904-echo/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 282–284. URL: http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_12APRES.pdf.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006.
3. Попова Т. И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб., 2002.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.

5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

6. Щербатых Е. Ю. Конструкции оценочной семантики в текстах современных англоязычных интервью: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2016.

7. Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. New York, 1947.

REFERENCES

1. Apresian Yu. D. (1997) Deixis v leksike i grammatike i naivnaia model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and a naive world model]. In: *Semiotika i informatika [Semiotics and informatics]*, iss. 35, Moscow, pp. 282–284. (In Russian). Available at: http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_12APRES.pdf. (accessed 07.07.2018) (in Russian)
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2006) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]*. Moscow. (in Russian)
3. Popova T. I. (2002) *Teleinterv'iu v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte [TV interview in a communicative and pragmatic aspect]*. St. Petersburg. (in Russian)
4. Dmitriev D. V., ed. (2003) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka pod redaktsiei [Explanatory Dictionary of Russian Language]*. Moscow. (in Russian)
5. Ushakov D. N. (1935–1940) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory Dictionary of Russian Language]*. Moscow. (in Russian)
6. Shcherbatykh E. Yu. (2016) *Konstruktii otsenочноi semantiki v tekstakh sovremennykh angloiazychnykh interv'iu [Constructions of evaluation semantics in the texts of Modern English interviews]* (Candidate's thesis, Philology), Yaroslavl, 2016 (in Russian)
7. Reichenbach H. (1947) *Elements of Symbolic Logic*. New York. (in English)

[хроника]

III ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ РУССКОГО ЯЗЫКА...

(Начало на с. 4. Окончание на с. 71)

русского языка в национальных республиках Российской Федерации; русский язык в средней и высшей школе; культура речи и проблема повышения уровня языковой грамотности молодежи; история изучения и перспективы создания академических словарей и новых электронных лингвистических ресурсов; проблемы современной лексикологии, диалектологии и сравнительного языкознания; вклад выдающихся славистов в изучение истории родной культуры и формирование национально ориентированного облика филологии.

На форум съехались более сорока участников — студенты российских вузов из семи федеральных округов, проекты которых получили положительную экспертизу оргкомитета и отобрали для участия в данном мероприятии. На суд экспертов были представлены материалы, разработанные как в столичных (РУДН, РГПУ им. А. И. Герцена, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, МГОУ), так и в региональных вузах (Ивановский гос. ун-т, Смоленский гос. ун-т, Курский гос. ун-т и др.).

Ключевым моментом работы форума стали представление и защита студентами проектов. Тематика их научно-просветительских сочинений была разнообразна и охватывала разные аспекты культуры языка: от изучения славянской символики и топонимии до исследования сложных вопросов смоленско-белорусского пограничья, проблем экофилологии и создания сайтов и плакатов, ориентированных на пропаганду русского языка. Особое значение в рамках форума приобрел проект студентки РГУ имени С. А. Есенина М. Малышевой, посвященный созданию памятной доски академику И. И. Срезневскому

на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, где проживал ученый. Экспертами были отмечены также проекты, связанные с историческим изучением памятников отечественной словесности, популяризацией книжной культуры и грамотности: «Раскрой книгу — открой мир!», «Граммофон», «Лингвисты Пензенского края», «Арзамасский грамотей» и др.

Во второй день форума состоялись мастер-классы экспертов форума — ведущих специалистов по русской филологии, известных лингвистов-теоретиков и практиков профессоров В. И. Аннушкина (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина), О. В. Никитина (Московский гос. обл. ун-т), М. И. Чернышёвой (Инст. рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН), В. М. Шаклеина (Российский ун-т дружбы народов).

В рамках форума состоялись и другие важные события: был проведен круглый стол «Участие государственных, образовательных, общественных организаций в продвижении русского языка, русской литературы, культуры в России и за рубежом», организована проектная мастерская «Технология разработки и продвижения студенческих научно-просветительских проектов», проходили учебно-ознакомительные экскурсии в музеи академика И. И. Срезневского и С. А. Есенина, расположенные на факультете русской филологии и национальной культуры РГУ им. С. А. Есенина; посещение мемориала академика И. И. Срезневского в с. Срезнево Шилковского района Рязанской области; ознакомление с Рязанским историко-архитектурным музеем-заповедником.

По итогам форума принята резолюция, содержащая предложения по дальнейшей реализации государствен-

Е. Ю. Кондрашкина

К ВОПРОСУ О ТЕКСТОСВЯЗУЮЩИХ КАТЕГОРИЯХ В ИНСТРУКТИВНОМ ТЕКСТЕ

EKATERINA YU. KONDRASHKINA

STUDIES ON TEXT-CONNECTING CATEGORIES IN MANUALS

**Екатерина Юрьевна
Кондрашкина**

Соискатель кафедры русского языка
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва
Большевицкая ул., 68,
г. Саранск, 430005, Россия

Научный сотрудник
Мордовский республиканский музей
изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи
ул. Коммунистическая, 61,
Республика Мордовия, г. Саранск,
430005, Россия
► katarina.uk@mail.ru

Ekaterina Yu. Kondrashkina
Ogarev Mordovia State University
68 Bolshevistskaya str.,
Republic of Mordovia, Saransk,
430005, Russia

Erzia Mordovia Museum of Fine Arts
61, Kommunisticheskaya str.,
Mordovia Republic, Saransk,
430005, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, доц. А. Ю. Маслова

Статья посвящена выявлению текстосвязующих категорий в инструктивном тексте. Текст понимается как форма фиксации дискурса, отражающего параметры коммуникативной ситуации. Через алгоритмизацию дискурсивного процесса автор выделяет конструктивные признаки текста, которые являются проекциями текстосвязующих категорий.

Ключевые слова: инструкция; текст; дискурс; алгоритм; текстосвязующие категории.

The article is devoted to the matter of marking and describing text categories in manuals. The text is represented as a result of discourse, linked to peculiarities of speech situation. The author has made the algorithm of the discursive process to determine some structure elements. These elements are performed as projections of text-connecting categories.

Keywords: manual; text; discourse; algorithm; text-connecting categories.

Междисциплинарные исследования на стыке логики и философии, психологии и когнитивистики, социальных и этнокультурных процессов повлияли на вектор развития лингвистики как науки. С распространением информационных технологий наблюдается активное внедрение математических методов для объяснения проблем языка и речи, которые не могут быть в полной мере решены с позиции традиционного подхода. Применение таких методов связано с описанием явлений, выводимых из коммуникативного процесса, в частности трансформации коммуникативной ситуации в текст. При этом текст целесообразно трактовать как систему речевых знаков и знаковых последовательностей, воплощающую сопряженную модель коммуникативных деятельностей отправителя и получателя сообщений [11: 38–39]. Рассмотрим особенности формирования текста в коммуникативно-прагматическом аспекте на примере текста инструкций.

Если исходить из вышеуказанного определения, инструкция может быть рассмотрена как речевой акт (директив и прохибитив по классификации Н. А. Карабань [5]), тип текста, наджанр, «получающий реализацию в частных жанрах» [13: 11], текст в аспекте дискурсивно-ситуативной отнесенности [4]. Понимание текста инструкции как формы фиксации инструктивного дискурса (подробнее см.: [6]) позволяет решить ряд практических и теоретических задач, в том числе относительно и текстовых категорий.

Список категорий, выделенных И. Р. Гальпериним (информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция и завер-

шенность) [2], не является окончательным, что связано с развитием научной мысли и смещением акцентов в исследовании текста (традиционно-грамматический, общелингвистический, психологический, коммуникативно-деятельностный подходы), а также с отсутствием четкой классификации категорий по единым основаниям. По мнению О. Н. Копытова, «текст — это сложное сообщение, произведение вербальных элементов, устных или письменных, которое характеризуется многоуровневой связностью, триединством своих содержательных, композиционных и выразительных сторон, социальной целенаправленностью, прагматической установкой и отношением автора (авторов) к сообщаемому» [7: 157]. При дискурсивном подходе ключевыми характеристиками в этом определении являются модальность, прагматическая установка, целенаправленность, которые реализуют отношение субъекта действия к происходящему и передают функциональную направленность разных видов текстов; связность, без которой текст не является текстом как таковым; многоуровневость, которая позволяет проследить реализацию трех перечисленных выше характеристик. Не определен окончательно и статус текстовых категорий. Так, Е. Ю. Стратийчук предлагает разграничивать понятия текстовая категория и текстообразующая категория: «Если текстовая категория — это категория, которая проявляется на уровне текста, то текстообразующая категория — это категория, участвующая в построении текста. Текстовая категория необязательно и не всегда выполняет текстообразующую функцию, тогда как текстообразующая категория всегда является одновременно и текстовой» [12: 10–11].

Подобный подход позволяет разграничить текстообразующие и текстосвязующие категории, которые соотносятся с особенностями конструктивной организации текста. Подобное разграничение обусловлено процессом формирования инструкции от коммуникативной ситуации к тексту. Этот процесс может быть представлен посредством многоуровневого алгоритма, исходными данными для которого являются компоненты коммуникативной ситуации, распределенные

по полювому принципу: ядром выступает предметная сфера, ближняя периферия представлена факторами адресата, адресанта и третьего лица, дальняя периферия — пространственно-временными характеристиками. В ядерной зоне формируется информативная структура текста, в периферийных — рама дискурсивных значений, которые несут смыслообразующую нагрузку и могут рассматриваться как проекции текстообразующих категорий информативности, модальности, темпоральности, имперсональности, локативности в инструктивном тексте. Значения, выявленные на каждом из уровней организации дискурса, не существуют обособленно, они взаимодействуют друг с другом, задавая характер изменения всей структуры. Отметим, что разделение дискурсивного процесса на несколько уровней, взаимодействующих между собой, еще не дает оснований считать его системой, которая находит реализацию в текстовой форме. Системный характер задают связи между элементами, которые, в свою очередь, являются проекциями текстосвязующих категорий: ситуативности, членимости, автосемантии отрезков текста, интертекстуальности, когезии, проспекции, ретроспекции, когерентности.

Компоненты коммуникативной ситуации являются базовыми элементами алгоритма. Ситуативность запускает дискурсивный процесс, в результате которого в инструктивном тексте оказываются зафиксированными сведения:

- 1) о предметной сфере (бытовая техника, лекарство, косметическое средство), содержащей указание на функциональную направленность (для *разглаживания морщин, при повышенном артериальном давлении, функция глажения паром* и др.), которые актуализируются в предложно-падежных формах существительных;
- 2) о коммуникантах, что эксплицитно выражается референциальными указаниями на третье лицо (*обратитесь к врачу, специалисту*), группу потребителей (*для детей, у больных*), а имплицитно связано с неопределенностью субъектов коммуникации, поскольку и адресат, и адресант, и третье лицо выступают как обобщенная группа лиц, в связи с чем оказываются частотными глаголы в форме изъявительного наклонения 3 л. мн. ч., выполняющие функцию главного члена в односоставных неопределенно-личных предложениях, что характерно для медицинских инструкций:

На четвертый день обработку **повторяют**, на пятый день **назначают** мытье со сменой нательного и постельного белья (Бензилбензоат),

а также пассивные конструкции с глаголом 3 лица ед. числа в функции сказуемого (в большей степени в медицинских инструкциях):

Пациентам с нарушением функции почек **требуется** коррекция режима дозирования (Ранитидин-Акос);

- 3) о пространственно-временных параметрах ситуации: время и пространство характеризуются как универсальные, поскольку происходит соединение характеристик прошлого, настоящего и будущего, что эксплицитно выражено в использовании глагольных форм императива, инфинитива, не детерминированных категориями времени.

Ситуативность задает предпосылки для реализации в текстовом пространстве интенциональных замыслов коммуникантов, а также параметры для последующей интерпретации текста. Интенционально-содержательная основа инструктивного текста включает в себя, по мнению О. В. Хорохординой, «ментальный комплекс, окрашенный прескриптивной тональностью и состоящий из типовой инструктивной интенции — научить, как действовать в определённой ситуации, — и типового содержания, сводимого к взаимодействию двух фреймов — статического (совокупность действий и соотношенных с каждым из них агентов, предметов, инструментов, адресатов) и динамического (последовательность операций-действий, которые адресату предписывается исполнить для достижения нужного результата)» [14: 19–20]. С позиции прагматической важности аспектом интенционального плана инструкции является бенефактивность, выгодность информативно насыщенного предписания правильных действий со стороны адресанта и выполнение этих действий адресатом.

Следует различать характер связи между элементами одного уровня и элементами разных уровней. Применительно к ядерной зоне дискурсивного процесса следует говорить о конструктивных элементах, выражающих отношения между фрагментами формирующейся информативной структуры. Они обусловлены полифункциональностью применения прибора или препарата и являются проекциями категорий членности, авто-

семантии отрезков текста и интертекстуальности. Выявление всех функциональных возможностей при формировании текста расширяет описание, в связи с чем информативные блоки структурируются, при этом составляя смысловое целое.

Коммуниканты стремятся вычленировать наиболее значимые с их точки зрения информативные блоки, предварительно разложив единое пространство на части. Членность проявляется в распределении содержательно-фактуальной информации по разным отрезкам (наиболее ярко проявляется в медицинских и технических инструкциях) и достигается за счет деления на абзацы по принципу последовательности и логичности изложения. В инструкции часто, в силу небольшого объема текста, может наблюдаться не деление на абзацы, а логическое разграничение смысловых фрагментов (особенно характерно для медицинских инструкций при указании на заболевание или возрастную дифференциацию адресата, технических инструкций при указании на функциональную направленность или подготовительные этапы). Например:

Детям старше 14 лет и взрослым назначают внутрь по 1 таб. 3 раза/сут во время еды в течение 1–2 мес. <...> При острых гастритах, гастроэнтеритах и колитах — по 1 таб. 3 раза/сут в течение 2–3 дней (Абомин).

Справедливо замечание М. Г. Корнеевой, согласно которому «членение происходит именно по границам композиционных частей, а в случае относительно длинного письма также осуществляется смысловое деление «тела» сообщения на абзацы» [8: 132]. Например:

5. ПЕРЕД ПЕРВЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ

5.1. Установите электроплиту в удобном для пользования месте, обеспечив ей устойчивое горизонтальное положение.

5.2. Установите ручку переключателя мощности в нулевое положение.

5.3. Вставьте вилку электрошнура в розетку.

5.4. Произведите нагрев электроконфорки в течение 3–5 минут без установки посуды на максимальной температуре для удаления технологической смазки. (Эльбрус).

Автосемантия как свойство зависимости и относительной независимости текстовых фраг-

ментов по отношению к тексту или его части в инструкциях реализуется нарушением однотипности построения сверхфразового единства или абзаца. Эта особенность четко прослеживается в технических инструкциях, в которых каждый этап эксплуатации (первое включение, сборка, изменение режимов, чистка и уход, устранение неполадок) описывается отдельно. Относительно автономные фрагменты формируют информативную структуру и позволяют использовать прибор наиболее эффективно.

Текстовые фрагменты оказываются не только логически, но и интертекстуально связанными. Под интертекстуальностью понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий и реминисценций» и иных разнородных включений с целью повышения коммуникативно-прагматической направленности текста [1: 346]. Интертекстуально связанные фрагменты текстов также способствуют формированию целостного представления о тексте. Интертекстуальность в инструктивном тексте характеризуется как прототипическая, осуществляющая актуализацию черт, типичных для текстов потребительских инструкций, преимущественно технических, и регулярно воспроизводимых. Она реализуется посредством отсылок одного фрагмента текста к другому или указанием на соотношение с изображением, а также вставных конструкций, содержащих такие ссылки.

5. ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПРИБОРА

5.1. Перед первым использованием

Перед первым включением электровафельницу следует тщательно очистить (см. раздел «ЧИСТКА И УХОД») (Василиса. Электровафельница).

Некоторые инструкции разных видов имеют сходную структуру. Так, например, медицинские инструкции по своей структуре могут соответствовать техническим инструкциям:

Препарат готов к применению.

Указания по использованию упаковки с насадкой-распылителем.

1. Удалить колпачок с флакона; с флакона 50 мл удалить также аппликатор урологический.

2. Извлечь прилагаемую насадку-распылитель из защитной упаковки.

3. Присоединить насадку-распылитель к флакону.

4. Активировать насадку-распылитель повторным нажатием (Мирамистин).

В данном примере медицинские инструкции сближаются с техническими: в них более подробно и структурировано указаны этапы подготовки препарата к применению (что для медицинских инструкций в целом не характерно), более четко прослеживаются отношения перемещения элементов, составляющих продукт, в пространстве относительно друг друга, однако нет конкретных временных границ приема препарата. Технические инструкции также могут быть похожи на медицинские. Особенно это касается этапа устранения неполадок, который обычно представлен в форме таблицы (что характерно для медицинских инструкций). Таким образом, интертекстуальность в инструктивном тексте характеризуется как референциальная, что проявляется в межтекстовом взаимодействии.

Связность элементов внутри информативных блоков является проекцией категории когезии и реализуется через коннексию (соположение элементов) и иннексию (проникновение элементов) [3]. Примером коннективных конструкций в инструкциях могут быть словосочетания с примыканием (*тщательно промыть, аккуратно нанести, плотно закрыть*), бессоюзный ряд однородных членов, например:

Включить привод, проверить вращение насадки на холостом ходу, установить под носик корпуса любую жидкость для приема сока (Фея).

В иннективных конструкциях происходит взаимное проникновение одного элемента в другой, примером чего в инструкциях могут являться:

- согласование (*раздраженная кожа, влажные волосы, теплая вода*);
- управление (*нанести крем, принимать препарат, установить переключатель*);
- обособленные обстоятельства, выраженные деепричастиями с зависимыми словами (*Держа его дозатором вниз, выдавите на ладонь немного пены* (Чистая линия));
- сложные союзные предложения, по преимуществу сложноподчиненные (*Не пользуйтесь прибором, если температура в помещении превышает 42° С* (Алтай));

Убедитесь, что ручка уровня пара находится в положении «О» (Ладомир 21)).

На периферийных уровнях связность подразумевает отсылку к фоновым знаниям адресата относительно ситуации. Например, использование любого прибора, косметического средства, медицинского препарата предполагает совершение ряда подготовительных действий (*распаковать, освободить от пленки*) и действий, которые необходимо совершить после использования (*промыть, высушить, упаковать*). В инструкциях эти этапы часто опускаются, поскольку адресант рассчитывает, что адресат обладает достаточными сведениями и без предписаний совершит действия перед использованием прибора (ретроспекция) и после использования (проспекция). Проспекция и ретроспекция, с одной стороны, связывают между собой информацию в цепи авторских рассуждений, значимых для последующей интерпретации текста, а с другой — сглаживают нарушение линейной последовательности событий в тексте и пропуск добавочных действий, напрямую не связанных с основными действиями над использованием продукта, что отражает соотношение между предшествующим опытом потребителя и новыми знаниями. По мнению Я. А. Чиговской-Назаровой, проспекция и ретроспекция способны «возвращать или предвосхищать концептуально и коммуникативно значимые, по мнению создателя текста, содержательные части текста, относящиеся к предшествующей либо к последующей информации», а также «выражать динамику развертывания старого и нового знания» [15: 31], что эксплицитно проявляется в использовании одиночных причастий, деепричастий с зависимыми словами:

*Не наносить на **раздраженную** или поврежденную кожу (Деоника);*

*Количество **загружаемого** белья должно соответствовать возможностям машины (Ассоль);*

*Внутрь, **запивая** большим количеством жидкости (Тетрациклин);*

*Для защиты рабочей поверхности от повреждений храните прибор в вертикальном положении, **установив** на пятую область (Василиса. Утюг).*

Межуровневая связанность представляет собой наибольшую сложность в описании, по-

скольку эксплицитно не выражена. Она реализуется через категорию когерентности, под которой понимают «семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной» [9: 195]. О. И. Москальская подчеркивает, что когерентность текста проявляется одновременно в виде «структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция» [10: 17]. Имплицитно она проявляется во взаимодействии ядерной и периферийной зон на уровне формирования содержательно-фактуальной информации: учитывается интенциональная направленность, что определяет в том числе структурирование информации и последующее шрифтовое выделение, находят отражение характеристики начала действия, длительности, периодичности, цикличности.

Можно заключить, что условное разделение дискурсивного процесса на ядерный и периферийный уровни и его алгоритмизация позволяют выявить множество значений, которые являются проекциями текстовых категорий. Текстосвязующие категории вычлняются из взаимосвязанности и взаимозависимости всех элементов дискурсивного процесса. Они не столько влияют на формирование текста (в отличие от текстообразующих категорий), сколько возникают в процессе такого формирования, задавая системный характер дискурса. Выбранный подход позволяет уточнить специфику репрезентации текстосвязующих категорий в инструкциях. Категории ситуативности, интенциональности, членимости, автосемантии отрезков текста, интертекстуальности, когезии, когерентности, проспекции, ретроспекции, характерные для инструктивного текста, определяют связность его содержания и целостность восприятия.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Здесь и далее в круглых скобках указываются следующие источники:

Абомин: инструкция по медицинскому применению препарата. — ОАО «„Мосхимфармпрепараты“ им. Н. А. Семашко».

- Алтай.** Озонатор: инструкция по эксплуатации. — Торговый дом «Озонатор».
- Ассоль.** Стиральная машина: инструкция по эксплуатации. — ООО «Резерв».
- Бензилбензоат:** инструкция по медицинскому применению препарата. ЗАО «Алтайвитамины».
- Василиса.** Утюг: инструкция по эксплуатации. — Группа компаний «Дельта».
- Василиса.** Электровафельница: инструкция по эксплуатации. — Группа компаний «Дельта».
- Деоника.** Антиперспирант: инструкция на упаковке косметического средства. — ОАО «Арнест».
- Ладомир 21.** Утюг: инструкция по эксплуатации. — ООО «НПП „Новые технологии“».
- Мирамистин:** инструкция по медицинскому применению препарата. — ООО «Инфамед».
- Ранитидин-Акос:** инструкция по медицинскому применению препарата. — ОАО «Синтез».
- Тетрациклин:** Инструкция по медицинскому применению препарата. — ООО «Омела».
- Фея.** Соковыжималка: инструкция по эксплуатации. — ОАО Торговый дом «Воткинский завод».
- Чистая линия.** Воздушная пенка для укладки: инструкция на упаковке косметического средства. — ООО «Юнилевер Русь».
- Эльбрус.** Электроплита: инструкция по эксплуатации. — Группа компаний «Дельта».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Дымарский М. Я. Возвращаясь к типологии синтаксических связей: два базовых принципа организации языковых структур // Мир русского слова. 2008. № 1. С. 12–23.
4. Канащук С. А. Инструктивный дискурс IT корпораций (социолингвистический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.
5. Карabanь Н. А. Речевой жанр инструкции // Изв. Волгоградского гос. техн. ун-та. 2008. Т. 7. № 5. С. 96–98.
6. Кондрашкينا Е. Ю. Инструктивный дискурс в коммуникативно-прагматическом аспекте // Вестн. Московского гос. обл. ун-та. Русская филология. 2016. № 5. С. 55–62. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-55-62.
7. Копытов О. Н. О фундаментальных категориях текста // Вестн. Иркутского гос. лингв. ун-та. 2011. № 3 (15). С. 149–157.
8. Корнеева М. Г. Реализация некоторых категорий текста на матер. электронного делового письма // Изв. ВГПУ. 2015. № 4. С. 130 — 135.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
10. Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.
11. Сидоров Е. В. Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики // Вопр. системной организации речи. М., 1987. С. 38–47.
12. Стратийчук Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста (на матер. русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
13. Хорохордина О. В. Инструкция как тип текста // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 7–14.
14. Хорохордина О. В. Поликодовые реализации инструктивных речевых единиц: типологический аспект // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 19–29.
15. Чиговская-Назарова Я. А. Текстообразующие категории проспекции и ретроспекции в научном тексте (сравнительно с художественным) // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2009. № 6. С. 31–34.

REFERENCES

1. Arnold I. V. (1999) *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics, Stylistics, Intertextuality]. St. Petersburg. (in Russian)
2. Gal'perin I. R. (1981) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as an object of linguistic studies]. Moscow. (in Russian)
3. Dymarski M. Ia. (2008) *Vozvrashchaia's' k tipologii sintaksicheskikh svyazei: dva bazovykh printsiipa organizatsii iazykovykh struktur* [Back to typology of syntactic links: two fundamental principles of language structure organization]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 1, pp. 12–23. (in Russian)
4. Kanashchuk S. A. (2012) *Instruktivnyi diskurs IT korporatsii (sotsiolingvisticheskii aspekt)* [Instructive discourse of IT corporations: socio linguistic aspect]. (Extended abstract of candidate's thesis), Tomsk State University, Tomsk, 2012. (in Russian)
5. Karaban' N. A. (2008) *Rechevoi zhanr instruktсии* [Speech genre of instruction]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Technical University], iss. 7, no. 5, pp. 96–98. (in Russian)
6. Kondrashkina E. Iu. (2016) *Instruktivnyi diskurs v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte* [Instructive discourse from a position of communicative and pragmatic approach]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Russian Philology], no. 5, pp. 55–62. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-55-62. (in Russian)
7. Kopytov O. N. (2011) *O fundamental'nykh kategoriakh teksta* [On the fundamental categories of the text]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], no. 3 (15), pp. 149–157. (in Russian)
8. Korneeva M. G. (2015) *Realizatsiia nekotorykh kategori teksta na materiale elektronno delovogo pis'ma* [Peculiarities of implementation of some text categories based on the material of electronic business correspondence]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Volgograd State Pedagogical University], no. 4, pp. 130–135. (in Russian)
9. Makarov M. L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Basis of discourse theory]. Moscow. (in Russian)
10. Moska'skaia O. I. (1981) *Grammatika teksta* [Text Grammar]. Moscow. (in Russian)
11. Sidorov E. V. (1987) *Sistemnoe opredelenie teksta i nekotorye problemy kommunikativnoi lingvistiki* [System text definition and some problems of communicative linguistics]. In: *Voprosy sistemnoi organizatsii rechi* [Questions of systemic speech organization]. Moscow, pp. 38–47. (in Russian)
12. Stratiichuk E. Iu. (2006) *Personal'nost' kak tekstoobrazuiushchaia kategoriia khudozhestvennogo teksta (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov)* [Personality as a text-creating category in fiction in English and Russian]. (Extended abstract of candidate's thesis), Rostov State Pedagogical University, Rostov on Don. 2006. (in Russian)
13. Khorokhordina O. V. (2013) *Instruktsiia kak tip teksta* [Instruction as a type of text]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 4, pp. 7–14. (in Russian)
14. Khorokhordina O. V. (2016) *Polikodovye realizatsii instruktivnykh rechevykh edinit: tipologicheskii aspekt* [The Polycode Implementations of Instructive Speech Units: a Typological Aspect]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 4, pp. 19–29. (in Russian)
15. Chigovskaia-Nazarova Ia. A. (2009) *Tekstoobrazuyushchie kategorii prospektsii i retrospektsii v nauchnom tekste (sravnitel'no s khudozhestvennym)* [Text-forming categories of prospection and retrospection in Scientific text (comparing with fictional text)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign philology], no. 6, pp. 31–34. (in Russian)

В. В. Каверина, Ван Сяоси

ТЕНДЕНЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДВОЙНОГО КОНСОНАНТНОГО УДВОЕНИЯ В ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВАХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVII–XX вв.

VALERIYA V. KAVERINA, WANG XIAOXI

TRENDS IN THE USE OF DOUBLE CONSONANT DOUBLING IN BORROWED WORDS
IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE 17TH TO 20TH CENTURIES

В статье прослеживается процесс освоения заимствований с двумя консонантными удвоениями в этимоне с XVII до середины XX века. Обычно в таких словах сохраняется вторая пара согласных (*комиссия*). Когда удвоение мотивировано составом слова, может утратиться вторая пара (*аббатиса*) или могут сохраниться обе пары согласных в исконно сложных словах (*белладонна, параллелограмм*).

Ключевые слова: история орфографии; освоение заимствований; двойное консонантное удвоение.

The article traces the process of developing borrowings with two consonant doublings in the etymon from the 17th century up to the middle of the 20th century. Usually such words retain the second pair of consonants (*komissiya*). When doubling is motivated by the composition of a word, the second pair can be lost (*abbatissa*), or both pairs of consonants in originally complex words can survive (*belladonna, parallelogramm*).

Keywords: history of spelling; development of borrowings; double consonant doubling.

**Валерия Витальевна
Каверина**

Доктор филологических наук, доцент
► kaverina1@yandex.ru

Ван Сяоси

Аспирант
► sveta_sisu@163.com

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

Valeriya V. Kaverina, Wang Xiaoxi
Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

Заимствованные слова с консонантным удвоением в этимоне начинают процесс освоения по-разному в зависимости от времени вхождения в русский язык. Ранние заимствования обычно не сохраняют удвоение этимона. Об этом писал Я. К. Грот: «В иностранных словах, заимствованных в более или менее отдаленные времена, даже еще в петровскую эпоху, удвоение согласных большею частью пропало. Слова *грамота, арест, офицер, батарея, атака, карета, команда, комендант, камергер, канцелярия* всеми бесспорно пишутся так, вместо *грамматта, аррест, оффицер* и т. д.» [3: 776]. Это касается и тех случаев, когда в языке-источнике согласные удваиваются дважды. Однако при дальнейшем освоении двойные согласные в таких словах, как правило, восстанавливаются.

Рассмотрим историю слова *комиссар*, заимствованного в русский язык в XVII веке без удвоений: КОМИСАРЬ (КОМИСАРЬ) [10: 262], несмотря на то, что оно пришло «через нем. Kommissar из латинского commissarius» [16, т. 3: 302], где присутствовало двойное консонантное удвоение. Однако в XVIII столетии в написании начинают появляться двойные согласные, и дальнейшая судьба слова в русском

языке связана с переменной места их употребления. Возникновение в XVIII веке удвоений в первоначально заимствованном без них слове можно объяснить влиянием немецкого языка. Преимущественное написание удвоенной *с* и одной *м* отмечено в «Словаре русского языка XVIII века» со ссылкой на латинский первоисточник прямо и через немецкое посредство:

«КОМИССАР (ка-, комм-, -мисар), КОМИССАРИУС (-миса-, -риус), а и КОМИССАРИЙ 1701 (комм- 1697, -миса- 1696), я, м. [Лат. commissarius, непоср. и через нем. Commissar, Commissarius, фр. commissaire]» [11, вып. 10: 118].

В это же время появляются и варианты с двумя *м*:

«Англичанѣ рѣшили послать к американцам своих комиссаров с такими мирными кондициями, каких им не принять почти нельзя» [Там же].

Последнее написание кодифицирует «Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг.: КОММИСАРЪ в значении ‘полковой казначей’, либо ‘пристав, коему препоручен казенный сбор’ [7, т. 3: 763]. Оба издания «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года и 1867–1868 гг. зафиксировали ту же орфографию: КОММИСАРЪ [13, т. 2: 195; 14, т. 2: 405]. Заметим, что варианты с двойным удвоением, как в этимоне, на протяжении XVIII–XIX вв. так и не появились, менялось лишь место двойных согласных. Ещё Я. К. Гротом была замечена тенденция к утрате в русском языке одного из двух удвоений в пределах слова:

«Вообще два удвоения в заимствованном слове излишни потому, что одно из них непременно скрадывается в выговоре; на письме должно быть исключено то, которое менее слышится; на этом основании справедливо писать наприм. *апелляція*» [3: 762].

Несмотря на то, что в предшествующие два столетия преобладало написание с двумя *м*, словарь Ушакова 1935–1940 гг. фиксирует преимущественное написание удвоенной *с* и одной буквы *м* со ссылкой на французское происхождение слова:

«КОМИССАР (иса), комиссара, м. (фр. commissaire) (офиц.). Лицо, уполномоченное на исполнение какой-нибудь ответственной политической, административ-

ной или хозяйственной должности. Военный комиссар. Английский верховный комиссар в Египте» [15].

Устраняется вариативность в «Словаре иностранных слов» 1949 года под редакцией И. В. Лёхина, который однозначно рекомендует написание КОМИССАР [9: 311].

Следует отметить, что большинство слов с двойным удвоением в этимоне, в отличие от слова *комиссар*, проходят при освоении через этап восстановления обеих пар удвоенных согласных. Примером тому может послужить слово *комиссия*, однокоренное с рассмотренной выше лексемой *комиссар*. Если в текстах XVII века отмечено отсутствие удвоений: КОМИСИЯ (КОМИСЕЯ) [10: 263], то XVIII веке обнаруживается не только варьирование одной и двух букв *с* и *м*, но и написание с сохранением обоих удвоений:

«КОМИСИЯ (ка-, комм-, -миси-, -иа), и, ж. и КОМИСИОН 1710 (каме- 1709, -ммисси- 1790), а, м. род. мн. -ий и -иев. [Лат. commissio, -onis, непоср. и через нем. Comission]. Назначенная к суду его комиссия в понедельник первое свое собрание имѣть будет... Наслѣдник Иосифа II, намѣрен возобновить ценсурную комиссию... Учреждение Комиссии о сочинении проекта Новаго Уложения...» [11, вып. 10: 119].

«Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. кодифицирует написание слова с удвоенными буквами *м* и *с*: КОММИССИЯ [7, т. 3: 762], и в середине XIX века оба издания «Словаря церковно-славянского и русского языка» закрепили такую же орфографию слова: КОММИССИЯ [13, т. 2: 195; 14, т. 2: 405]. Тенденцию к устранению двойного удвоения демонстрирует изданный в 1935–1940 гг. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: фиксируя преимущественное написание двойной *с* и одной *м*, он допускает написание слова с одной буквой *с* со ссылкой на латинский первоисточник:

«КОМИССИЯ (иси), комиссии, ж. (латин. commiseio — поручение)» [15].

Окончательно приобрело современный облик слово в «Словаре иностранных слов» 1949 года:

«КОМИССИЯ [< лат. commissio поручение]» [9: 312].

Подобный путь проходит большинство слов с двойным удвоением в этимоне, однако

если слово приходит в русский язык в XVIII веке, то освоение начинается с этапа вариативности. Примером тому может послужить слово *апелляция*, упомянутое Гротом, которое было заимствовано из латинского языка (*appellatio*) через польское посредство (*apellacya*) [16, т. 1: 81]. В XVIII веке наблюдается варьирование одной и двух букв *п* и *л*, которое мы находим также в украинском и белорусском языках:

«АПЕЛЛЯЦІЯ 1719 (апп- 1715, -пела- 1705, -пеля- 1719, -пелла- 1755, -ця 1715, -цея 1705, -циа 1755), и, ж. Лат. *appellatio*, непоср. и через пол. *apellacya*, укр., бел. ап(п)ел(л)яция. Юр. 1. Жалоба в высший суд на решение низшего. Может челобитчик, или отвѣтчик в гражданских дѣлѣх, когда он приговором нижняго суда не доволен явится, чрез аппеляцію в вышнии суд, дѣло... перенестъ... Без а п е л л я ц и и (осудить, решить и т. п.). Без права протеста или обжалования. Сие судебное мѣсто одно имѣет право осуждать на смерть без апелляции... Дѣло со Всеволожским приняло совсѣм новый вид, и я принужден был, не приступая к суду, взять оно на аппеляцію в палату. Држ. VI 68» [11, вып. 1: 78].

Вместе с тем оба издания «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года и 1867–1868 гг. закрепили написание слова с удвоенной *л* и одной буквой *п*: *Апелляция* [13, т. 1: 10; 14, т. 1: 21]. Такая орфография сохранилась до наших дней.

Двойное удвоение устраняется даже в тех случаях, когда слово первоначально сохраняет особенности орфографии этимона. Так, в слове *ассессор*, заимствованном в XVIII веке, отмечается преимущественно двойное удвоение букв *с* под влиянием латинского *assessor* и немецкого *Assessor*:

«АССЕССОР 1714 (асе- 1714, -сесор 1699), а, м. Лат. *assessor*, нем. *Assessor*, бел. *асесор*. Заседатель. В полковом криксърехтѣ. Президует полковник, или полуполковник, и имѣет при себѣ ассессоров. 2 Капитанов. 2 Поручиков. 2 Прапорщиков. Артикул 7 (2 паг.). Ассессоры в колегиях. ТР 4. Кто не знает, сколь мало может ассессор против председателя. Рдщв ПСС III 154. Коллежский а. ПСЗ XIV 335. — Ср. заседатель, советник, соседатель, товарищ. Ассессоров, а, о. Рдщв Пут. 125. Ассессорский (-ой), ая, ое. Чин ассессорской. ПСЗ V 166. Ассессорша, и, ж. Рдщв Пут. 139. — Удар. ассессор (Княж. Хваст. 20). Лекс. Сл. Кург. ассессор, Нрд. ассессор, ассессорский» [11, вып. 1: 106].

В «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. закрепляется именно этот вариант с двойным удвоением: *АССЕССОРЪ* [7, т. 1: 57]. Такую

же орфографию закрепили оба издания «Словаря церковно-славянского и русского языка» в середине XIX века: *АССЕССОРЪ* [13, т. 1: 14; 14, т. 1: 30]. В конце XIX века «Словарь русского языка составленный вторымъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ» кодифицирует данное слово с удвоением второй *с*:

«Ассессоръ, а, м. *Мн.* ассесоры и -ра. (лат. отъ *ad* при и *sedere* сидѣть). Засѣдатель. Въ Россіи должность въ казенныхъ палатахъ и въ палатахъ государственныхъ имуществъ. *Коллежскій ассессоръ*, чиновникъ 8-го класса по установленной Петромъ В. табели о рангахъ. *Даль чинъ ассессора и взялъ въ секретари.* — *Горе о. у. Не рвусь я грудью въ капитаны И не ползу въ ассессора.* — *Пушк. Товарищамъ*» [12: 75].

Однако следующая словарная статья свидетельствует о том, что словарь допускает написание слова с двойным удвоением *с*: «Ассессоръ. См. Ассессоръ» [Там же: 77]. Тенденцию к устранению двойного удвоения демонстрирует изданный в 1935–1940 гг. «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова:

«АСЕССОР, а, м. [латин. *assessor* — заседатель] (истор.). В старину — должность заседателя в казенных палатах. Коллежский ассессор (дореволюц.) — гражданский чин 8-го класса» [15].

Так же происходит освоение слова *агрессия*, которое было заимствовано из латыни через посредство французского языка. В XVIII веке в написании данного слова кроме удвоенной *с* присутствовала удвоенная буква *г*:

«АГРЕССИЯ 1778, и, ж. Лат. *aggressio*, через фр. *agression*. Дипл. Нападение. Что может ручаться, чтоб она <Порта>..не почла нашего на сих послѣдних <татар> наступления непосредственно на себя агрессию» [11, вып. 1: 23].

Позднее, очевидно под влиянием французского языка, в слове остается одна буква *г* при сохранении удвоенной *с*. Так, в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской академии наук» под ред. Я. К. Грота есть слово *агрессивный* со ссылкой на латинский источник: «отъ лат. *aggressus* отъ *aggredi* нападать» [12: 12]. Именно такое написание закрепляется в русском языке.

Нетрудно заметить, что в рассмотренных словах с двойным удвоением в этимоне сохраня-

ется вторая пара. Однако это происходит не всегда. Так, в лексемах *аббатиса* и *вассал* остается первое удвоение.

В орфографии слова *аббатиса* М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» ссылается на латинский первоисточник: «аббатиса, из ср.-лат. *abbatissa*» [16, т. 1: 56]. В XVIII веке наблюдается варьирование одной и двух букв *б* и *с*, а также появление *ш* в составе данного слова под влиянием немецкого и польского языков:

«АББАТИССА 1719 (<аба- 1755, абт- 1747, авва- 1711, -тиса 1746), *ы* и <ОБАТЕША 1710, и, ж. Лат. *abbatissa*, не- постр. и через нем. *Aebtissa*, пол. *orasicha*. Настоятельница женского католического монастыря. Авватисса герфортская о претендованных своих денгах в Курляндии предложение чинила. ПБП XI (2) 586. — Ср. игуменья, настоятельница. — Лекс. Нрд. аббатисса» [11, вып. 1: 8].

В середине XIX века «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 года закрепляет орфографию слова с двойным удвоением *б* и *с*:

«АББАТИССА, *ы*, *с*. ж. Настоятельница Римско-Католическаго монастыря; игуменья» [13, т. 1: 1].

В конце XIX века в «Словаре русского языка составленный вторымъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ» наблюдается такая же орфография слова:

«Аббатисса, *ы*, ж., (ит.) Настоятельница римско-католическаго монастыря» [12: 3].

То же написание кодифицируют изданный в 1935–1940 гг. «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова, «Словарь иностранных слов» 1949 года и «Толковый словарь» С. И. Ожегова 1949 года:

«АББАТИССА, *ы*, ж., (ит.) Настоятельница римско-католическаго монастыря» [15] (см. также: [9: 9]).

Современная орфография *аббатиса* кодифицирована в «Орфографическом словаре русского языка» 1956 года [6: 11]. Очевидно, что сохранение первого удвоения и устранение второго мотивировано однокоренным словом *аббат* и связано с упорядочением правописания суффикса *-ис* с одной *с* (ср. *актриса*, *директриса*).

Другими причинами объясняется подобная ситуация в слове *вассал*, пришедшем из французского языка: «...заимств. прямо из франц. *vassal*,

ср.-лат. *vassallus*» [16, т. 1: 277]. В XVIII веке наблюдается варьирование одной и двух букв *с*(з) и *л* с преобладанием удвоенного *л*:

«ВАССАЛ 1712 (?) (васал, васалл 1718, вазалл 1718, вазал 1710, фазалл 1731, фазал 1719, фасал 1719) и <ВАСАЛУС 1710 (вазаллус 1718), а, м. (Форма вассал до 1760-х гг. — в текстах, воспроизведенных в XIX в.). Ср.-лат. *vassallus*, не- постр. и через фр. *vassal*, нем. *Vasall*. 1) Свободный человек, находящийся в различных формах зависимости от какого-л. владетельного лица. Фазалл, под чииим защищением, властью живущий, обрѣтающийся. ВЛ 650. 2) Лицо, находящееся в вассальной зависимости от какого-л. владетеля, феодала в Зап. Европе. Вазаллус едино есть, что и Февдатарии, от Февды... Пуф. Ист. 1718 10. Хлѣбная подать от вассалов помѣщику, пятина, кортомшина. ФРЛІ ІІ 594» [11, вып. 2: 219].

«Словарь Академии Российской» 1789–1794 гг. кодифицирует написание слова с двумя *л* и одной *з* вместо *с*:

«ВАЗАЛЛЪ, *ла*, *с*. м. Зри голдовникъ» [7, т. 1: 462].

Второе издание САР 1806–1822 гг. кодифицирует слово без удвоений:

«Вазаль, *ла*, *с*. м. 2 ск. См. Голтовникъ» [8, т. 1: 374].

Ситуация меняется в середине XIX века, когда «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 года кодифицирует написание слова с двумя *с* и одной *л*:

«ВАССАЛЪ, а, *с*. м. Стар. Владѣлецъ поземельной собственности, обязанннй разными повинностями тому, кому принадлежала земля, которою онъ владѣлъ; голдовникъ» [13, т. 1: 101].

С тех пор орфография данного слова остается неизменной. Кроме того, утрата конечного и восстановление первого удвоения, скорее всего, объясняется ослаблением влияния немецкого (нем. *Vasall*) и усилением влияния французского языка (франц. *vassal*) в XIX веке. Кроме того, конечное удвоение находится в так называемой «слабой позиции» [5: 39].

Несмотря на сильную тенденцию к устранению двойного удвоения, во многих словах оно сохраняется. Во всех случаях это объясняется составом слова.

В орфографии слова *аллегретто* в «Словаре русского языка XVIII в.» отмечается влияние

немецкого и французского языков со ссылкой на итальянский первоисточник:

«АЛЛЕГРЕТТО 1773, нареч. Ит. *allegretto*, непоср. или через нем., фр. *allegretto*. Муз. То же, что *аллегро* (1), но с меньшей степенью живости и веселости. Когда над штукой надписано *аллегро*, то разумеется играть штуку отважно, восхитительно, живо... Но когда *аллегретто* стоит, то играть надлежит меньше весело. Скрип. шк. 342» [11, вып. 1: 49].

К концу XIX века «Словарь русского языка, составленный вторым отделением императорской академии наук» закрепляет такую же орфографию слова:

«Аллегретто, нескл. ср. (ит. уменьш. отъ *allegro*). Муз. Одинъ изъ терминовъ для означенія умѣренно-сеораго темпа» [12: 31].

Не изменяется облик слова в «Словаре иностранных слов» 1949 года:

«АЛЛЕГРЕТТО [ит. *allegretto*] муз. обозначение темпа менее быстрого, чем *аллегро*; иногда — название музыкального произведения в таком темпе» [9: 35].

Очевидно, что присутствие двух удвоений мотивировано необходимостью их сохранения в корне и в суффиксе.

Подобная динамика наблюдается при освоении лексем *белладонна* и *параллелограмм*. Здесь сохранение двойного удвоения объясняется составом исконно сложного слова.

В текстах XVIII века слово *белладонна* пишется без удвоений, о чем свидетельствует словарная статья со ссылкой на итальянский первоисточник:

«БЕЛАДОНА 1788, ы, ж. Ит. *belladonna*. Бот. Бельдам или Беладона, то есть Пригожая-госпожа. Растение называемое по руски Сон, или Сонная трава, песьи вишни, и вѣтренныя ягоды. Сл. нат. ист. I 35» [11, вып. 1: 191].

Однако в середине XIX века «Словарь церковно-славянского и русского языка» закрепляет написание слова с двойным удвоением:

«БЕЛЛАДОННА, ы, с. ж. *Atropa Belladonna*, ядовитое растеніе. Бѣшенная ягода. Волчьи ягоды. Красивица. Огурникъ. Песьи вишни. Сонная одурь. Черныя псинки» [13, т. 1: 43].

Такая же орфография кодифицирована в словаре Грота:

«Белладонна, ы, ж. (ит. *bella donna* красавица: сокъ этого растенія употребляется между проч. на румяна). Ядовитое растеніе *Atropa Belladonna*. Бѣшенная ягода. Волчьи ягоды. Красивица. Огурникъ. Песьи вишни. Сонная одурь. Черныя псинки» [12: 173].

Стремление к устранению двойного удвоения отражается в «Толковом словаре русского языка» Ушакова, где допускается написание слова с одной буквой *л* и двумя *н*:

«БЕЛ(Л)АДОННА, ы, мн. нет, ж. [ит. *bella donna*, букв. красавица]. Ядовитое растеніе, применяется в медицине и косметике» [15].

Окончательно приобрело современный облик слово в «Словаре иностранных слов» 1949 года:

«БЕЛЛАДОННА [*ит. belladonna* прекрасная дама, красавица] — бешеная вишня, красавка, сонная одурь — ядовитое растеніе из семейства пасленовых с грязнолиловыми цветками и чѣрными ягодами; употр. в медицине как болеутоляющее средство и как противоядие при отравлении морфием или грибами» [9: 94].

В орфографии слова *параллелограмм* М. Фасмер отмечает влияние немецкого языка:

«Параллелограмм, впервые параллелограмма, у Петра I; см. Смирнов 218. Вероятно, через нем. *Parallelogramm* (с 1555 г.; см. Шульц — Баслер 2, 335)» [16, т. 3: 204].

В текстах XVIII века наблюдается варьирование одной и двух букв *л* и *м* в составе данного слова, о чем свидетельствует словарная статья со ссылкой на греческий первоисточник:

«ПАРАЛЛЕЛОГРАММ 1703 (-леграм 1703, -але- 1783, -грам 1728), а, м. и ПАРАЛЛЕЛОГРАММА 1710, ы, ж. Гр. *παράλληλογράμμιον*, через ср.-лат. *parallelogrammum*, нем. *Parallelogramm*. Мат. Четырехугольник с параллельными и равными противоположными сторонами. На таблицѣ горизонтальной да начертится сицевая фигура четверобочная параллелограмм нарицаемая. КАН 9. Карточка, имѣющая подобие параллелограмма с изображенными на ней радиусами и дугами. Мор. сл. II 140. В параллелограмме. В длину и ширину. Зал в ратушѣ... окошек имѣет 6;... а покой, гдѣ были столы, в параллелограмѣ 15 и 7 шагов. Пут. Биб. 61. Параллелограмный, ая, ое. Над сей ямой вѣшается црен или большая желѣзная сковорода, параллелограмный вид имѣющая, в которую росол или морская вода для солварни вливается. Држ. VII 105. — Лекс. Ян. параллелограмм» [11, вып. 18: 205].

В середине XIX века «Словарь церковно-славянского и русского языка» кодифицирует написание слова с двумя *л* и одной *м*:

«ПАРАЛЛЕЛОГРАМЪ, а, с. м. Мам. Пролонговатый четверугольникъ, у котораго всѣ противоположные бока параллельны» [13, т. 3: 159].

Восстанавливается двойное удвоение в «Толковом словаре русского языка» Ушакова 1935–1940 гг.:

«ПАРАЛЛЕЛОГРАММ, а, м. [от греч. *parallelos* — параллельный и *gramma* — начертание] (мат.). Четыреугольник, противоположные стороны которого равны и параллельны. Параллелограмм сил или скоростей (геом.) — способ нахождения равнодействующей двух сил, скоростей» [15].

«Словарь иностранных слов» 1949 года закрепляет такую же орфографию слова:

«ПАРАЛЛЕЛОГРАММ [гр. *parallēlogrammon*] — четырёхугольник, противоположные стороны которого параллельны (а следовательно и равны)» [9: 474].

Рассмотрев основные случаи устранения и сохранения двойного удвоения, мы не обнаружили влияния так называемых сильных и слабых позиций. Я. К. Грот считал сильным для двойного согласного такое положение в слове, когда «удвоение появляется в конце ударяемого слога, напр. в таких словах, как: ванна, вилла, колонна, касса, масса, манна, миссия, пресса, программа, профессия, сессия, сумма, труппа» [2: 85]. Вслед за Гротом сильной позицией для долгого произношения согласного принято считать интервокальное положение после ударного гласного [5: 39]. Выделяют следующие слабые позиции «а) конец слова (класс), б) положение рядом с другой согласной (искусство), в) все остальные позиции, за исключением сильной (в предударном слоге и не рядом с ударением: равнин, аллитерация)» [Там же]. При этом «конец слова нельзя считать абсолютно слабой позицией, так как при изменении формы слова долгая согласная может оказаться в интервокальном положении в заударном слоге, и такое положение уже не будет слабым» [4: 91].

Не обнаружилась также связь между выбором устраняемой пары согласных и качеством согласного, о чем говорится в работах М. Я. Гловинской. Ею был исследован вопрос о существовании зависимости между качеством согласного и способностью его к долгому произношению. По мнению Гловинской, «разные фоне-

мы способны сохраняться долгими в разной степени» [1: 69].

Таким образом, можно установить следующие основные тенденции в употреблении двойного консонантного удвоения в диахронии.

1. Слова, отличавшиеся при заимствовании двойным удвоением согласных, сохраняют только вторую пару, первое же удвоение оказывается утраченным. Есть основания полагать, что именно эта тенденция, а не сильная или слабая позиция или качество долгого согласного оказывается решающей при устранении не свойственного русскому языку двойного удвоения, то есть при наличии двух удвоений преимущественно сохраняется второе.

2. Данная закономерность не действует, когда удвоение мотивировано составом слова. В этом случае может утратиться второе удвоение (*аббатиса*) или могут сохраниться обе пары согласных в исконно сложных словах (*белладонна*, *параллелограмм*) или в словах с удвоением в разных морфемах (*аллегретто*).

3. Если второе удвоение приходится на абсолютный конец слова, то оно скорее будет утрачено, чем первое удвоение в середине слова (*вассал*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гловинская М. Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. М., 1971. С. 54–96.
2. Грот Я. К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академикомъ Я. К. Гротомъ. СПб., 1885.
3. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания отъ Петра Великаго доннынѣ. Филологическое разыскание Я. Грота // Труды Я. К. Грота. Т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 471–801.
4. Калакуцкая Л. П. Орфографическая передача долгих согласных в заимствованных именах собственных // Орфография собственных имен. М., 1965. С. 90–103.
5. Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М., 2011.
6. Орфографический словарь русского языка: 110 000 слов / [Под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро]. М., 1956.
7. Словарь Академии Российской 1789–1794: В 6 т. М., 2002.
8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В 6 т. СПб., 1806–1822.

9. Словарь иностранных слов / И. В. Лёхин, Ф. Н. Петров М., 1949.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.
11. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. Л., 1984; Вып. 2. Л., 1985; Вып. 10. Л., 1998; Вып. 18. СПб., 2011.
12. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 1 (А–Д) / Гл. ред. Я. К. Грот. СПб., 1895.
13. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.
14. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук: В 4 т. 2-е изд. СПб., 1867–1868.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940. URL: <http://ushakovdictionary.ru/>
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986.

REFERENCES

1. Glovinskaja M. Ia. (1971) Ob odnoi fonologicheskoi podsysteme v sovremennom russkom literaturnom iazyke [On a phonological subsystem in the modern Russian literary language]. In: *Razvitiie fonetiki sovremennogo russkogo iazyka. Fonologicheskie podsystemy [Development of the phonetics of the modern Russian language. Phonological subsystems]*. Moscow, pp. 54–96. (in Russian)
2. Grot Ia. (1885) *Russkoe pravopisanie. Rukovodstvo, sostavlennoe po porucheniiu Vtorogo otdeleniia Imperatorskoi Akademii nauk akademikom Ia. K. Grotom [Russian spelling. The manual, compiled on the instructions of the Second Division of the Imperial Academy of Sciences, Academician Ya. K. Grot]*. St. Petersburg. (in Russian)

3. Grot Ia. (1899) *Spornye voprosy russkago pravopisanii ot Petra Velikago donyne. Filologicheskoe razyskanie Ia. Grotia [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great to now. Philological investigation of Ya. Grot]*. In: *Trudy Ia. K. Grotia [Proceedings of Ya. K. Grot]*, vol. 2. *Filologicheskiiye razyskaniya [Philological research]*. St. Petersburg. (in Russian)
4. Kalakutskaia L.P. (1965) *Orfograficheskaia peredacha dolgikh soglasnykh v zaimstvovannykh imenakh sobstvennykh [Spelling of long consonants in the borrowed names of their own]*. In: *Orfografiia sobstvennykh imen [Orthography of their own names]*. Moscow, pp. 90–103. (in Russian)
5. Nechayeva I.V. (2011) *Aktualnyie problemy orfografii inoyazychnykh zaimstvovaniy [Actual problems of spelling of foreign borrowings]*. Moscow. (in Russian)
6. *Orfograficheskii slovar' russkogo iazyka [Spelling dictionary of the Russian language: 110 000 words]*, eds. S. I. Ozhegov, A. B. Shapiro (1956). Moscow. (in Russian)
7. *Slovar' Akademii Rossijskoi [Dictionary of the Academy of the Russian]* (1789–1794). In 6 vols. Moscow. (in Russian)
8. *Slovar' Akademii Rossijskoi, po azbuchnomu poriadku raspolozheniiy [Dictionary of the Russian Academy, in alphabetical order is located]* (1806–1822). In 6 vols. Moscow. (in Russian)
9. Lokhin I. V., Petrov E. N. (1949) *Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]*. Moscow. (in Russian)
10. *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]* (1980) Iss. 7. Moscow. (in Russian)
11. *Slovar' russkogo iazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language XVIII century]*. (1984–2011), iss. 1, 2, 10, 18. Leningrad; St. Petersburg. (in Russian)
12. *Slovar' russkogo iazyka, sostavlennyi vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk [Dictionary of the Russian language, compiled by the second department of the Imperial Academy of Sciences]*, ed. Ya. K. Grot (1895). Vol. 1. St. Petersburg. (in Russian)
13. *Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo iazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem imperatorskoi Akademii nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]* (1847). In 4 vols. St. Petersburg. (in Russian)
14. *Slovar' tserkovnoslavianskogo i russkogo iazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem imperatorskoi Akademii nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]* (1867–1868). In 4 vols. St. Petersburg. (in Russian)
15. Ushakov D. N. (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. In 4 vols. Moscow. (in Russian)
16. Fasmer M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [Etymological dictionary of the Russian language]*. In 4 vols. Moscow. (in Russian)

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР В ТАЛЛИНЕ

3–5 октября 2018 года в Институте гуманитарных наук Таллинского университета при поддержке Европейского фонда регионального развития (European Regional Development Fund, TAU16078) состоялся международный научный семинар «Культура русской диаспоры: Эмигрантское восприятие „советского“ — советское восприятие „эмигрантского“ („свое“? „другое“? „чужое“? „вражеское / враждебное“?)».

В ходе работы семинара был затронут самый широкий круг вопросов, связанных с культурой русской диаспоры. Участники обращались в своих докладах к проблеме эмиграции и ее восприятия в Советском Союзе и за его пределами, анализировали конкретные литературные произведения, публицистику и деловые документы писателей-эмигрантов. Отдельно рассматривалось отношение к еврейскому вопросу в эмигрантской среде и в местных средствах массовой информации стран, в которых волею судьбы оказывались эмигранты из России, о влиянии политики на восприятие искусства эмиграции. Отдельная секция

была посвящена медиевисту и историку русской литературы Н. Е. Андрееву, юношеские годы которого были связаны с Таллином, особое внимание также было уделено текстам и языку русской диаспоры в Эстонии.

В рамках конференции прошла также презентация книги А. Пономарева «Архитектор-художник Александр Владовский», творчество которого самым тесным образом связано с Эстонией: спроектированные им здания до сих пор радуют жителей и гостей Нарвы и Таллина (в т. ч. и реконструированный по заказу правительства I Эстонской Республики Екатерининский дворец в парке Кадрриорг).

Организаторами семинара выступили участники проекта «Эстония между Востоком и Западом: парадигма представлений „своего“, „другого“, „чужого“, „враждебного“ в культурах Эстонии XX века» (IUT18–4) под руководством профессора Ирины Захаровны Белобровцевой.

Н. В. Чуйкина,
Таллинский ун-т

О. Ю. Проничева

ЛОЗУНГ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛОЗУНГОВ ВЫБОРНЫХ КАМПАНИЙ 1996, 2006, 2018-го гг.)

OLGA YU. PRONICHEVA

SLOGAN IN MODERN POLITICAL COMMUNICATION:
ON THE MATERIAL OF SLOGAN OF ELECTION CAMPAIGNS OF 1996, 2006, 2018

Лозунг был и остается ключевым жанром политической коммуникации, однако этот жанр претерпевает определенные изменения, обусловленные как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Статья демонстрирует влияние стратегий выборных кампаний 1996, 2006, 2018 годов на стилистику и прагматику лозунгов.

Ключевые слова: лозунг; политическая коммуникация; коммуникативные стратегии.

The author argues that slogan has always been considered as the key genre of political communication. However, this genre has been influenced by a number of changes caused both by linguistic and extralinguistic factors. The influence of strategies of the election campaigns of 1996, 2006, 2018 on the stylistics and pragmatics of slogans is demonstrated in the article.

Keywords: slogan; political communication; strategies of communication.

Ольга Юрьевна Проничева

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка

Военная академия материально-
технического обеспечения
им. генерала армии А. В. Хрулёва

наб. Макарова, 8,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► pronol@yandex.ru

Olga Yu. Pronicheva

General of the Army A. V. Khrulev
Military Logistics Academy

naб. Makarova, 8,
St. Petersburg, 199034, Russia

Политическая коммуникация — значимый сегмент жизни современного общества, важная составляющая национальной культуры, представляющая картину политического мира. По мнению Е. И. Шейгал, в политическую коммуникацию входят «любые речевые образования, субъект или адресат которых относится к сфере политики» [13: 23]. Политическая коммуникация отражает текущую политическую ситуацию, изменяется вместе с ней, участвует в ее создании и преобразовании, реализуясь в многочисленных текстах.

Актуальным остается вопрос о единой терминосистеме при обращении к политической коммуникации и политическому тексту. Выделены уровни (подсферы), относящиеся к ядру политической коммуникации: аппаратная коммуникация, коммуникация в публичной политической деятельности, политическая коммуникация, осуществляемая журналистами, политическая деятельность граждан [12]. Наряду с понятием «политическая коммуникация» широко используется термин «политический дискурс». Учитывая содержание передаваемой информации, обстоятельства, в которых происходит распространение информации (социальный контекст), термины «политическая коммуникация» и «политический дискурс» используются нами как нестрогие синонимы. Мы разделяем точку зрения Т. А. ван Дейка, считающего

дискурс сложным коммуникативным явлением, в которое помимо текста входят многочисленные экстралингвистические факторы, влияющие на его восприятие [3]. Дискурс всегда включает интерпретацию ситуации, о которой идет речь, обуславливающей понимание текста. А модели ситуаций, используемых в рамках той или иной коммуникативной стратегии, являются основой интерпретации текста.

Применительно к ситуативности в лингвистический обиход введено понятие политического нарратива, под которым понимается совокупность дискурсивных образований, сконцентрированных вокруг политического события, ситуации [13].

В рамках ситуации «Выборы политические», относящейся к уровню коммуникации в публичной политической деятельности, активно используются социально-обусловленные типы текстов с общей агитационной стратегией. При этом тексты устойчивые, характерные для данного институционального дискурса образуют его ядро. К ядерным текстам политической коммуникации относится лозунг.

Наряду с термином «лозунг» в лингвистических исследованиях используются термины «слоган», «девиз», «призыв». Не ставя перед собой задачи разграничения этих терминов, учитывая мнения, высказанные в работах Г. В. Пушкаревой [9], Н. П. Белоусовой [2], А. П. Чудинова [12] и др., посвященных вопросам соотношения этих понятий, мы будем использовать термин «лозунг», так как полагаем, что детальное разграничение вышеперечисленных понятий, вероятно, может быть справедливо, но только для определенного исторического момента.

Материалом нашего исследования служит картотека лозунгов, собираемая с середины 1990-х годов. В результате наблюдения замечено, что лингвистические характеристики лозунга дня сегодняшнего начали оформляться к началу 2000-х годов. До 1990 года распространение имели советские политические лозунги, центральными темами которых были торжество революции и сохранение ее завоеваний. Эти лозунги охватывают семь десятилетий, начиная с 1917 года и заканчивая 1980-ми годами, выразительно раскрывая

историю страны, отражая пафос революционных идей, представляя образы и символы государства, его героев и врагов.

Объектом исследования в настоящей статье являются политические лозунги в рамках ситуации «Выборы политические» периода: середина 90-х, первое и второе десятилетие двухтысячных годов. Обращение к лозунгам этого периода не случайно, т. к. именно в это время ощутимо менялись общественно-политическая ситуация, ориентиры развития, мировоззрение общества. Динамичная природа, постоянная обновляемость лозунга позволяет рассмотреть его в аспекте дискурс-анализа, сопрягая с коммуникативными стратегиями и тактиками, используемыми в период той или другой избирательной кампании. Мы обращаемся к векторному подходу, задаваемому коммуникативной стратегией, выявляющему экстралингвистические факторы, влияющие на стилистику лозунга и обеспечивающие его прагматический потенциал.

Период с 1996-го по 2018-й год охватывает 6 президентских, 6 парламентских выборов и многочисленные местные выборные кампании, которые характеризуются различными агитационными стратегиями и установками. Нами принята попытка проследить, как ситуативно и стратегически обусловленный политический текст (лозунг) влияет на отбор и восприятие языковых и неязыковых сущностей, проявляющихся только в дискурсе. При этом ситуацию «Выборы политические» мы рассматриваем как предельное целенаправленное действие, реализующееся последовательными фазами. К подобному подходу побуждает обращение к информации, касающейся технологий ведения избирательных кампаний.

В исследованиях Т. ван Дейка предельное целенаправленное действие определяется как действие, проходящее следующие последовательные фазы:

- 1) проспективную фазу, включающую соответствующее ментальное состояние субъекта и необходимые подготовительные действия;
- 2) динамическую деятельность, направленную на осуществление цели;
- 3) итоговое состояние [3].

Ситуация «Выборы политические», рассматриваемая нами как развивающийся процесс, также проходит ряд последовательных фаз:

- 1) подготовительная фаза, в рамках которой а) изучается общественное мнение, б) выявляются ожидания и предпочтения электората, в) определяются возможные технологии (стратегическая линия, тактические приемы);
- 2) агитационная фаза, представляющая собой а) начало работы по формированию общественного мнения, б) целенаправленную тактическую работу в рамках основной агитационной стратегии, побуждающую к определенному выбору, в) закрепление результата;
- 3) заключительная фаза, включающая сами выборы-событие и последующее подведение итогов [8].

Лозунг был и остается важнейшим элементом политической агитации, действенным на всех этапах выборной кампании. Особенность функционирования лозунга позволяет этому жанру становиться неотъемлемой содержательной составляющей других текстов, формируя гипертекст, либо использоваться автономно, независимо от других компонентов гипертекста (например, при скандировании на митинге). На наш взгляд, жанр политического лозунга, будучи одним из доступных типов текста, сохраняет «фокус жанра», обусловленный целями коммуникации, подвергаясь эволюционным изменениям в силу экстралингвистических причин.

Можно выделить конкретные лозунги, проходящие «красной линией» через все этапы избирательной кампании, использующиеся как самостоятельно на всех этапах избирательной кампании, так и в составе других текстов. Востребованные лозунги сопровождают видеоряд, скандируются на митингах, становятся центральным компонентом других текстов, что позволяет считать их доминантой включенных в избирательную кампанию текстов. Их востребованная доминантная позиция, реализующая определенную тактическую установку, позволяет характеризовать эти тексты как эффективные.

Легкое прочтение и осмысливание, быстрое запоминание позволяет активно использовать лозунг в составе креолизованных текстов политической коммуникации. Он часто употребляется в рамках агитационных плакатов, листовок, пар-

тийных программ, сохраняя при этом жанровую оформленность.

Жанрово-стилистическое разнообразие лозунгов было подвергнуто систематизации. К настоящему моменту предложено несколько подходов к типизации лозунгов, в основу которых авторами положены различные принципы. В. В. Киселев [5], Г. Г. Хазагеров [11], Н. В. Ложева [7] предлагают типизацию лозунгов в зависимости от коммуникативной техники, используемой при их создании: лозунг-имидж, лозунг-утверждение, лозунг-девиз, лозунг-обещание. Н. А. Купина [6], Л. В. Енина [4], В. М. Амиров [1] выделяют по принципу императивности лозунги прямого действия, содержащие прямое побуждение к действию, утверждение политической идеи и лозунги косвенного действия. И. А. Тортуновой [10] разработана типизация-анализ разных мотивов поведения, на которые направлены лозунги. Выделяются лозунги:

- 1) направленные на самосознание;
- 2) направленные на чувственное (эмоциональное) восприятие;
- 3) направленные на рациональные мотивы;
- 4) направленные на созидание;
- 5) направленные на критику (разрушение) существующего.

С учетом трёх предложенных классификаций нами отобраны и проанализированы эффективные лозунги выборных кампаний 1996, 2006, 2018 годов, в совокупности с другими текстами приведшие своих кандидатов к успеху, лозунги, которые можно считать «визитными карточками» претендентов.

В рамках кампании 1996 года одним из главных способов воздействия лозунга на избирателей наблюдается эмоционально идеологизированное отображение реалий действительности. Высказывания, порожденные политической ситуацией того времени, отличаются высокой степенью оценочности, эмоциональности, воздействия. Лозунг «Я подниму Россию с колен» содержит лексически выраженную положительную оценку. В лозунге «Не за награды! Могу, значит должен!» выражается мысль о личной ответственности, при этом реакцию адресата предопределяют фоновые знания о военном прошлом претен-

дента (А. Лебеда), его боевых наградах. Лозунг «Голосуй или проиграешь!» демонстрирует явный призыв, манипулирующий потребностями избирателей. Можно сказать, что в рамках кампании 1996 года лозунги демонстрируют востребованную в тот период времени «Стратегию невозврата» к коммунистическому прошлому.

В 2006 году на отклик адресата ориентированы объединяющие тактические приёмы. В лозунгах активно используются местоимение «мы» (*Мы за бедных, мы за русских!*) «*Мы правы, будь с нами!*»).

Подобные лозунги, с одной стороны, предлагают адресату готовую точку зрения («*Мы правы...*»), формируя соответствующее отношение и привлекая электорат, с другой — демонстрируют скрытое противопоставление «мы» — «они», находящееся в рамках одной из основных оппозиций политического дискурса «свой» — «чужой», выделяя свою политическую партию из числа других. Лозунг может содержать как прямой призыв к объединению («*Мы правы, будь с нами!*»), так и косвенный («*Мы за бедных, мы за русских!*»), при этом подтекст один: займите активную позицию, голосуйте за нашу партию, мы решим все проблемы («*Вернем богатство страны народу!*»). Этот прием был весьма распространенным в период избирательной кампании 2006 года, его использовали политические силы как правого, так и левого крыла.

В этот же период появляются лозунги, использующие символические идеалы и ценности в противопоставлении «цель — средство достижения цели», определяющие реакцию адресата: «*Сильная Россия — Единая Россия!*»

Независимо от политических пристрастий практически все лозунги избирательной кампании 2006 года призывают к единению, что позволяет говорить, что в 2006 году всеми политическими силами реализуются объединяющие стратегии, которые обобщенно можно назвать «*Стратегия единения*» (консолидации).

В 2018 году поддержку получает «*Стратегия усиления*» России как государства, претендующего на роль одного из мировых лидеров. Реализация этой коммуникативной стратегии

демонстрирует определенные отличия в отборе и применении коммуникативных приемов и используемых в них средств. Так, например, в рамках этой стратегии хорошо вписывается вернувшийся в лозунг гражданский пафос («*Наша страна! Наш Президент! Наш выбор!*»).

Особенностью лозунгов этого периода является использование неспециализированных, не ориентированных изначально на политическую сферу общения знаков, однако именно эти языковые единицы приобретают в лозунгах содержательную специфику. Выбранная стратегия и средства ее реализации оказались весьма успешными, однако при этом нельзя не учитывать и личностный фактор, популярность претендента (президента В. В. Путина).

Основная цель и задачи лозунга (убедить, побудить к действию) в рамках «Стратегии усиления» не меняются. Оперировав знаками и символами, необходимо суметь затронуть нужную струну в сознании массового адресата. Используемые лозунги демонстрируют, что не всегда необходима логика и аргументация. Жанр лозунга и не предполагает этого. В эффективных и результативных лозунгах последнего времени адресанту необходимо дать понять, что позиция, в пользу которой выступает претендент, — в интересах адресата. Это не просто реализация оппозиции «свой» — «чужой», активно использовавшейся в 1996 году. Лозунг взывает к личной ответственности каждого члена общества. «*Наша страна! Наш Президент! Наш выбор!*» Особенность конкретно этого лозунга заключается в апелляции к совместным интересам адресанта и адресата.

В ходе последних президентских выборов практически не используются приемы прямолинейного воздействия типа «Голосуй, или проиграешь!». Наоборот, активно работают лаконичные и выразительные лозунги-утверждения (лозунги-размышления) косвенного действия: «*Сильный президент — сильная Россия*». Видимо доверие к претенденту столь велико, что эффективны малоинтенсивные средства и приемы убеждения и воздействия (неспециализированные языковые знаки, приемы косвенного воздействия на адресата и под.).

Проведенное исследование, опирающееся на наблюдения за жанром лозунга периода избирательных кампаний 1996, 2006, 2018-го годов, позволяет увидеть связь последовательной цепочки политических событий и отражения в текстах лозунгов этих событий. Исследование частотных и эффективных лозунгов выборных кампаний 1996, 2006, 2018-го годов наглядно демонстрирует смену коммуникативных стратегий.

Эффективность лозунга традиционно определяется его непосредственной ориентацией на массового адресата, расчетом на мгновенное восприятие. Однако лозунг, являясь классическим малым жанром политической коммуникации, создается в рамках современных PR-стратегий и соответствует реализуемой стратегии. При этом смена стратегии приводит к модификации жанра за счет используемых языковых средств, что также подтверждает непосредственную связь использования текстов лозунгов в рамках выборных кампаний с развитием политических PR-технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров В. М. Агитационный предвыборный сверхтекст: организация содержания и стратегии реализации: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
2. Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
4. Енина Л. В. Коммуникативная форма современного лозунга // Российская журналистика — от «Колокола» до «Спид-инфо»: к 60-летию факультета журналистики Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 1996. С. 137–139.
5. Киселев К. В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург, 2002.
6. Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.
7. Ложева Н. В. Языковые особенности и коммуникативные типы политического слогана конца XX — начала XXI века: Дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2011.
8. Проничева О. Ю. Языковые средства воздействия на массовую аудиторию (на матер. текстов агитационной листовки): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
9. Пушкарева Г. В. Политический менеджмент. М., 2002.
10. Тортуннова И. А. Лозунг как ораторский жанр // Ученые записки Российского гос. соц. ун-та. № 10. М., 2012. С. 159–161.
11. Хазагерова Г. Г. Политическая риторика. М., 2002.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. Екатеринбург, 2003.
13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

REFERENCES

1. Amirov V. M. (2002) *Agitatsionnyi predvybornyi sverkhstekst: organizatsiia sodержaniia i strategii realizatsii [Campaigning pre-election supertext: organization of content and implementation of strategies]* (Candidate's thesis, Philology), A. M. Gorky Ural State University, Ekaterinburg. (in Russian)
2. Belousova N. P. (2006) *Osnovnye kharakteristiki slogana kak subzhanra sovremennogo rossiiskogo reklamnogo diskursa [The main characteristics of slogan as a sub-genre of modern Russian advertising discourse]* (Candidate's thesis, Philology), Samara State University, Samara. (in Russian)
3. Deijk T. A. van. (1989) *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia [Language. Knowledge. Communication]*. Moscow. (in Russian)
4. Enina L. V. (1996) *Kommunikativnaia forma sovremennogo lozunga [Communicative form of the modern slogan]*. In: *Rossiiskaia zhurnalistika — ot «Kolokol» do «Spid-info»: k 60-letiiu fakul'teta zhurnalistiki Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. M. Gor'kogo [Russian journalism — from the «Bell» to «Spid-info»: the 60th anniversary of the faculty of journalism of the Ural state University named after A. M. Gorky]*, Ekaterinburg, pp. 137–139. (in Russian)
5. Kiselev K. V. (2002) *Politicheskii slogan: problemy semanticheskoi politiki i kommunikativnaia tekhnika [Political slogan: problems of semantic policy and communicative technique]*, Ekaterinburg. (in Russian)
6. Kupina N. A. (1999) *Iazykovoe soprotivlenie v kontekste totalitarnoi kul'tury [Language resistance in the context of totalitarian culture]*, Ekaterinburg. (in Russian)
7. Lozheva N. V. (2011) *Iazykovye osobennosti i kommunikativnye typy politicheskogo slogana kontsa XX — nachala XXI veka [Language features and communicative types of a political slogan in the late XX — early XXI centuries]* (Candidate's thesis, Philology), Surgut State pedagogical University, Surgut. (in Russian)
8. Pronicheva O. Iu. (2006) *Iazykovye sredstva vozdeistviia na massovuiu auditoriiu (na materiale tekstov agitatsionnoi listovki) [Linguistic means of influence on the mass audience (on the material of propaganda texts)]* (Candidate's thesis, Philology), St. Petersburg State University, St. Petersburg. (in Russian)
9. Pushkareva G. V. (2002) *Politicheskii menedzhment [Political management]*. Moscow. (in Russian)
10. Tortunova I. A. (2012) *Lozung kak oratorskii zhanr [Slogan as an oratorical genre]*. In: *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific notes of the Russian State Social University]*, no. 10. Moscow, pp. 159–161. (in Russian)
11. Khazagerov G. G. (2002) *Politicheskaiia ritorika [Political rhetoric]*. Moscow. (in Russian)
12. Chudinov A. P. (2003) *Metaforicheskaia mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii [Metaphorical mosaic in modern political communication]*. Ekaterinburg. (in Russian)
13. Sheigal E. I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]*. Moscow. (in Russian)

М. Х. С. Мансур

ЭВФЕМИЗАЦИЯ ВЗЯТКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АРАБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

MOHAMMED H. S. MANSOUR
EUPHEMIZATION OF BRIBE: LINGUOCULTURAL ASPECT:
ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ARABIC PHRASEOLOGY

Статья посвящена исследованию фразеологических эвфемизмов, характеризующих тему взятки, с точки зрения лингвокультурологии, описаны культурно-языковые элементы значения. Материалом для исследования послужили фразеологические единицы (в широком понимании объема фразеологии) из российских и арабских СМИ, а также художественных текстов.

Ключевые слова: фразеологизм; эвфемизм; культурные стереотипы; русский язык; арабский язык.

The article studies phraseological euphemisms representing the topic of the bribe from the cultural-linguistic point of view, and describes the cultural and language components of their meaning. Russian and Arabic newspapers and literary texts were chosen as a material for this study.

Keywords: phraseology; euphemism; cultural stereotypes; Russian language; Arabic language.

**Мохаммед Хассан Саммани
Мансур**

Аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский
государственный университет
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
► hassen@bk.ru

Mohammed H. S. Mansour
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. М. Б. Попов

Фразеологизмы как знаки, находящиеся на стыке языка и культуры, способны символизировать явления окружающего мира благодаря своим образным основаниям. Эвфемистическая функция фразеологизмов обусловлена их культурной семантикой, позволяющей смягчать и вуалировать явления речи, не заострять описание происходящего в мире. На уровне языка эвфемизация как процесс вторичной номинации предполагает «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [10: 129], тонко и чувствительно отображает языковой вкус коммуникантов, их культурные и социальные речевые предпочтения. Табуированность явления взятки и его окультуренный статус отражаются в языке, где бытуют разного типа эвфемистические выражения: фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения и афоризмы, которые прикрывают негативные стороны этого действия и отражают насколько взятки стали по-разному восприниматься в культуре.

На культурно-историческом фоне жизни русского народа были, например, созданы образные фразеологизмы-эвфемизмы (далее — ФЭ) как *добровольные подношения* и *безгрешные доходы* в знач. ‘взятки’. Последнее упомянуто в Некрасовском стихотворении «Маша» (1855):

«Человек он был новой породы: Исключительно честь понимал. И безгрешные даже доходы Называл воровством, либерал!»

Выражения принадлежат XIX веку. Тогда общепринятой нормой были приношения государственным чиновникам, получавшим недостойную зарплату. Выражение шутливо намекает на абсурдное мнение взяточников, что эти подарки им добровольно приносятся. Например:

«Никто за... **безгрешные доходы** не попадал под суд, Егор Егорыч!» (К. М. Станюкович. «Товарищи», 1900);

«Эти счета, вместе с иными „**безгрешными доходами**“, приближают высших менеджеров к образу жизни финансовой олигархии» (Самуил Эпштейн. «Капитаны большого бизнеса», 1979).

В таком же культурно-историческом контексте возник и иронический ФЭ *не по чину брать* в знач. ‘брать взятки сверх положенного по должности, слишком много просить’, см.:

«Что ты сделал с купцом Черняевым — а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! **Не по чину берешь!**» (Н. В. Гоголь, «Ревизор» 1836);

«Первыми против подобной идеи выступили Микояны, справедливо рассудившие, что 33-летний замнаркома „**не по чину берет**“» (Марк Солонин, «Разгром 1941», 2009).

Образность оборота основана на том, что взяточную таксу платили в зависимости от чина: чем выше должность лица, тем больше подношение. Фразеологизм употребляется при осуждении с намеком, что тот, кто берет взятку, поступает не в соответствии со своим положением. Более диффузная семантика характерна и для схожего ФЭ *вести себя нескромно*.

В арабском языке для эвфемизации действия взятки употребляются образные фразеологизмы, созданные на социально-культурном фоне современной жизни. Например: разговорный оборот с комическим оттенком *انجز بالوينجز* (букв. *Вингис приносили — быстро выполнили*) в знач. ‘платите взятку для быстрого решения вашего вопроса’ [13: 177]. В данном ФЭ заложен бытовой факт современного египетского общества: люди, чтобы быстро решить свои дела в госучреждениях, дарили чиновнику пачку сигарет, а если тот не курит, то давали ему на табак, а со временем чиновники стали сами брать инициативу и намекать на подношение, употребляя данный оборот, в образе которого выделяется социально-куль-

турная реалия 40–50-х гг. **Вингис** (от англ. *wings*) — торговая марка табачных изделий, широко распространенная тогда в Египте. Сигареты *Вингис* давно перестали существовать, но образ еще жив в чиновничьей среде и говорится как шутливый намек на взятку для выполнения ими каких-либо действий в интересах граждан. Слово *Вингис* в составе ФЭ реализует метонимическое отношение «торговая марка — изделие», а это обеспечивает достаточную дистанцию между эвфемизмом и обозначаемым им предметом.

Для косвенного осуждения данного порицаемого поведения более употребительны и метафорические образы, представляющие ситуацию взятки в более благоприятном аспекте, скрывая другие, более неприглядные ее аспекты. Напр.: в знач. ‘брать взятки’ говорят *يفتح الدرج* (букв. *открывать ящик*); *يشرب شاي* (букв. *пить чай*); *ذمته* *فلان بطنه* (букв. *у кого-л. эластичная совесть*); *إيدك في حنكه* (букв. *у кого-л. широкий живот*); *إيدك في حنكه* (букв. *руками ему в рот*, т. е. кидать; в знач. ‘кто-то не выполняет своих обязанностей без взятки, подарка’) [Там же: 184] и др. Например:

«Зарплата у них, выходит, мизерная и не обеспечивает основных нужд, поэтому они вынуждены „**открывать ящик**“, за исключением, конечно, многих честных чиновников» (youm7.com, 13.03.2016);

«Не переживай! У компетентного чиновника **широкий живот**. С тебя лишь плата за услугу, а сумма незначительна — всего двадцать фунтов» (журнал «al-Muṣawwar», Issues 4212–4225, 2005).

Акт открытия чиновником ящика, таким образом, уподобляется его желанию или готовности принимать взятки деньгами. Человек с большим животом ест столько, что его не накормишь, а эластичная совесть ассоциируется с непрочными моральными принципами взяточника.

Образная структура фразеологизма косвенно передает его смысл, который «может быть явлен лишь через символ — знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания» в качестве формы для содержания вторичного, «абстрактного» [2: 70]. В русской культуре свои образные основания имеют и ФЭ с компонентом *сапоги*, который репрезентирует стереотип взятки: *на сапоги* в знач. ‘взятка крупного размера’, *придёт на сапоги от кого-л.* — ‘получишь солид-

ную взятку. Образ довольно старый — употребился в комедии Я. Княжина «Чудаки» (1790):

«Ну будем же друзья. Пожалуй, помоги, А от меня ей-ей! **придёт на сапоги!**»

Сапоги ассоциируются с дорогими и ценными товарами, с богатством. Данный частично архаичный символ представлен в народной фразеологии. Ср.: *в сапогах ходит* — ‘о весьма дорогом товаре’ [9: 339]; *переобуться из сапог в лапти* — ‘обеднеть, разориться’ [3: 3704]; *войти в сапог* — ‘попасть в благоприятную обстановку’ [7: 132] и др. «Экспрессивность фразеологических оборотов, — пишет А. И. Федоров, — сохраняется в полной мере, пока в сознании носителей языка не утрачено образное представление (то есть внутренняя форма), мотивирующее семантику этих оборотов» [12: 9]. Ученый предполагает, что образное представление о *сапогах* как о дорогостоящем товаре утрачено в сознании носителей русского литературного языка, хотя примеры показывают, что символические элементы образа еще существуют. Это подтверждает, в частности, сохраняющийся до сих пор ФЭ *жене на сапоги*, который с достаточной степенью неопределенности обозначает *взятка*, причем в крупном размере (ср.: *на чай; на молочишко* — ‘о мелких взятках’). См.:

«Один из самых простых способов подкальмить „жене на сапоги“ — устроить парламентскую проверку какого-нибудь государственного ОАО или „маслового“ госоргана, итог которой в 99 случаях из 100 — пухлый конверт с вожделенными купюрами» (Комсомольская правда, 2011.02.04).

Для шуточного обозначения взятки употребляется гоголевское выражение *рекомендательные письма за подписью князя Хованского*, которое на основе культурно-исторического фона стереотипно ассоциируется с денежными взятками. *Письмами за подписью князя Хованского* назывались банковские билеты, подписанные князем А. Н. Хованским (директор государственной казны 1771–1857 гг.) для выпуска в банке. Так выражение шуточно произносили алчные чиновники, намекая на вознаграждение, и потому стало крылатым и популярным эвфемизмом. Ср.:

«Запретишь держать раскрытой книжку, в которую кладут „закладку“ — появятся другие „почтовые ящи-

ки“ для **рекомендательных писем за подписью князя Хованского**. Коррупцию так не победишь. Но симитировать победу можно» (Вечерняя Москва, 14.03.2013).

В создании эвфемистического оттенка в ситуации взятки немаловажную роль играют паремиологические фразеологизмы с компонентом *карман*, в основе которых лежит метонимический образ «содержащее на содержимое», т. е. карман — деньги (в нашем случае — денежные взятки): *четыре полы, восемь карманов у кого-л.; у него не карман, а решето* (о взяточнике); *то не беда, что по карманам пошла; дело правое, да в кармане свербит; когда карман сух, тогда и суд глух; в суд ногой — в карман рукой; судейского кармана не пополнишь* и др. Последние обороты интересны тем, что в них, кроме метонимического отношения *карман* — *взятка*, раскрывается укорененная в культуре реалия социальной жизни — пресловутая нечестность судебных чиновников. Данное представление является традиционным стереотипом и для носителей арабской культуры. Например: поговорка *الدعوى الزور تفتح كيس القاضي* (букв. *ложному разбирательству судейский кошелек открывается*) полушутливо намекает на испорченность чиновничьей среды, на магическую эффективность взятки [15: 108]. Компонент *карман* содержится и в обороте разговорной речи *!شخشيخ جيبوك* (букв. *погреми карманами!*, т. е. монетами), который говорится взяточником как шуточный намек на дачу взятки [13: 618]. Например:

«А если ты один из подрядчиков, работающих по принципу „тяп-ляп — и готово“, то тебе придется **погредить карманами** чиновнику, ответственному за выдачу поддельных лицензий» (www.albawabhnews.com, 30.07.2017).

Н. Ф. Алефиренко справедливо отмечает: «Метонимическое мышление позволяет по прототипу опознавать всю категорию в целом, формировать социокультурный стереотип» [1: 267]. На основе метонимических образов сформулированы и современные выражения с компонентом *конверт*, которые представляют собой фрагменты языковой картины мира, подсознательно ассоциируются с денежной взяткой (содержимое конверта). Следующие образные выражения могут быть маркированы в тексте как эвфемизмы:

получать <принимать> конверты — ‘брать взятки’; *совать конверт* — ‘давать взятки’; *заманить конвертами* — ‘предложить взятку’ и др.:

«Кто-то соглашается подписывать протокол, кто-то отказывается... Третьи пытаются какой-то **конверт подсунуть**. Чего только не бывает!» (Аргументы и факты, 24.10.2001);

«Какой еврей не поменял фамилии, какой портной не запорол пиджак, какой премьер не предавал правительство, какой министр не **принимал конверт...**» (Леонид Коваль. «Дневник свидетеля или восхождения к любви»).

Образность этих сочетаний основана на метонимическом переносе, который, по словам В. Н. Телия, придает им «очень высокую степень мотивированности» [11: 168], сохраняя при этом семантическую неопределенность, характерную для эвфемизмов. Компонент *конверт* встречается в одном арабском разговорном выражении *اظرفنى تعرفنى* (букв. *конверт подсунешь — меня узнаешь*) в знач. ‘плати, чтобы выполнили твою просьбу’. У этого ФЭ есть синонимичный оборот *أبجنى تجدنى* (букв. *вознаградишь меня — найдешь меня*), который попал в общепотребительный разговорный стиль речи из музыкального жаргона, где слово *أبج* означает ‘плата за труд музыканту’ [13: 85]. Эти обороты хотя и обладают пониженной степенью неопределенности, но все-таки шутливо говорятся взяточником с целью побуждения к даче взятки. Оттенок комического и популярность в культуре этих выражений снимает чувствительность ситуации, положительно влияет на настроение адресата.

«Образ фразеологизма при его восприятии проходит культурную интерпретацию, „погружаясь“ в мир ассоциаций, стереотипов, символов, эталонов» [4: 117]. Чиновничья тяга к взяткам иносказательно обозначается русским ФЭ *земля любит навоз* (усеченная форма пословицы *земля любит навоз, лошадь — овес, а судья — принос*). Данная единица паремиологии восходит к общекультурной крестьянской традиции — для повышения эффективности и получения хорошего урожая землю удобряют навозом. «Наиболее древними и до сих пор весьма активно употребляющимися являются фразеологизмы, связанные с крестьянским трудом и бытом» [6: 128]. В данном приме-

ре пропускаются компоненты с повышенной конкретностью *судья — принос*, которые могли бы вызвать у адресата речи отрицательное чувство из-за прямолинейности. Во фразеологии усечение формы, как правило, считается одним из средств эвфемизации. Удобрение земли для получения хорошего результата служит поведенческим стереотипом, который подсознательно ассоциируется с дачей взятки. Данное образное представление свойственно и арабскому менталитету. В качестве эвфемизма употребляется метафорический ФЭ *خضرت أرضك!* (букв. *озелени <себе> землю!*) как шутливый намек на дачу взятки. Фраза упомянута в одноименной пьесе М. Лотфи Гомаа (начало XX века) и стала иронически употребляться чиновниками как шутливый намек на взятку. Как и в русской пословице, данный ФЭ уподобляет дачу взятки ситуации удобрения земли, иносказательно побуждает потенциального адресата к приношению, которое несомненно гарантирует положительное решение вопроса. В ситуации взятки употребляется и другой шутливый оборот живой разговорной речи: *إديها مية تديك طراوة* (букв. *водой распылишь — прохладу ощутишь*) в знач. ‘заплатишь взятку — будешь доволен’. Метафорическая образность поговорки и его философский смысл взяты из жизненного опыта арабского народа: летом из-за жаркой погоды люди часто принимают холодный душ, пьют прохладительные напитки, а пешеходные части дороги поливают водой в надежде на охлаждение воздуха: чем больше водой поливать, тем лучше самочувствие. Данный стереотип ассоциируется в массовом сознании с представлением о некоем акте, направленном на достижение вожеленного результата. Фраза используется вымогателем взятки как шутливый намек, косвенно указывающий на взаимную выгоду для обеих сторон. Ср.:

«Когда я получал документы (на машину), мне сказали, что нужно проверить нарушения на старый госномер... сказали **водой распылишь — прохладу ощутишь**. Цена вопроса была больше 200 фунтов, а я настаивал не платить ничего» (интернет-форум «Egyptianoasis», 29.12.2011).

Многие современные эвфемизмы содержат комическую или ироническую коннотацию, которая является «приметой современной эвфемии» [8: 199]. Это способствует ослаблению негативно-

го характера денотата обращением к общекультурному контексту. В качестве эвфемизма используется шутивное выражение *за державу не обидно* в знач. 'кто-л. берет взятки', основанное на прецедентном высказывании персонажа фильма «Белое солнце пустыни» (1970):

«Ты ведь меня знаешь, Абдулла. Я мзду не беру. Мне за державу обидно».

В фильме с этими словами таможенник Верещагин отказывается от взятки. Популярное в русской культуре слова Верещагина, — а вернее, сам персонаж, — ассоциируются со стереотипом взятки, шутивно и иронически смягчают данное поведение: См.:

«В отличие от интеллигента представитель „истэбл-лишмента“ обращен прежде всего к своим собственным целям, ему „за державу не обидно“, для него вполне допустимо отношение к другим людям как к средству» (Т. Алексеева. «Нужна ли философия политике?», 2000 г.);

«Коттедж стоит, бизнес работает, незаконно отхапанная пенсия капает... **Это тебе не Верещагин, ему за державу не обидно**» (Форум Пенза, 14.11.2014).

Хотя в последних примерах нет ситуации взятки, здесь косвенно и при помощи культурного образа смягчается обсуждение взятки. Художественные арабские кинофильмы служат источником для крылатых выражений и афоризмов, которые создают в речи экспрессивную образность, отсылая коммуникантов к шутивным стереотипам национальной культуры. Эвфемизмом для взятки в египетской культуре, например, является крылатое выражение *شاي بالياسمين* (букв. *чай с жасмином*) в знач. 'взятка крупного размера', упомянутое в фильме «Морган Ахмед Морган» (2007). В фильме Морган — крупный предприниматель, который все свои вопросы решает взятками: на чай к себе приглашает нужное должностное лицо, а через некоторое время вызывает секретаря по селектору и сообщает ему: «Принеси чай с жасмином», а тот входит с портфелем полным денег в руках. Пример употребления:

«**Чай с жасмином** я никогда не дегустировал, а меня в этом обвинили» (Эр-ряд, 12.02.2017).

Из киноконтекста происходил и другой комический эвфемизм *شخال علشان تعدى* (букв. *звенишь* (т. е. монетами) — *проедешь*) в знач. 'заплати

взятку, чтобы тебя не задерживали'. В египетском фильме «Прощай, мой друг» (1986) разбойники останавливают проезжих и с этой фразой просят у них дань, иначе ограбят и не дадут проехать. Выражение стало крылатым и шутивно намекает на подношение в речевой ситуации взятки.

На основе ассоциативных символов и стереотипов религиозной культуры в ситуации взятки употребляется ФЭ *откупиться ценными бумагами <подарками>* в знач. 'обойтись взяткой кому-л.':

«А поскольку огласка в таком роде вряд ли кому-нибудь нужна, то „насилник“ примется **откупаться** от него наличными деньгами, **ценными бумагами** или драгоценностями» (Е. Сухов. «Генералы шального азарта»);

«Сегодня многие английские эксперты считают, что Абрамовичи вряд ли „дойдут“ до суда. Ведь тогда придется „высвечивать“ капиталы и то, как их приобретали. Куда проще **откупиться «ценными подарками»** (КП, 26.10.2006).

Глагол *откупиться* имеет значение 'освободиться, отделаться от чего-л. с помощью денег, взятки'. Образность фразеологизма укоренена в религиозной культуре, а точнее ассоциируется с одной реалией католической церкви — «индульгенцией». Сходными по образу и стереотипной структуре являются эвфемистические выражения с компонентом *откуп*, смягчающие речевую ситуацию взятки: *держатъ <отдавать> на откупе <на откупу>* в знач. 'давать взятку'; *быть на откупу <на откупе>* в знач. 'получать регулярные взятки'. Например:

«Посредством данного механизма М. Синдона передавал ХДП крупные суммы, чуть ли не **держал на откупе** всю ее верхушку» (В. Н. Даниленко. «Деньги и политика...», 1983).

Слово *откуп* выступает в образных выражениях стереотипом оплаты или выкупа как способа освободить себя от негативных последствий. Образ фразеологизма связан с принятым в России XIX века «правом на взимание с населения налогов, на исключительное ведение торговли или на пользование чем-л., предоставляемым частному лицу за денежный взнос» [5: 750]. Осмысление реалии *откупа* в христианском, а затем в национально-историческом сознании упрочила ее символическую и стереотипную роль в культуре и речи. Именно этим и обусловлена

их эвфемистическая функция и положительная оценка в речи коммуникантов.

К религиозно-исламскому контексту относится ФЭ الأبواب الخلفية (букв. *задние двери*) в знач. 'нечестные и незаконные средства достижения чего-либо' [14: 378]:

«Полная амбивалентность во всех аспектах жизни: от испорченного законодательства, которое запрещает, до вопиющих исключений, которым **открываются ящики**, а вместе с ними и **задние двери** каждого тупика» (Собхий Асар. «Мубарак и его соперники в весах»).

Имеется в виду, что кто-л. незаконным путем — посредством взятки или подарка — стремится преодолеть трудности, возникшие с законом. Образные предпосылки данного оборота восходят к тексту Корана:

«Благочестие не в том, чтобы вы входили в дома с их задней стороны. Но благочестив тот, кто богобоязнен. Входите в дома через двери и бойтесь Аллаха» (сура 2. Корова, 189-й аят).

Интересно заметить, что такое же представление является традиционным для миропонимания носителей русской культуры. ФЭ с *заднего крыльца* <зайти> означает 'добиваться чего-л. не прямым, а окольным путем', например:

«А из федеральных сотовых операторов пока добрался до Крыма только МТС. „Генералы“ российского бизнеса, похоже, прорабатывают планы вхождения на полуостров — но через „заднее крыльцо“» (Эксперт Юг. № 41–42, сентябрь 2014).

Слово-компонент *заднее* соотносится с пространственным кодом культуры. Эвфемистичность образа в обоих языках создается метафорой, уподобляющей подачу взятки ситуации ненадлежащего подхода к чему-л., противоположного истинному положению вещей (ср.: *переднее* — прямота, честность, яркость).

Неясные обстоятельства дачи денег олицетворяет фразеологизм *совать (сунуть) в руку* — 'дать взятку'. Его эвфемистический характер можно увидеть в следующих примерах:

«— Не умею я давать-то... Не приходилось. — **Сунь ему в руку...** Надо как-то выходить из положения» (В. М. Шукшин. «Печки-лавочки» 1970–1972);

«А наличные „**совать в руку**“ приходилось только из своей же собственной небольшой зарплаты... Но, как ни странно, — совали!» (А. Клейн. «Жизнь в музее», 2002).

При восприятии фразеологизма на первый план выдвигается культурный смысл глагола-компонента *сунуть*, который направляет сознание на архетипическую, первичную оппозицию «скрытый-открытый» и ассоциируется с темнотой, незаконностью действия — не просто дать, а незаметно сунуть. Примерно такой же образ содержат арабские устойчивые обороты *يكرمش له* (букв. *измять ему что-л. <купюру>*); *طبق إيدك بحاجة* (букв. *подсунь руку с чем-л.*) и др.:

«Если ты один из миллионов египтян, то ты обязательно когда-то „звенел“ [от звона монет. — М. Х.], „платил на чай“, „включил мозги“, или „измял купюру“» (Ultrasawt, 18.05.2017).

Эвфемистичность таких разговорных выражений создается посредством интимизации ситуации речи.

О приватизации чиновником рабочего места свидетельствуют следующие выражения: *платить <благодарить> за услугу* — 'давать взятку'; *статусная рента* — 'денежная взятка'; *цена вопроса* — 'сумма взятки' (создано на основе другого ФЭ «административная рента») и др.:

«Студенты сдавали зачет по истории религии. **Цена вопроса** оказалась невелика: 500 рублей — и зачет получен» (Огонек, № 15–31, 2008);

«„Количество проверок растет, повышается стоимость так называемой «**статусной ренты**», выплачиваемой чиновникам“, — добавил он» (РИА Новости, 16.11.2004);

«Клиент государственного и муниципального органа должен четко понимать, что ему ждать от обращения к тому или иному чиновнику и сколько придётся **заплатить за услугу**» (REGNUM, 18.12.2012).

В арабской языковой картине мира данный смысл репрезентируют сходные выражения типа *كله بئمنه* (букв. *всему своя цена*); *فين عرقى؟* (букв. *А за мой труд?*); *قَدَرْنَا!* (букв. *удостойте нас!*) и др., служащие для косвенного побуждения к взятке. Например:

«На самом деле, большинство его клиентов — это „богатые“, не желающие тратить время шататься по госучреждениям, заполнять заявления и стоять в очереди, поэтому они обращаются к дяде Махмуду, который выполняет им дела и „**всему своя цена**“» (Alhayat, 15.07.2007).

Эти выражения отражают нормы современного, прагматического, общества, ассоциа-

тивно связаны с закрепленным в сознании людей представлением о том, что все в этом мире имеет свою цену, все продается и покупается. Это же оптимизирует в речи деловую сторону дачи взятки: дай чиновнику названную сумму — и твое дело будет решено положительно.

В заключение отметим, что фразеологические сочетания могут лучше выполнять эвфемистическую функцию, чем отдельные слова. Национально-культурная интерпретация фразеологических единиц помогает описывать их семантику дополнительными символическими и стереотипными элементами культурного пространства. Изобилие фразеологизмов-эвфемизмов, репрезентирующих явление «взятки» в русском и арабском языках, свидетельствует о стигматизации данной темы в обеих культурах, об актуальности его косвенного обозначения. В обоих языках наблюдается подобие символических и метафорических образов, что свидетельствует о сходстве культурных начал у русских и арабов, а это особенно выражается в современных фразеологизмах в связи с глобализацией жизни, развивающейся на рубеже XX–XXI вв. Выявление имплицитного смысла ФЭ в национально-культурном аспекте позволяет достигнуть взаимопонимания и развития межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алевиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: Учеб. пособ. М., 2010.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становления антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 42–72.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2014.
4. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М., 2016.
5. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. 1536 с.
6. Мокшенко В. М. Славянская фразеология: учеб. пособ. М., 1980.
7. Новгородский областной словарь. Вып. 1. А–В / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992.
8. Сенчикова Е. П., Никитина И. Н. Иронические эвфемизмы как примета времени // Грамота. 2007. № 3 (3): В 3 ч. Ч. 3. С. 199–201.
9. Словарь Академии Российской. Ч. 5. От Р до Т. СПб., 1794.
10. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименования / Отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М., 1977. С. 129–222.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
12. Федоров А. И. Устаревшая лексика и фразеология в современном русском литературном языке // Сибирский филологический журнал. 2011 № 4. С. 7–11.
13. Аль-Джаухари М. Му'джам луғат ильхьят ильяумийя [Словарь языка повседневной жизни]. Каир, 2007. (на арабском языке: الجهرى، محمد. معجم لغة الحياة اليومية. القاهرة، ٢٠٠٧)
14. Даууд М. Аль-Му'джам Аль-маусу'и лэл-та'бират алэ-стиляхийя фэль-луғат аль-арабия [Энциклопедический фразеологический словарь арабского языка]. Т. 1. Каир, 2014. (на арабском языке: المعجم الموسوعى للتعبيرات الاصطلاحية. داوود، محمد. المعجم الموسوعى للتعبيرات الاصطلاحية. القاهرة، ٢٠١٤)
15. Иззат А. Аль-шахсийя аль-мисрийя фэль-амсал аль-Шабийя [Египетская личность в народных пословицах]. Каир, 1996 (на арабском языке: عزت، عزة. الشخصية المصرية فى: الأمثال الشعبية. القاهرة، ١٩٩٦).

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. (2010) *Lingvokulturologiia. Tsemnostno-smyslovoe prostranstvo iazyka: uchebnoe posobie* [Cultural linguistics. Valuable and semantic space of language: textbook]. Moscow. (in Russian)
2. Vorkachev S. G. (2001) *Lingvokulturologiia, iazykovaia lichnost', kontsept: stanovleniia antropotsentricheskoi paradigmy v iazykoznanii* [Cultural linguistics, language personality, concept: formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki (Philological Sciences)*, no. 1, pp. 42–72. (in Russian)
3. Dal' V. I. (2014) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory dictionary of living great Russian language]. Moscow. (in Russian)
4. Kovshova M. L. (2016) *Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [A linguocultural method in phraseology: Culture codes]. Moscow. (in Russian)
5. Kuznetsov S. A. (2000) *Bol'shoi Tolkovyi slovar' Russkogo iazyka* [The Big Explanatory dictionary of Russian]. St. Petersburg. (in Russian)
6. Mokhenko V. M. (1980) *Slavianskaia frazeologiya: uchebnoe posobie* [Slavic phraseology: textbook]. Moscow. (in Russian)
7. Strogova V. P., ed. (1992) *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [Novgorod regional dictionary], iss. 1. Novgorod. (in Russian)
8. Senichkina E. P., Nikitina I. N. (2007) *Ironicheskie evfemizmy kak primeta vremeni* [Ironical euphemisms as time sign]. *Gramota*, no. 3 (3): in three parts. Part 3, pp. 199–201. (in Russian)
9. *Slovar' Akademii Rossiiskoi* [The Dictionary of Academy of Russia] (1794), in 6 parts, part 5. St. Petersburg. (in Russian)
10. Teliia V. N. (1977) *Vtorichnaia nominatsiia i ee vidy* [Secondary nomination and its types]. In: *Serebrennikov B. A., Ufimtseva A. A., eds. Iazykovaia nominatsiia. Vidy naimenovaniiia* [Language nomination. Types of the name]. Moscow, pp. 129–222. (in Russian)
11. Teliia V. N. (1996) *Russkaia frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatical and linguocultural aspects]. Moscow. (in Russian)
12. Fedorov A. I. (2011) *Ustarevshiaia leksika i frazeologiya v sovremennom russkom literaturnom iazyke* [Outdated lexicon and phraseology in the modern Russian literary language]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [The Siberian philological magazine], no. 4, pp. 7–11. (in Russian)
13. Al-Djawhari M. (2007) *Mu'djam lughat al'hayat al'yaumiia* [The Egyptian identity in national proverbs]. Cairo. (in Arabic)
14. Dauwd M. (2014) *Al'mu'djam al'mausu'i lel'tabirat al'estilahiia fel'lughat al'arabia* [Encyclopedic dictionary of phraseological units of Arabic]. Cairo. (in Arabic)
15. Izzat A. (1996) *Al'shakhsiia al'masriia fel'amthal al'shabiiia* [The Egyptian personality in national proverbs]. Cairo. (in Arabic)

М. Ю. Сидорова, А. А. Липгарт

ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ЛИНЕАРИЗАЦИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ

MARINA YU. SIDOROVA, ANDREY A. LIPGART
GRAMMAR OF MODERN RUSSIAN POETRY:
LINEARIZATION AND SYNTACTIC TECHNIQUES

В статье рассматриваются особенности линеаризации (выстраивания в линейную последовательность) и синтаксические техники в современной поэзии. Демонстрируется взаимодействие общих факторов, определяющих грамматические особенности любой национальной поэзии как искусства слова, и актуальных смысловых и формальных векторов, формирующих специфику русской поэзии нашего времени. Анализируются произведения Н. Азаровой, Д. Веденяпина, Ю. Скородумовой, А. Уланова и других современных авторов. В применении к лирической поэзии развивается теория Н. Д. Арутюновой о парадигматическом и синтагматическом синтаксисе в художественной речи.

Ключевые слова: грамматика; современная поэзия; русская поэзия; линеаризация; парадигматический синтаксис; синтагматический синтаксис.

The authors explore the specificity of linearization (making linear sequences) and the syntactic techniques in modern poetry, and highlight the interaction between the general factors determining the grammatical features of any national poetry as a collection of texts of verbal art, the significant semantic and formal characteristics, which are giving its unique coloring to modern Russian poetry. The illustrations are borrowed from the poetry of N. Azarova, D. Vedenyapin, Ju. Skorodumova, A. Ulanov, and other present day authors. Lyrical poetry is viewed from the viewpoint of N. D. Arutyunova's theory (further developed in the article), concerning the paradigmatic and the syntagmatic syntax in texts of verbal art.

Keywords: grammar; modern poetry; Russian poetry; linearization; paradigmatic syntax; syntagmatic syntax.

Марина Юрьевна Сидорова

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
► sidorovadoma@mail.ru

Андрей Александрович Липгарт

Доктор филологических наук, профессор
кафедры английского языкознания
► a_lipgart@mail.ru

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

Marina Yu. Sidorova, Andrey A. Lipgart

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

Начиная с работ В. В. Виноградова и Р. О. Якобсона, исследование грамматики поэтического текста в отечественной традиции развивается по двум направлениям. Первое фокусируется на грамматических **особенностях** поэзии, понимаемых как «необычные, исключительные в каком-л. отношении», «не похожие на других, своеобразные» (в соответствии со словарными значениями прилагательного *особенный*) признаки, как некоторые «отклонения» от грамматических норм — системных и узувальных — общелитературного языка. Второе направление рассматривает грамматику поэзии как функционально обусловленную реализацию грамматической системы национального языка — тех потенциалов, которые в ней заложены с разной степенью очевидности и могут быть творчески воплощены автором (от типологических характеристик до конкретных грамматических признаков уровня слова, предложения и текста). Эта функциональная обусловленность связана с конститутив-

ными свойствами поэтического текста в целом и в данной культуре, т. е. с тем, что входит в «презумпцию поэзии» (Ю. М. Лотман): повышенной субъективностью; множественностью толкований, конкретизируемой как «модальная неопределенность» [13], «множественная референция» [15; 16; 17; 18; 19]); суггестивностью («сказочностью» [12]); двойным (синтаксическим и ритмическим) членением [25; 26]; теснотой стихового ряда и акцентированной сукцессивностью [5; 23]; фрагментарностью (малый объем и самостоятельность мотивов) [7; 22; 23]. В данной статье реализован второй из обозначенных подходов.

Его опора на грамматическую системность языка и функциональные характеристики поэзии позволяет анализировать грамматику поэзии и диахронически, и на синхронном срезе. «Системность поэтического языка обнаруживает себя также в том, что на каждом конкретном этапе своего развития он обладает внутренне согласованной совокупностью выразительных средств, позволяющих передать обязательные для поэтического текста смыслы» [18: 39]. При общей стабильности грамматической системы языка и, тем более, его типологических характеристик в различные периоды развития его поэтической сферы оказываются более или менее востребованы, актуализованы те или иные явления, единицы, категории, имеющие максимальную функциональную значимость в свете текущих тенденций развития поэтического языка. Поиск новых форм в современной поэзии обостряет интерес к тем грамматическим средствам, которые позволяют выявить новые грани субъективности поэтического высказывания, «расположить» его во множестве возможных миров с необходимой поэту долей конкретности и обобщенности и попробовать новые пути к решению противоречия не разрешимого, но крайне плодотворного в своей неразрешимости — противоречия между суггестивностью, зачаровывающе-внушающим воздействием поэтического текста, предполагающего у читателя способность к интуитивному постижению, и строгой логикой грамматических правил, нормирующих языковую деятельность и предписывающих языковому сознанию матрицы, образцы,

шаблоны оформления и комбинации единиц. См. сопоставление лексической и грамматической поэтики в [6: 105], со ссылкой на «Язык» Сепира: «...Лексическая поэтика — поэтика свободы, грамматические же значения в большей мере отражают диктат самой языковой системы, „насилие языка над художественной конструкцией“». Грамматика — это «ars obligatoria», ее поэтика — «поэтика обязательности, необходимости». Противоречие между дискретностью и упорядоченностью языка, конечностью и структурированностью языкового высказывания, с одной стороны, и недискретностью действительности, представляющей собой сплошной поток впечатлений, и «потокостью» сознания, никогда не останавливающегося и не приобретающего конечные, «скульптурные» формы, — с другой, ощущаемое авторами и научных, и прозаических художественных текстов [3: 173], в поэзии выступает на первый план.

В поэзии синтаксические правила, служащие в общелитературном языке основным фактором упорядочения линейного потока речи, все более утрачивают свое господство над строем предложения и текста. Это касается и установления грамматических зависимостей, и линеаризации (отображения нелинейного плана содержания в линейно структурированных языковых выражениях, включая перестановки, паузы и т. п.), которые представляют, согласно [29], две связанные, но отдельные стадии порождения и интерпретации речевого высказывания. Ритмическое членение стиха выступает не только во взаимодействии с синтаксической организацией, но и как ее альтернатива. Неизбежный баланс между сознательным стремлением человека к порядку и его бессознательной тягой к хаосу [28] сопротивляется переизбытку упорядочивающих факторов, торжеству предсказуемости в последовательном ряду и заставляет синтаксическую и ритмическую структуры не только «сотрудничать», но конкурировать, участвуя в создании «напряженного соотношения между массивом информации, сознательно вверенным получателю, и минимумом гарантированного понимания» [Там же: 175].

С этой точки зрения любое лирическое стихотворение является «открытой структурой»: множественность референции, казалось бы, девальвирует все шифтерные категории, придает предикативным характеристикам и дейктическим показателям текста амбивалентный, релятивный характер, что приводит, в частности, к активизации лишенных морфологических показателей предикативности инфинитивных и номинативных предложений. «Категоризирующий и синтетический потенциал русской морфологии воспринимается как избыточный, окончания усекаются, слово общезыковое приобретает способность к миграции в иную часть речи, слово окказиональное создается так, чтобы у читателя был выбор его морфологического (категориального) осмысления. Наконец, фрагментарность лирической формы, ее меньший объем и большая самостоятельность мотивов снимают грамматическую „суперсегментность“: для соположения образов в сознании читателя, т. е. в плане содержания, не требуется экспликации соответствующей связи грамматическими средствами в плане выражения» [20]. Если раньше для этого было достаточно линейной соположенности или позиционной эквивалентности (например, начало или конец строки) номинативных единиц, организованных ритмически, то теперь принцип соположения становится все менее очевиден: поиск позиционной эквивалентности, задуманной автором, все более отдается на волю читателя, который, приняв «презумпцию поэзии», обязан верить, что эта эквивалентность есть, что разрушение синтагматических отношений порождает некую новую парадигматику, а значит — новые смыслы.

Как ясно из уже сказанного, обсуждение будет вестись в рамках функционально-грамматической парадигмы, т. е. с опорой, во-первых, на утверждение первичности лингвистической интерпретации в чтении художественного текста» [30: 4]; во-вторых, на понимание грамматики как системы правил, с помощью которых носитель естественного языка строит и интерпретирует тексты разного функционального назначения, используя потенциал находящейся в его распоряжении языковой системы и знание об условиях

функционирования текста. Иными словами, если пользоваться терминами А. В. Бондарко, речь пойдет о реализации системы (языка) в среде (поэзии) через творческую деятельность **автора**, осуществляющего операции «селекции и комбинации» (Р. О. Якобсон) в соответствии со своей художественной интенцией, и **реципиента**, декодирующего текст на основе своей собственной языковой компетенции и системы ожиданий (Р. де Богранд), или презумпций, — лингвистических, жанровых, стилистических, эпистемических, эстетических и т. п. Совмещением в функциональном подходе системности и антропоцентричности обеспечивается адекватность генерализаций, позволяющих обнаруживать общие явления и тенденции на всем обширном и разнообразном пространстве современной русской поэзии, на границах которого можно найти бесконечное множество столь же равноудаленных точек, как выбранные в качестве «полюсов» в статье В. И. Новикова «Будетлянка и архаист» Наталья Азарова и Дмитрий Быков [14]: Александр Анашевич и Максим Амелин, Никита Сафонов и Михаил Кукин, Александр Скидан и Олеся Николаева... При всей широте этого поэтического спектра мы принципиально не говорим о «языках современной поэзии» даже в метафорическом смысле. Целью нашей не является открытие неких отдельных авторских языков, которые при ином подходе могут быть обнаружены даже в пределах одного стихотворения, а рассмотрение современной поэзии как реализации системы национального языка (использования ее возможностей и преодоления ограничений) через речевую деятельность особой группы носителей языка, наделенных уникальными компетенциями.

I. Одной из главных операций говорящего при продуцировании любого текста на естественном языке является **линеаризация**. Принципы линеаризации словесного материала в тексте определяются системно-языковыми закономерностями, связанными с порядком слов, способами выражения синтаксических отношений — от внутрисловных (флексии) до внутрипредложенческих и межпредложенческих: союзы, частицы, местоимения, вводные слова, пунктуационные знаки

и под. В русском языке, как языке синтетическом и флективном, синтаксические связи между компонентами предложения, как правило, выражены достаточно четко для того, чтобы реципиент мог однозначно «прочитывать» сочинительные и подчинительные отношения и определять границы предложения. В поэтическом тексте синтаксическое членение взаимодействует со стиховым, что — особенно в беспунктуационной поэзии — создает амбивалентную линейаризацию, которая выражается в возможности неоднозначного установления отношений между компонентами и границ предложения (в полисубъектной, диалогической лирике это может приводить к смещению субъектной перспективы, миграции точки зрения от одного субъекта к другому). О том, что эта возможность осознается современным автором не только как характеристика поэтического языка, но и как свойство поэтического мира, свидетельствует рефлексия поэта и критика А. Уланова над стихами Н. Азаровой:

*«с балкона речь вечереет
ухом присутствует
дрема в ладонях*

Вечереет? Или это речь вечереет? Или она еще и ухом присутствует? Или ухом присутствует дрема в ладонях? В том-то и дело, что все это вместе — в непрерывности мира и в концентрированности речи. Язык показывает текучесть мира. Предметы переходят друг в друга, их разрывает только человеческая манипуляция. Так же и действие не кончается, а переходит в другое. Отсюда же и отсутствие заглавных букв в стихах Азаровой — речь не начинается, а всегда продолжается.

И стремится сказать как можно больше. Сжатость смысла порой обеспечивается соединением внутри слова: в „пора на юг“ присутствует рана, боль удаленности и нехватки. „пусть стынет“ становится „пустышной“. „пение“ — пение тени? Пение, переходящее в чтение? А порой нужно разделение: „не до умение стоит пере до мной“, и появляются и мотив достижения, и мотив умения» (<http://magazines.russ.ru/znamia/2012/7/u19.html>).

Перевести это рассуждение в плоскость лингвистического анализа можно, обратившись к примеру из поэзии самого А. Уланова.

- (1) *Как молчание играет на пустоте
знают четверо **здесь** никто не слушает их
не дают и не просят прощения в суете
книги в пять этажей **ради них прости***
(А. Уланов. Из цикла «Сплошной Китай»).

Как бы на рубеже двух соседствующих предложений оказываются здесь локативное наречие *здесь* и существительное *книги*, обеспечивая возможность двоякой постановки условной точки. *Знают четверо здесь. Никто не слушает их* или *Знают четверо. Здесь никто не слушает их? Не дают и не просят прощения в суете. Книги в пять этажей* (здесь возникают еще два варианта: «поставить точку» после слова *этажей* или присоединить *ради них прости* к предшествующей синтагме) или *Не дают и не просят прощения в суете книги в пять этажей?*

Если наречие *здесь*, само по себе неизменяемое, может свободно присоединяться к концу предыдущего предложения или началу следующего, в чем и состоит его функция синтаксического детерминанта, то возможность трактовки синтаксемы *книги* как подлежащего при предикатах *не дают и не просят* создается именно согласованием по числу. С другой стороны, то же самое множественное число предикатов — в силу существования в русском языке соответствующей синтаксической модификации (или «схемы») предложения — создает возможность прочтения синтаксической конструкции как обобщенно-личной в случае, если третья строчка читается как отдельное предложение. Наконец, восприятие последней строчки как единого предложения *Книги в пять этажей ради них прости* (них в таком случае может отсылать к *четверо* во второй строке) или как двух предложений *Книги в пять этажей. Ради них прости* базируется на омонимии винительного и именительного множественного (*книги*), что опять же заложено в системе русского языка.

Таким образом, это четверостишие является прекрасной иллюстрацией высказанного выше тезиса: грамматические особенности поэзии (как и лексические, и фонетические) возникают тогда, когда потенции языковой системы преломляются через призму сущностных свойств поэтического текста. Множественность толкований обуславливается как омонимией предложно-падежных форм, так и наличием в русском языке определенных моделей предложения (глагольные и безглагольные, с выраженным и невыраженным субъ-

ектом) и их модификаций, свободным порядком слов, правилами согласования главных членов предложения, а также возможностью реализации различными синтаксемами синтаксических связей разного уровня — предикативных и непередикативных, присловных и неприсловных (детерминантных). В современной беспунктуационной поэзии эти возможности языковой системы активно реализуются как внутри предложения, так и на стыке «потенциальных предложений», конкурирующих в сознании читателя как при первоочтении текста, так и при его перечтении.

Ритмическая альтернатива грамматической организации выступает только на фоне последней и никогда не «снимает» ее до конца, тем более в таком языке, как русский с его «сильной», флективной морфологией. Не случайно Р. Шампиньи отмечал, что «мозаичная» поэтическая техника, когда «шифтеры освобождаются от тех задач (missions), которые они выполняют в прозе», требует языка с развитой глагольной морфологией [32: 159]. Отсутствие знаков препинания как таковое создает не так много точек неопределенности: грамматические зависимости между словами «обустраивают» текст, задавая границы его возможным интерпретациям.

На помощь желанию поэта преодолеть синтаксическую организацию стиховой приходят безглагольные конструкции и операции с порядком слов, либо эксплуатирующие свободу словоупорядка в русском языке, либо преодолевающие ее ограничения. Эти техники работают как в беспунктуационной лирике, так и в поэтических текстах с повышенной значимостью пунктуации (о последнем в следующем четверостишии свидетельствует использование авторских тире и двоеточия).

(2) *Цыц, барабанные, цыц, перепонки и жабры! Ниц —*
седовласые зрители:
влажные взоры, на устах пена — ценители...
Зубки то тут, то там обнажая, облизываются, ждут,
когда мои руки, и плечи, и шея в их небеса упадут
(Ю. Скородумова).

Прилагательное *барабанные*, ограниченное глагольным междометием *цыц* от претендента на определяемое (*перепонки*), может про-

читываться и как атрибут к этому, эксплицитно представленному в стихе слову, так и как атрибут к эллиптированному (но вполне легко восстанавливаемому) *палочки*. И музыкально-театральная тема, поддерживающая второе толкование, и морская, в контексте которой *перепонки* притягиваются к *жабры*, а не к *барабанные*, поддерживаются на уровне макротекста: их «взаимообмен» образами — конструктивный принцип стихотворения, его базовая метафора, заданная первой строкой *Море — театр пред коленопоклонницей суши* и реализуемая на всем его протяжении.

Вторжение стихового членения в синтаксическое манифестируется активизацией не только межстрочного, но и межстрофного анжабмана:

(3) *Мелодраматический флер. Нелепая театральная смерть в бесшабашной (по нотам разыгранной) перестрелке.*
Очки солнцезащитные, балетное па.

Пуля, отлитая в Голливуде, убивает больнее. Что на самом деле тревожит, так это отсутствие так называемой «любовной сцены», искушение опытом. Отсутствие возвращает перспективу, тогда как последовательность событий — фальшивка, подобие.

Подобно Джойсу

Годар предпочитает двусмысленный
пародийный монтаж зияние и в смерти человеческое ускользает
разноцветные динамитные шашки
к которым Бельмондо спичку подносит
смехотворный и вероломный жест
лучшее тому свидетельство крах
классической парадигмы сказал бы критик

...Истлевает белая сигаретка
в уголках асимметричных губ
самоубийцы Пьеро — с лицом
будущей кинозвезды. Как и Марат,
он лежит в ванной, но — читает.
Нечто о Веласкесе, возможно, Фуко,
описывающего в «Слова и вещах» «Менины»
(на ум приходят плоскости Пикассо). Повторю:

насилия и не ждали. Годар
тогда еще был влюблен в красный автомобиль,
в скорость, в Анну Карину. И знал,
тогда уже знал, что человек
никогда не совпадает

ни с собственной
смертью, ни, собственно, с бытием (А. Скидан).

Здесь очевидна общность синтаксической техники в строфе, лишенной пунктуации, и в строфах со знаками препинания, причем беспунктуационная строфа сменяется такой, в которой по сравнению с остальными знаки препинания особенно значимы: начало — с многоточия, конец строфы — на двоеточии, парцелляция после *читает*, два авторских тире, одно из них — после союза *но*, вставная конструкция в скобках. Подобные примеры заставляют задуматься о целесообразности переосмысления диады «стиховое (ритмическое) членение + языковое (синтаксическое)» в триаду: «стиховое + синтаксическое + пунктуационное» (+ графическое?), поскольку очевидно, что пунктуация (или ее отсутствие) воспринимается современным автором как некий самостоятельный уровень организации, востребованный, в частности, для выстраивания субъектной перспективы, например реализации противопоставления «свой — чужой». У того же Скидана в следующем стихотворении номинативно-инфинитивный, подчеркнuto пунктирный, или «рубленный», синтаксис оформляется на фоне отсутствия точек и запятых восклицательным знаком, угловыми скобками и кавычками — знаками, которые (за исключением кавычек, выделяющих «М» и «Ж») маркируют появление в тексте другого голоса:

- (4) *пролеты моста
колеса мельниц*
- рожок почтальона
и перегоны метро*
- <и Гете Гете конечно!>*
- не прислоняться
не спать*
- крепкие
мужские объятия*
- сентиментальная чепуха*
- «заткни пасть»*
- буквы «М» и «Ж» стерты*

Отвергая нормативную пунктуацию «точка-точка-запятая», обслуживающую синтаксическое, т. е. обязательное по условиям «общего»

языка, членение, поэт обращается к синтаксически не ангажированным средствам графического оформления высказывания, которые он может поставить на службу непосредственно семантике, причем не общеязыковой, а поэтической. Для этого великолепно подходит заглавная буква, как графический элемент, с одной стороны, принадлежащий слову, с другой — предложению:

- (5) *Ухожу Прощай До свидания Нет
Обещай Думай Ушел Ухожу
Нет Потуши свет Теперь
Скажу Ты Обними Так*

*Отдать Отдаю Все Возьми
Бери Еще Отдал Твой
Вижу Ты Изнутри Свет
Лицо белое Волосы летят*

*Полосы Дорога Пейзаж еду
звяк-звяк вагон-ресторан
Ночь Бред Горячо Насквозь —
Лицо слепит Космы жгут*

*Спать Сплю Прощай Ельник
Небо Снег Блестит Лыжник
Просто Чисто Спокойно Каникулы
Свитер красный Забыть забыл*

*Вдруг Дыра Дыры Прорехи
Ползут Расползаются Вкривь Вкось
Очнулся Провалы Гулко Город
Страх страшно Иди иду*

(Г. Сапгир. «Слова»).

В сочетании с увеличенным пробелом между словами прописная буква позволяет «каждому слову в стихах... быть самим собой», отпадает нужда в «промежуточных связках», «при этом слово приближается к Слову, то есть к символу» (<http://magazines.russ.ru/arion/1999/1/sapgir.html>).

Пробел между словами привлекает к себе все больше поэтической рефлексии в силу своей многофункциональности: это и знак пустоты (тишина, молчание, пауза в поступлении новых смыслов и образов в сознание читателя), и промежуток между словами, обеспечивающий их самостоятельность, и синтаксическая позиция, которая может оставаться незаполненной или получать более или менее тривиальное заполнение.

Пробел может не только увеличиваться, но и вовсе устраниваться, или «заполняться» дефи-

сами, перестраивающими не только ритмические, но и смысловые отношения между элементами стиха. Так, у Н. Азаровой один и тот же знак — дефис — служит для расчленения слова и объединения слов. Поэт словно вторгается в типологическую характеристику русского языка как языка с четкой противопоставленностью слова и предложения, образуя некий полисинтетический язык, в котором синтагма-строка инкорпорирует на равных основаниях слово и часть слова, необязательно равную морфеме. Самостоятельность обретает то, что в системе языка самостоятельным быть не должно, последовательность дискретных элементов становится единым элементом поэтического высказывания, а один и тот же звуко-буквенный комплекс принадлежит одновременно двум или более словам:

- (6) луны луч
лишние прочь
карабкась-по
расчёске
лестницы
на-лбу-бумагой-растрёпанном
улучить
шелес-тела-прядь
(Н. Азарова);
- (7) сочную-сквозь
травм-у-ма-рта
щель
щели коры
в-земле-ковыряясь
квадратов
солнечный мокнет ковёр
искривляя-верстая
де кора тивные
буквы
челове-к-ли-нописано?
(Н. Азарова).

Подобные операции всегда имеют как синтагматический, так и парадигматический смысл. С синтагматической стороны они обустройствают линейную структуру высказывания, делают более плотными или, наоборот, растворяют синтаксические связи, варьируют ритмическую структуру, определяя возможности проговаривания (с этой точки зрения приведенные стихотворения Н. Азаровой являются одновременно примером так называемой лирики «для глаз» и «для слу-

ха»). С парадигматической стороны они создают новые языковые элементы, вступающие в открываемые для нас поэтом нетривиальные межуровневые семантические и формальные отношения: часть слова — со словом, часть слова — с предложением, слово — с предложением, слово — с синтагмой, синтагма — с предложением. Семантика и синтаксис как бы растворяют морфологию, «уничтожая» общеязыковое понятие флексии: флексия теряет функцию основного способа связи между компонентами синтаксической конструкции, при этом приобретая способность быть одновременно флексией и частью корня (*травму — ума — марта*).

Это уже далеко не бальмонтовский «Бог Океан» (*Волны морей, безпредельно — пустынно — шумящие, Бог Океан, многогласно — печально — зывающий...*), где авторские тире, задавая величественную напевность прочтения, соединяют (разделяют) слова общеязыкового лексикона; не разделение слова на очевидные морфемные элементы, как у В. Сосноры (см.: [9]); не простая слоговая парцелляция, функционально сосредоточенная на ритме и звукописи (*А где-то за стеной Будильник до рассвета Стрекочет на столе: «До бу-ду-ще-го ле-та, До бу-ду-ще-го ле-...»* — Т. Собакин). Это вторжение поэтических принципов линейаризации в системные свойства языка, затрагивающее все уровни — от фонетического до синтаксического.

О значении паузы, «тишины» в линейной организации современного поэтического текста пишет В. Курицын, разбирая «карточки» Л. Рубинштейна: «Для текста Рубинштейна важна категория паузы, возникающей между двумя карточками, между двумя репрезентациями одного или разных дискурсов. Пауза — несомненный элемент текста, часть произведения, чрезвычайно важная для его структуры. Но пауза свободна от языка, это зона с выключенным языком. Рубинштейн указывает на те места в тексте, в которых он, текст, может быть нетоталитарен. В большинстве текстов естественные паузы между его элементами служат мостиками от элемента к элементу, их самостоятельная сущность никак не выделена (кстати, предположим в скоб-

ках, что привычка Бродского нумеровать строфы своих длинных стихов имеет под собой схожую интенцию — зафиксироваться на промежутке между частями текста). Система карточек позволяет представить паузу как не менее важный, чем слово, элемент текста, но элемент, лишенный следов тотальности. Рубинштейн позволяет нам войти в зоны нетотального письма или, по крайней мере, чуть больше поверить в их возможность... Перерыв в речи предполагает не рассредоточение внимания воспринимающего, а сосредоточение его на себе, на собственных впечатлениях, на своей телесности. Мы можем предположить, что есть шанс обрести нетотальность внутри своей телесности» [11].

Нетотальность здесь ключевое слово. Достижение описанного эффекта средствами лиризации воспринимается в современной поэзии как «Метод», что и продемонстрировано в одноименном стихотворении Г. Сапгира:

- (8) Случайные слова возьми и пропусти
 Возьми случайные и пропусти слова
 Возьми слова и пропусти случайные
 Возьми «слова, слова, слова»
 Возьми слова и пропусти слова
 Возьми и пропусти «возьми» —
 И слова пропусти (Г. Сапгир).

Так же, как и в художественной прозе, в поэзии используются реализующие потенциал системы русского языка **синтаксические техники**. В этой области взаимодействуют две оппозиции:

- а) синтагматический vs парадигматический (актуализирующий, аналитический) синтаксис;
 б) «выработанный» (спланированный, искусственный) vs спонтанный синтаксис.

Две первые техники, позволяющие варьировать степень и характер связности текста, были выделены Н. Д. Арутюновой применительно к художественной прозе [1; 2]: в качестве полюсов здесь выступают иерархический (синтагматический) принцип построения, при котором «основная ставка делается на разработку синтагматических отношений», и актуализирующий (парадигматический), где «упор делается на связь высказывания с денотатом, его прямую и „близкую“ отнесенность к ситуации» [2: 482].

II. Синтагматический vs. парадигматический синтаксис. В основу разграничения кладется противопоставление двух «аспектов» синтаксиса — «аспекта синтагматических связей между словами, входящими в высказывание, и аспекта актуализации высказывания, его преобразования в единицу речевой коммуникации» [Там же: 483]. Каждый из них может становиться «доминантным конструктивным фактором», деформируя, подавляя второй аспект и подчиняя себе другие стороны синтаксической организации текста [1: 22]. В синтагматическом синтаксисе «развертывание синтагматических связей иерархически организует элементы сообщения, позволяя автору постоянно „перегруппировывать мир“ путем наложения разных сеток отношений на его элементы, создания из них разных позиционных комбинаций» [2: 483]. Его наиболее характерные черты включают разветвленность предложения; обилие межпредложенческих средств связи; совпадение границ предложения с высказыванием; активизацию словообразовательной категориальной транспозиции, позволяющей использовать одну основу в разных синтаксических функциях; эксплицированность модуса, понимаемую как «достаточно определенное отнесение суждения к его автору», и т. п. [Там же: 483]. «В иерархической прозе непрерывность содержания, отражающая „сплошной“ характер действительности, стремится выразить себя в непрерывности внешней формы. <...> Иерархическая проза стремится к сокращению интервалов в прерывистом потоке, к сплошняку, континууму, делая незаметным мазок художника. Актуализирующая проза постоянно синкопирует, нарочито увеличивает, раздвигает зазоры в повествовании, подчеркивает „неслиянность“ каждого мазка, значимость которого резко расширяется. Первый тип прозы объединяет, связывает. Второй — дробит, членит» [Там же: 485]. В актуализирующем синтаксисе распадаются связи между предложениями и внутри предложения, минимизируются указания на смысловые отношения между отдельными сообщениями и компонентами сообщений. Его признаки — использование несинтаксических средств связности текста (ритм, интонация), увеличение числа безглаголь-

ных предложений, «частые случаи нерасчленения модуля и диктума» и др. Ослабленная внешняя связность элементов текста компенсируется «образным единством, художественной целостностью» произведения [1: 30].

Две описанные синтаксические техники активно эксплуатируются в современной русской поэзии.

Начнем с рассмотрения примеров синтагматического поэтического синтаксиса.

- (9) *На задворках космической круговерти,
где дожди вырастают из талой тверди
и венчаются кроною облаков,
чьё материнское молоко
причитается птицам за их немолчную вредность,
на заре плагиата, в зените крамол
согрешивший с флорою богомол
воплощал под ее псевдонимом свою, поверьте,
непрезойденную верность* (Ю. Скородумова).

Это первое предложение в стихотворении, и оно занимает девять строк: шесть первых — пространственно-временные локализаторы, в седьмой появляется подлежащее. На 41 слово здесь 10 связующих — союзов и предлогов (при этом только один союз сочинительный) и 5 строк из 9 начинаются именно с союзов и предлогов. Предикативных единиц в этом предложении — более 10. «Нарушение» ограничений человеческой оперативной памяти в нерифмованном стихе со сложным, труднопредсказуемым ритмическим рисунком, заставляет сознание читателя «удерживать» сложную, многословную синтаксическую структуру: хранить в памяти ее начало и в то же время стремиться к концу. Возникает внутреннее напряжение между необходимостью «суперсегментного» прочтения и поэтической самооценностью, информативной и художественной, каждого отдельного элемента. «Распределяющееся» по всей длине конструкции читательское сознание открывает себя суггестивному воздействию» [21].

- (10) *глаз, открывающий мне ресницы, как лепестки цветка,
видит одновременно двенадцать выгнутых стрел,
коим, чтобы подняться, требуются века
и кто-нибудь, кто бы понял, полюбил, посмотрел,
как из этого тела, обёрнутого вокруг
отсутствия тьмы и света, оформленного ничто,
берётся огромный воздух и рвётся из сжатых рук,*

*и всё, что вокруг свернулось, обрушивается ничком;
и всё становится болью — леса, небеса, песок;
и голосом, словно пальцем, Кто-то ведёт по мне,
снимая мягкое тело, как скомканный лепесток,
с той пустоты, откуда делается больней,
куда проникает только самый высокий стон
и не уходит оттуда, покуда не станет сыт, —
двенадцать стрел, расцветая пламенем, делаются кустом,
и начинает биться сердце, подвешенное за язык*
(Ю. Идлис).

В этом стихотворении из 16 строк — 105 слов и лишь одно предложение, содержащее как минимум 30 предикативных единиц и представляющее, фигурально выражаясь, энциклопедию подчинительных связей и полупредикативных конструкций в русском языке. При этом подобный синтагматический синтаксис характеризуется как спонтанный, он не создает ощущения нарочитости, искусственности построения, а напротив, дает эффект непосредственного развертывания на бумаге мыслей и эмоций, набегающих, как волны. Оппозиции «парадигматичность/синтагматичность» и «спонтанность/выработанность» синтаксиса выступают, таким образом, не как рядоположные, а как пересекающиеся, о чем мы подробнее скажем ниже.

Синтагматический синтаксис обнаруживает себя в длинных рядах однородных членов, в нагнетании параллельных конструкций с одинаковыми союзами — подчинительными и сочинительными, в высокой предикативной емкости и этажности [8] структуры предложения.

- (11) *Как говорил сокровенный Сократ, сибарит,
сотрапезник, создатель,
с ханкой, на кухне, при мне, при свечах, при часах,
при своих оставаясь:
Мир обоюден, объят облепихой, он липок и лапчат,
все мужики дармоеды, все бабы тупы на языки...*
(Ю. Скородумова).

Первая строчка включает ряд однородных приложений, вторая — шесть однородных ситуативных синтаксисом, в третьей — по два однородных предиката в каждой из параллельных частей бессоюзного предложения.

- (12) *То серебристый дождь, то ватный коридор
Ночной гостиницы, то голубь над ковчегом,
То утренний туман, то монастырский двор,
То избы вдоль шоссе, засыпанные снегом;*

*То роцца, где меня окликнул почтальон,
Я подошел, и он подал с велосипеда
Письмо, и тут же мир раздвинулся, как сон,
В котором быть уже не отделить от бреда*
(Д. Веденяпин).

8 строк, одно предложение из 53 слов, 7 повторяющихся союзов *то* и запятая после *почтальон*, не позволяющая «завершить», казалось бы, уже «готовое» предложение. Заметим также возможность двойной интерпретации *то* — как указательного местоимения или как разделительного союза. Первый вариант звучит возвышенно-архаично и, судя по всему, должен быть нами отвергнут, но второй — с общезыковой точки зрения явно противоречит конкретной пространственно-временной локализации в строчке *То роцца, где меня окликнул почтальон...* Строчка эта, таким образом, превращается в размытую границу между множественностью и конкретностью, создавая переход, подобный классическому случаю из «Невского проспекта» Гоголя, когда после пространного описания того, кого и в какое время суток вы можете **обычно** встретить на Невском проспекте, неожиданно появляется фраза «„Стой!“ закричал в это время поручик Пирогов, дернув шедшего с ним молодого человека во фраке и плаще. „Видел?“» В. Шкловский трактовал этот фрагмент как пример того, «что в старых эстетиках называли „единством множественности“» [27: 425], а у Б. Пастернака в «Докторе Живаго» и М. Осоргина в «Сивцевом Вражке» эта техника становится стилеобразующим приемом лирической прозы [21]. У Веденяпина это единство множественности, готовящее нас к тому моменту, когда *мир раздвинется, как сон, В котором быть уже не отделить от бреда*, создается с первой строки — во взаимодействии грамматической структуры и ее лексического наполнения. С одной стороны — повторяющиеся *то*, размывающие (умножающие) пространство и время. С другой — пространственные ориентиры, весьма разнообразные по всем параметрам (включая четкость «восприятия», артефактность/натурфактность, горизонтально-вертикальную ориентацию) и этим активизирующие перцептивный модус в сознании читателя, обладающего

достаточной способностью к визуализации вербальных стимулов. Для того чтобы это работало, требуется соположение в одной предикативной структуре предложения языковых знаков, подразумевающих «множественное» прочтение и актуализирующих единственность, уникальность.

- (13) *Уже обезумела совесть рябины.
Уже наступает сезон для охоты,
И в очи оленям глядят карабины,
И тлеют сырые, как веки, восходы.
И хочется думать о смутных предметах,
Больших и прохладных видениях сердца —
О смуглых плечах и летящих кометах,
И хочется плакать. И некуда деться* (В. Елистратов).

5 союзов *и* внутри предложения и в парцелляте, параллельные конструкции с *уже*, ряд однородных членов с повторенным дважды союзом *о*.

- (14) *Он просиял и подошел к окну,
Дрожавшему от грохота трамвая,
Вплетенного в живую тишину,
Звенящую сквозь снег, как неживая.
И вглядываясь в этот снег и свет,
Упавший навзничь в неприятном сквере
На комья грязи и клочки газет,
На праведных и грешных в равной мере
Прохожих без особенных примет,
Он рассудил не рассуждать о вере,
А просто верить в то, что смерти нет,
А милость есть — как в жизни есть потери,
Хранящие от сотни горших бед,
С рождения дежурящих у двери...* (Д. Веденяпин).

14 строчек делятся синтаксически на два предложения, причем в первом, более коротком, выстроена иерархия причастных оборотов в четыре уровня последовательного подчинения (*к окну* какому? *Дрожавшему от грохота трамвая* какого? *Вплетенного в живую тишину* какую? *Звенящую сквозь снег*), а в последних строчках — причастная структура из трех этажей. Всего на 80 слов в приведенном тексте 6 полных причастий. Для сравнения: в данной статье 6 причастий обнаруживаются во фрагментах, насчитывающих 250–270 слов. Кроме того, в стихотворении на 80 слов 26 предлогов и союзов (в этом абзаце и начале следующего за вычетом цитаты — 19 предлогов и союзных элементов на 80 слов), организующих как однородные и параллельные, так и подчинительные, иерархические связи.

Со смысловой точки зрения компоненты и структуры в поэтическом тексте, которые подводятся под грамматические термины «однородные» и «параллельные», весьма разнообразны — настолько, что не могут быть досконально проанализированы в рамках статьи. Перечислим лишь некоторые очевидно выделяющиеся типы.

В первую очередь следует разграничить два типа однородных субстантивных рядов:

- а) умножающие определения сущностей через перебор терминов или характеристику объекта с разных сторон — пример (11) первая строка, пример (15), пример (16) строки вторая и пятая;

(15) *Левлосев не поэт, не кифаред.
Он маринист, он велимировед,
бродскит в очках и с реденькой бородкой...* (Л. Лосев);

- б) умножающие сущности.

Во втором случае сущности могут умножаться в пределах одной денотативной ситуации, как бы одновременно в ней присутствуя и образуя конъюнктивный ряд « X_1 , и X_2 ... и X_n » (пример (10) девятая строка; ряд однородных членов в форме «о + Предл. пад.» в примере (13)), или выступать в качестве взаимоисключающих претендентов на заполнение одного и того же «слота» при предикате (дизъюнктивный ряд « X_1 , или X_2 ... или X_n »), изменяя денотативную ситуацию — пример (16) строки первая и четвертая, пример (17).

Разные типы рядов однородных членов могут совмещаться в пределах одного текста:

(16) *И растет, наплывает тревога, трирема,
трагедия, трещина,
и никак не растает таблетка, облатка,
тускляя капсула,
рассосаться не может ее оболочка, обложка,
облице, облачко,
раствориться не хочет окно, циркуль, соль
и любое творение,
и никак не нащупать опору, основу, корпус,
остов, корпусулу* (В. Строчков);

(17) *У одной моей подружки была теплая шуба
(Норка, выхухоль, песец или, возможно, енот).
<...>
Нерна, нутрия, шиншилла, незабвенная проза,
От зимы обратно в зиму проползание ужом.
Слишком разные слова по отношению к морозу,
Ни замужества, ни дружбы, только легкий снежок.
Потолок захочет выспаться на длинных ресницах,*

*В центре озера на скатерти замерзший стакан.
Волк, опоссум, кошка драная, ондатра, куница,
Росомаха, чернобурка, мексиканский тушкан*
(Н. Звягинцев).

Аналогично выделяются два типа рядов пространственно-временных локализаторов (они могут быть выражены (предложно-)падежными формами существительных, наречиями, прилагательными предложениями): когда весь ряд формирует и наполняет признаками одно и то же пространство-время — пример (11) вторая строка — или когда члены ряда представляют альтернативные пространственно-временные локусы — пример (12).

Естественно, не просто возможны, а весьма востребованы оказываются ряды амбивалентные, как в третьей строке примера (16), и ряды повторяющиеся с варьированием, как в примере (17).

Наконец, ряды глагольные (они, по нашим впечатлениям, встречаются реже) также могут представлять собой конъюнкцию или дизъюнкцию признаков, а первом случае — последовательность или одновременность признаков:

(18) *Я говорю, устал, устал, отпусти,
не могу, говорю, устал, отпусти, устал,
не отпускает, не слушает, снова сжал в горсти,
поднимает, смеется, да ты еще не летал,
говорит, смеется, снова над головой
разжимает пальцы, подкидывает, лети...*
(В. Строчков).

Анализ этого стихотворения с точки зрения субъектной перспективы текста см. в: [20].

Другой полюс представляет собой парадигматический синтаксис — небольшая линейная протяженность предложения и/или проблематизация предложения как синтаксической единицы, невыраженность и/или амбивалентность синтагматических связей, безглагольность, номинативные конструкции. При этом установление границ и структуры предложения автор может либо отдавать на откуп читателю (как это происходит в беспунктуационной лирике Н. Азаровой), либо оставлять за собой (как это делает А. Анашевич в следующем стихотворении, четко маркируя точками стыки коммуникативных единиц, совпадающие с концами строк):

- (19) *портной стыд
плечный путь
лес весь в пальто тяжёлых оттенков
сад вышит детской тяжёлой травой
предки на плечиках напоказ
швы не выдержали* (Н. Азарова);
- (20) *У крана и валуна точка на спине видна.
Это такая игра.
Ты бы со мной не смогла.
Металась бы в угол из угла.
Это такая зима.
Черная капелька, несмываемая смола.
Ты бы со мной никогда.
Елочные украшения, искусственная слюда.
Мне бы Рождество встретить, мне бы купить вина.
Это такая страна* (А. Анашевич).

В этом стихотворении Анашевича 10 строк, 50 слов, из которых 6 предлогов, 1 сочинительный союз и ни одного подчинительного, и 10 предложений, из которых только в двух (фактически представляющих собой одно парцеллированное) есть глагол в личной форме.

Проблематизация предложения как коммуникативной единицы, как следствие, влечет за собой проблематизацию слова, которое лишается своих системных характеристик номинативной целостности и идиоматичности, включаясь в новые формальные и смысловые парадигмы:

- (21) *лес
знаьем контуров
расс — телен
он
бесснежный
бестелесен* (Н. Азарова);
- (22) *плоть про-ступила в простоте
ло
и-умер
ло*
(Н. Азарова).

Если Н. Д. Арутюнова говорит о парадигматическом синтаксисе в прозе как об «актуализирующем», то применительно к современной поэзии напрашивается термин «аналитический». Создавая у читателя привычку к самому себе, к своим принципам построения, парадигматический синтаксис формирует новые презумпции, ожидания, связанные, в частности, с господством именительного падежа, в котором предъясняется слово, обретающее за счет оформленности с про-

писной буквы и точки в конце статус предложения, трансформирующееся из номинативной единицы в коммуникативную. Текст строится по законам «абсолютной предикативности» внутренней речи: «Мы всегда знаем, о чем идет речь в нашей внутренней речи. Мы всегда в курсе нашей внутренней ситуации. Тема нашего внутреннего диалога всегда известна нам. Мы знаем, о чем мы думаем. Подлежащее нашего внутреннего суждения всегда наличествует в наших мыслях. Оно всегда подразумевается» [4: 318–319]. Внутренняя речь, подчиненная «чистой и абсолютной предикативности», и письменная речь составляют два полюса континуума функциональных типов речи «в отношении тенденции к сокращению речи и редуцированию ее до чисто предикативных суждений» [Там же: 316]). Для внутренней речи, еще более, чем для лирической поэзии [10], нерелевантны принципы актуального членения внешней речи — данное/новое, известное/неизвестное. Одинаково данным/новым, известным/неизвестным является все, и порядок слов выполняет принципиально иную функцию, чем обеспечение тема-рематического членения, усиливая впечатление аналитичности и амбивалентность синтаксических отношений.

- (23) *Кафе терраса. Скатерти белые
взметены; убывающий
потусторонний свет. Бирючина, эвкалипт*
(А. Скидан);
- (24) *Треск почвы сухой. Ящерица
застыла на камне. Синие зеркала холмов,
лопасти, львиные пасти солнца* (А. Скидан).

Являются ли постпозиция определений, анжабман с зависающими на конце строчки именительными падежами и амбивалентный композит с аналитическим существительным *Кафе терраса* отдельными явлениями или составляющими некоей общей синтаксической техники — особого оперирования предикативностью? Верно, скорее, второе. И техника эта, если анализировать ее с точки зрения использования возможностей языковой системы и ожиданий читателя, весьма сложная, далеко выходящая за пределы классических номинативных рядов типа *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* или *Шепот. Робкое дыханье*.

Трели соловья. «Приучив» читателя к поэзии номинативных рядов (для краткости ее можно называть «номинативной», по аналогии с термином «инфинитивная поэзия»), поэт (в обобщенно-референтном смысле слова) обнаруживает возможность обмана сформированного ожидания: зависающие на конце строки *Скатерти белые* и *Ящерица* оказываются не самостоятельными номинативами, а подлежащими двусоставных предложений, после которых снова происходит возврат к номинативным рядам. Постпозиция определений *белые* и *сухой* отправляет нас к сложнейшей проблеме атрибутивности/предикативности, принципиально неразрешимой в рамках формального, непорождающего синтаксиса и являющейся предметом вечных дискуссий в синтаксисе коммуникативно-функциональном: является ли конструкция N_1Adj членимой, двухкомпонентной или нечленимой, выступающей как единый синтаксический «знак»? Три слова, объединенные волей автора в одно предложение, *Треск почвы сухой* — генерируют вариативные прочтения атрибутивных связей: *треск сухой?* или *почвы сухой?* *Кафе терраса* — это препозиция родительного (*терраса* чего? — *кафе*), не маркированная падежным окончанием, или «позабытый» автором дефис? (Надо отметить, что русский язык в целом такие «перевертыши» запрещает, в отличие от английского с его бесконечно возможными перетасовками *steel blade* ↔ *blade steel* и под.)

Интересно, что при парадигматической технике для номинативов невозможна та «множественность конкретного», которую мы наблюдали в примере (12) у Д. Веденяпина. Лишенные союзных средств и модусных показателей номинативы в зависимости от семантики и контекста воспринимаются либо в рамках актуального (непосредственно наблюдаемого) дейксиса «я — здесь — сейчас» (примеры (23) и (24)), либо как обобщенно-референтные «именительные темы», принадлежащие ментальному модусу — пример (25):

- (25) *Мелодраматический флер. Нелепая театральная смерть в бесшабашной (по нотам разыгранной) перестрелке. Очки солнцезащитные, балетное па. Пуля, отлитая в Голливуде, убивает больше (А. Скидан).*

Но это, собственно, «одно и то же». Мир посредством такой синтаксической техники, проблематизирующей предикативные и атрибутивные отношения, превращается в функцию внутренней речи автора. Это напоминает с точностью до наоборот фантастический рассказ, в котором героиня обнаруживает в доме пульт с большим количеством переключателей, обозначенных названиями реалий окружающего ее мира, и постепенно, переходя от мелких предметов к все более крупным, отключает «деревья», «луну», «море»... пока на приборной панели не остается последний переключатель с надписью «Я». Здесь, напротив, автор словно переводит рычажки в положение «вкл.», включая для нас по очереди: *кафе... терраса... скатерти... белые... да, они взметены...*

Выступая как «конструктивные факторы, подчиняющие себе и деформирующие синтаксический строй текста» [1: 26], синтагматический и парадигматический принципы построения могут рассматриваться на разных уровнях генерализации: как типовая характеристика стиля автора, как «предпочтение» в пределах отдельного произведения или группы произведений, как прием, используемый в конкретном стихотворении для реализации определенной художественной интенции в контрасте с противоположным принципом. Ср. значимый переход от парадигматического синтаксиса к синтагматическому, сопровождающийся сменой регистра с репродуктивного на волонтивный и модальности с реальной на ирреальную, в последней строфе стихотворения Д. Веденяпина (26) и совмещение парадигматического и синтагматического принципов в стихотворении Г. Ермошиной (27), где именные ряды (номинативные и предложно-падежные) и нарастающая к концу стихотворения безглагольность и краткострочность контрастируют с выраженностью синтагматических связей в сложных, развернутых предложениях первых строф.

- (26) *Человек подходит к микрофону.
Утро отражается в реке.
Женщина летает над газоном,
Полулежит в красном гамаке.*

- Сонная Австралия. Зеленый
Летний день. Залитый солнцем джип.*

*Смуглый фермер, с детства умудренный
Тайным знанием бабочек и рыб.*

*Не спеши потягивая виски,
В кресле у окна сидит старик.
Не спеши потягивая виски,
В зеркале сидит его двойник.*

*Девочка играет с обезьяной.
Негр в очках копается в саду.
Над зеленогрудю поляной
Вьется белоснежный какаду.*

**Если радость — это чувство света,
Выстрели из фотопистолета
В это небо, полное тепла,
И оттуда с серебряным звоном
На поляну рядом с микрофоном
Упадет Кащеева игла** (Д. Веденяпин);

- (27) *Осень твоя колокольная, яблоко светлого плача,
это не больно — лодочник, маятник и карусель.
Если бы ты был здесь — все бы решилось иначе,
но не искать же тебя на гипсовом дне, Одиссей.*

*Или следить за оставленным следом черной дороги.
Только лишь кончик пряжи свяжет согласие в речь.
Пусть Пенелопа ждет — так говорили боги,
и круг молока в тарелке, и круга гончарного печь.*

*Если и склеится чашка, и совпадут половины
яблока, мокрой земли, прочитанного листа,
и след вчерашнего снега, и лед рождественской глины —
останется все же берег и раковина песка.*

*Этот лодочник глуше и ближе
темной жаждою стоптанных плит
в глубину твоего пятикнижья,
в перемолотый морок земли.*

*Терпкой ягодой, краешком, краем,
быть наградою — слово и жест,
а младенец уже выбирает
первой речи законченный крест* (Г. Ермошина).

Десинтагматизация синтаксиса может под-
держиваться анализацией морфологии, ко-
гда лексема выступает (предъявляется автором)
в словесном (текстовом) ряду, но в начальной
(словарной) форме:

- (28) *Наверное, не
элегия — быть в уме,
клубок расстояний скрадывает вода,
рука землемера левая на нуле,
мой карточный третий город семерка да
за вольным кисельным берегом лед замерз,
зверушка издали молоко лакать,*

*аллюзии (Russian poetry, am I yours?) —
ни мехом прильнуть, ни хвостиком помахать*
(О. Зондберг).

Здесь О. Зондберг, начиная с вполне грам-
матичных двусоставных конструкций с выражен-
ными синтаксическими связями и нормативной
пунктуацией, постепенно отказывается от этой
оформленности, «теряя» сначала некоторые зна-
ки препинания и показатели синтаксических
отношений, варьируя порядок слов и приходя
постепенно к «чисто номинативной», нарочито
лишенной всех показателей коммуникативности
строчке, после которой — через английское вклю-
чение — происходит возвращение автора в лоно
Russian poetry в завершающих инфинитивных
конструкциях.

Вошедшая в презумпцию современной поэ-
зии с лингвистической стороны возможность
общаться с читателем с позиций «чистой предик-
кативности» и соединившаяся в ней со стороны
эстетической постмодернистская убежденность
в том, что «все уже сказано» и в «незначимости
присутствия текста» [25], позволяют, впрочем,
строить словесный ряд и вовсе «без морфоло-
гии», например, «оборвав» половину страницы,
как в стихотворении Г. Сапгира «Ночь» (30), или
используя только служебные части речи (неиз-
меняемые или застывшие в одной из морфоло-
гических форм, унаследованных в результате
синтаксической деривации), как в начале одного
из стихотворений цикла «Частичные объекты»
у А. Скидана:

- (29) так как
все-таки
между тем
ввиду недостаточности
в то же время
иными словами
соответственно
в сущности
<...>

Сам Скидан характеризует подобную сти-
листику как попытку писать, «разлагая поэзию
на элементарные частицы (речевые акты, между-
метия, тропы). Своего рода эксперимент, позво-

ляющий проследить, как сознательные манипуляции порождают бессознательные эффекты, и наоборот. Дезавуировать технику стихосложения, показать, как поэзия сделана, но изнутри самой поэтической формы, извлекая, так сказать, поэзию из ее же обломков» (<http://magazines.russ.ru/km/2005/3/sk8.html>). Интересно, что техника стихосложения при этом действительно «дезавуируется» — с этим нельзя не согласиться. При этом «аннуляция» морфологии кажущаяся. Для того чтобы воспринимать союзы, предлоги и вводные слова в (29) как особый вид «элементарных частиц», отличных от существительных, глаголов и прилагательных, нужно уметь проецировать их на систему русского языка: читатель должен по крайней мере знать, что *в то же время, иными словами, в сущности* — это строевые, неизменяемые единицы, морфологический статус которых отличен от свободных словоформ существительного типа *в то же озеро, иными дорогами, в кровати*. Так же в стихотворении Сапгира — слова, лишившиеся частеречной принадлежности и морфологических форм в результате «обрыва страницы», играют не только сами по себе, но и в сопоставлении с «так же» оформленными словами целыми, не пострадавшими:

- (30) Веч
Маш
Машинистка печ
Нач
Точ
Пр
Прошу Вас дать мне рас
Мать спит за шир
Шор
Сосед бос
Торчит ч
Стучит маш
Он зовет Маш, Маш
А под окнами шур
Маш
Тиш
Проснется Шур
Нет
Выключ
Свеч
Ночь
Тысячи Маш
Тысячи Шур
Тысячи шор

Тысячи мур
Тысячи кош
Тысячи крыш
Лун
Стелются туч
Он
Впился зубами в плеч
Она
Мучь мучь
Тиш
Лишь за шир
Шор
В коридор
Мур
А под окнами шур
Маш (Г. Сапгир).

В равной степени как источник художественного эффекта используются усечение слова и факт наличия в русском словоизменении форм с нулевыми окончаниями, которые на фоне прочих воспринимаются как «экзотические» (Родит. множ., звательный падеж, краткие прилагательные муж. рода, повелительное наклонение от глаголов некоторых классов и под.).

III. Спланированный vs. спонтанный синтаксис. Вторая оппозиция в области синтаксиса, ярко проявляющаяся в современной поэзии, — это оппозиция между

- синтаксисом **«выработанным»** (лучшим термином здесь было бы, пожалуй, английское прилагательное *elaborated*, перевод которого на русский как «продуманный», однако, не вполне годится для характеристики поэтического текста), демонстрирующим спланированность высказывания и его организацию в соответствии с подчеркнuto выраженными конструктивными принципами, отражающими художественную интенцию автора, и
- синтаксисом **спонтанным**, «набросочным» или потоковым, создающим впечатление стихийности, текучести, незавершенности лирического переживания; разговорности и непосредственности речи и т. п.

Эта оппозиция опять же связана с системными признаками поэзии как искусства слова: «В разные этапы развития поэтического языка отмечаются две тенденции: одна состоит в расподоблении поэтического языка и практической речи, вторая — в том, что поэтический язык всегда стремится к сближению с разговорной речью, к включению в себя того, что принято в языке повседневного языкового общения. Обе тенден-

ции могут рассматриваться как универсальные, вытекающие из природы стихотворного высказывания. Первая является следствием соотношенности стихотворного высказывания с языковым (звуковым) пространством, которое является отличным от внеязыкового денотативного пространства, обслуживаемого практическим (прозаическим) языком; вторая тенденция проистекает из необходимости представить поэтическое звуковое пространство как потенциально совместимое с фрагментом внеязыкового денотативного пространства, имеющего конкретные пространственно-временные координаты, в котором представлено — в качестве конкретной реализации — „положение дел“, заданное стихотворным высказыванием» [18: 38].

На пересечении с уже рассмотренной оппозицией парадигматического и синтагматического синтаксиса создаются кластеры признаков:

- синтагматический «выработанный» синтаксис;
- синтагматический спонтанный синтаксис;
- парадигматический «выработанный» синтаксис;
- парадигматический спонтанный синтаксис.

Противопоставление спланированного и спонтанного синтаксиса во многом связано с нашими представлениями о синтаксисе книжном и разговорном или триаде «внутренняя речь — внешняя устная речь — внешняя письменная речь» у Л. С. Выготского, однако не сводится к ним. Тем не менее некоторые синтаксические особенности разговорной речи в спонтанном поэтическом синтаксисе проступают достаточно ярко. Так, следующие примеры спонтанного синтагматического синтаксиса демонстрируют свойственные разговорной речи «неоднородное» заполнение валентности при речемыслительном предикате и использование присоединительной метаязыковой конструкции:

- (31) *Лучше я тебе напишу,
Как войти в соседнюю дверь,
Направить солнце на револьвер,
И что случится в твоей голове,
Когда увидишь в рыжей траве
Окна и двери такой красоты,
Глаза из олова и слюды...* (Н. Звягинцев);
- (32) *Знает ли кошка, что будет зима
С точкой на середине круга,*

*Про фиолетовые закрома,
Про её чёрно-белые руки.*

*Что мышинная наша возня,
Шар, живущий в оконной раме,
Через неё и через меня
С подмосковными номерами,
Что, забыв посчитать до ста,
Стоит весёлая, штыковая
Венецианская пустота
Или как её называют* (Н. Звягинцев).

Важно отметить, что разговорность синтаксиса служит здесь характеристикой не речи дистанцированного от автора лирического субъекта, а непосредственно авторской речи.

«Выработанный» синтаксис часто проявляет себя как стилизация под иные функциональные разновидности языка (в англоязычной терминологии — registers). Дискуссия о степени обособленности поэтического языка от других «регистров» закономерно завершилась в мировой лингвистике и стилистике второй половины XX века признанием того, что в отличие от предшествующих периодов в двадцатом столетии «there is no such thing as a literary register, a code of accepted usage, in literature» [33: 12] и художественный текст, в том числе поэтический, потенциально способен принимать характеристики любого языкового «регистра», хотя, безусловно, некоторые лингвистические особенности являются более «художественными», чем другие. Эту способность художественного текста, терминологически обозначаемую как re-registration, Р. Картер и У. Нэш позиционировали как его сущностное свойство: «...The notion of re-registration means that no single word or stylistic feature or register will be barred from admission to a literary context. <...> Re-registration recognizes that the full unrestricted resources of the language are open to exploitation for literary ends» [31: 38–39].

Общность между поэтическим синтаксисом и синтаксисом других функциональных сфер языка выражается не только тем, что эти «синтаксисы» черпают ресурсы из одной и той же языковой системы. Современный поэтический синтаксис весьма чувствителен к особенностям различных стилей, регистров, жанров, внешних по отношению к нему, готов из них заимствовать, ими обогащаться, под них мимикрировать, их инкор-

порировать. Стихотворение может быть собрано из готовых клишированных фраз, лексически переполненных и поэтически переосмысленных (33), содержать врезку из непоэтического жанра («Радиобред» Г. Сапгира) или же существенно деформировать заимствованный формат, оставляя ему лишь отдельные синтаксические маркеры и/или жанровую этикетку в названии или подзаголовке, намекающую читателю на необходимость соотнесения двух наборов презумпций — поэтического и внепоэтического («Только плохие новости» Т. Бонч-Осмоловской, «Ткань (докторская диссертация)» Л. Лосева).

- (33) *Обожаемые пассажиры!
Поезд следует до остановки.
Будьте наивно вежливы!
Уступайте места индивидам,
неживым людям
и временным женщинам!
Выходя из вагона,
не забывайте свои мощи!* (В. Агол).

Использование (элементов) синтаксической композиции других жанров, например жанров «домашних советов» и «кулинарного рецепта» в стихотворении Т. Бонч-Осмоловской «Только плохие новости», служит лишь намеком, подсказывающим «правила игры»:

- (34) *искусство составления списка
блюد к праздничному столу
или для семейного ужина
включает многие навыки
приобретаемые многолетней практикой
на прочной основе важнейших
жизненных принципов*
- обучение ведению домашнего хозяйства
продолжается несколько лет
посвященных теории кулинарного дела
заучиванию наизусть
формул оригинальных рецептов
произведений лучших классических и
современных писателей
разговорам с благородными собеседниками*
- <...>
- при составлении рецептов следует учитывать
расположение светила над горизонтом
во время жатвы
качество поленьев в печи
газа в духовке марку автомобиля
на котором были доставлены в город*

молоко масло и яйца

*для приготовления мясных блюд
проследите животное от рождения
до появления на вашем столе
способы его кормления
способ каким оно было убито
узнайте положение суставов
связок и мышц внутренних органов
чтобы вы могли разрубить и разрезать
мясо копытных птицы и дичи*

*осторожнее с сыром
он опасен для путешественников
зайца замените ягнёнком
обитателей стоячей воды
лишите наружных покровов
и ядовитых хвостов
когда испечете пирог
уложите в серебряную коробку
и укройте бумагой
проследите чтобы дети
не отгрызли уголки от печенья
это ломает заведенный порядок*
(Т. Бонч-Осмоловская).

Автор подобного стихотворения как бы вступает в дискуссию с традиционным грамматическим представлением о производимости предложения и текста и воспроизводимости слова. Текст и его предложения выглядят воспроизводимыми (воспроизведенными), поскольку они строятся из «готовых», узнаваемых читателем синтагм типа *обучение ведению домашнего хозяйства, теория кулинарного дела, расположение светила над горизонтом, приготовление мясных блюд* (здесь велика роль отглагольных и других признаков существительных, именных цепочек с Родит. пад., описательных и других терминологических номинаций) по предустановленной схеме. Кажущиеся отклонения от схемы, нарушения *заведенного порядка*, как, например, упоминание в кулинарном рецепте необходимости *проследить животное от рождения до появления на вашем столе* или включение в обучение ведению домашнего хозяйства заучивания наизусть *произведений лучших классических и современных писателей и разговоров с благородными собеседниками*, только подчеркивают всепоглощающий характер схемы, легко втягивающей в себя, подстраивающей под себя все, что находится за ее пределами.

Наиболее легко абсорбируется современным поэтическим дискурсом и в то же время обладает наибольшей способностью подстраивать под себя мир жанр списка, перечня. Рассуждая о популярности этого формата в постмодернистской парадигме, В. Курицын цитирует высказывание Д. И. Хармса: «Любой ряд предметов, нарушающий связь их рабочих значений, сохраняет связь значений сущих... Такого рода ряд есть ряд нечеловеческий и есть мысль предметного мира» [11; 24]. Приводимый в подтверждение список «того, что меня интересует» из дневника Д. Хармса демонстрирует, однако, что предмет в данном случае понимается широко: в него входят как «палки-трости» и «маленькие длинношерстные собаки», так и «чистота и грязь» и «подавание блюд к столу», т. е. как собственно предметные, так и признаковые имена. Перечень, составляемый современным поэтом, может далеко уходить от предметности и превращаться даже в перечень жанров:

- (35) 1. ...вот направление в кино,
2. анкета за пальто,
3. меню театра (там давно
дают совсем не то:
там в основном идет вода,
парад
или развод;
покажут деньги иногда,
не чаще раза в год),
4. рецепт на поезд и постель,
5. приказ, что мне семь лет,
6. указ на блюдо для гостей, (?)
7. вот проездной на хлеб,
8. рекомендация за свет,
за телефон и газ... (В. Строчков).

В стихотворении В. Строчкова «Внутренняя опись» из 16 пунктов с подпунктами тривиальные непоэтические жанры парадоксально переосмысливаются не только посредством лексической сочетаемости (*меню театра... рецепт на поезд и постель*), но и синтаксической (*указ на блюдо для гостей... рекомендация за свет, за газ и телефон*).

Займствование синтаксических форм построения текста может быть и диахроническим — см. нарочито архаически стилизованный синтаксис М. Амелина:

- (36) *Пока тебя волна шальная, Ладья, послушай!*
в открытое бесследно море не унесла,

*прижмись ко пристани, с отрадной расстаться сушей
не торопись. Ни одного на бортах весла
нет у тебя, — ты что, не видишь? Ветра лихие
тебе переломили мачту напополам;
трещат и стонут реи. Бурной твой киль стихии
противоборствовать порывам не в силах сам,
без помощи канатов. Цела и невредима,
ни паруса тебе; нет Бога, кому хвала
валами пенными напасти проносит мимо*

(М. Амелин, «Холодные оды»).

Разумеется, подобная стилизация работает только для читателя, сформировавшегося в жанровой системе того или иного языка и знакомого с грамматическими средствами построения текстов разных жанров, то есть опять же опирается на систему ожиданий и презумпций, и элементы **системы**, попав в иную **среду**, переосмысливаются.

Осталось ответить на один вопрос: насколько осознаются рассмотренные синтаксические техники и приемы линейизации поэтического высказывания самими авторами? Приведенные высказывания А. Уланова, Г. Сапгира, А. Скидана — и подобные можно найти у многих современных поэтов — свидетельствуют о том, что эти явления служат предметом рефлексии. Такая рефлексия не ограничивается критическими статьями, интервью и подобными непоэтическими жанрами. Со свойственной лирической поэзии конденсацией смысла основные наблюдения, содержащиеся в настоящей статье, выражены в тексте Н. Сафонова из цикла «Техника упрощения»:

- (37) *словно бы река не имела дна
иметь подобную смелость. Нарушить предложение,
законченное не словами, расшевелить строй согласных
среди голых площадок из струганого дерева, рядов деревьев и
цельных кусков мокрого песка: соударяющиеся перечисления,
словно уже не река, а предложение о реке не имеет дна
(когда камень падает вниз или дождь).*

Действительно, строй предложения нарушается, высказывание заканчивается не словами, а слова — не флексиями, «расшевеленные» согласные мигрируют из одной лексемы в другую, в пустоте (*голые площадки*) межсловных пробелов толпятся дефисы и другие заполняющие ее «материальные объекты», выработанность (*обструганность*) синтаксиса чередуется с живыми

словесными рядами, *цельные куски* складываются из рассыпающегося (*мокрого песка*), в синтагматическом синтаксисе в пределах одного предложения «соударяются» однородные и не очень перечислительные ряды... Результатом подобной синтаксической смелости является, с одной стороны, бесконечное (*без-донное*) углубление смысла, с другой — изменение формы контакта между объектом, взятом в его текучести (*река*), и предложением об объекте. Это концептуальное изменение можно объяснить, сопоставляя две пары текстов «об одном и том же», один из которых — поэтический, другой — нет. Г. Иванов писал по поводу стихотворения И. Ф. Анненского «Идеал» (38): «Это библиотечная зала, посетители которой уже реддеют в сумеречный час, когда зажигаются, тупо вспыхивая, газовые лампы, между тем как самые прилежные ревнители и ремесленники „Идеала“ трудолюбиво остаются за своими столами. Простой смысл этого стихотворения, разгадка его ребуса (а ребус он потому, что вся жизнь — „постылый ребус“) — публичная библиотека... — новая загадка, прозреваемая в разгаданном, — загадка разорванности идеала и воплощения и невозможности найти смысл (суть) вещей в самих вещах... в одних только отражениях духа... в пыльных фолиантах...»

(38) *Тупые звуки вспыхек газа
Над мертвой яркостью голов,
И скуки черная зараза
От покидаемых столов,
И там, среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,
Решать на выцветших страницах
Постылый ребус бытия* (И. Анненский).

В данном случае текст Иванова есть «перевод» текста Анненского с поэтического языка на внепоэтический, разъяснение того, «что хотел сказать автор», какие объекты читатель должен увидеть за строчками «ребуса». Если же сопоставить пример (37) со следующим за ним абзацем статьи, то можно, пожалуй, говорить о том, что именно текст Сафонова является «переводом» изначально внепоэтических смыслов в поэтическое высказывание, попыткой увидеть за предложениями естественного языка объекты, вытекающие из их структуры, — переводом, который

принципиально необходим современной поэзии для интерпретации мира и самоинтерпретации и который нуждается в синтаксисе, *оставляющем предметность здесь растворяться, в этой словесности* (Н. Сафонов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. К проблеме связности прозаического текста // Памяти В. В. Виноградова. М., 1971. С. 22–30.
2. Арутюнова Н. Д. Связка и связность // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 481–488.
3. Бюттор М. Роман как исследование. М., 2000.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1999.
5. Гаспаров М. Л. Первочтение и перечтение. К тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи // Гаспаров М. Л. Избр. тр. Т. 2. М., 1997.
6. Гин Я. И. К вопросу о построении поэтики грамматических категорий // Вопр. языкознания. 1991. № 2. С. 103–110.
7. Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности // Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Л., 1987. С. 4–57.
8. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
9. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М., 2010.
10. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
11. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М., 2000.
12. Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи // Русская словесность. М., 1997.
13. Левин Ю. И. Избр. тр. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
14. Новиков В. И. Будетлянка и архаист. Две поэзии двадцать первого века // Новый мир. 2011. № 11. С. 169–177.
15. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С. 418–433.
16. Ревзина О. Г. Из лингвистической поэтики (деепричастия в поэтическом языке Марины Цветаевой) // Проблемы структурной лингвистики — 1981. М., 1983.
17. Ревзина О. Г. К построению лингвистической теории языка художественной литературы // Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики. М., 1981. С. 107–132.
18. Ревзина О. Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. М., 1990. С. 27–46.
19. Ревзина О. Г. Парадокс поэтического анализа // Вестн. Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 2. С. 147–151.
20. Сидорова М. Ю., Лингарт А. А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть I) // Филология и человек. 2018. № 3. С. 21–38.
21. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М., 2001.
22. Томашевский Б. В. Поэтика. М., 1996.

23. Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. М., 1965.
24. Хармс Д. Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее. Исторический альманах. 11. М.; СПб., 1992. С. 417–583.
25. Шапир М. И. «Versus» vs «Prosa»: пространство-время поэтического текста // Philologica. 1995. № 2. С. 7–47.
26. Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 2. М., 2015.
27. Шкловский В. Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1961.
28. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004.
29. Beaugrande R., Dressler W. U. Introduction to Text Linguistics. London, 1981.
30. Carter R. Language and Literature: An introductory reader in stylistics. London, 1995.
31. Carter R., Nash W. Seeing through Language: A Guide to Styles of English Writing. Oxford, 1990.
32. Champigny R. For and Against Genre Labels // Poetics. 1981. Vol. 10 (2–3). P. 145–174.
33. Leech G. N. A Linguistic Guide to English Poetry. London, 1969.

REFERENCES

1. Arutiunova N. D. (1971) K probleme svyaznosti prozaicheskogo teksta [On the problem of connectivity of prose text]. In: *Pamiati V. V. Vinogradova [In Memory of V. V. Vinogradov]*. Moscow, pp. 22–30. (in Russian)
2. Arutiunova N. D. (1998) Svyazka i svyaznost' [Copula and connectivity]. In: Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka [Language and human world]*. Moscow, pp. 481–488. (in Russian)
3. Biutor M. (2000) *Roman kak issledovanie [Novel as a study]*. Moscow. (in Russian)
4. Vygotkii L. S. (1999) *Myshlenie i rech' [Thinking and speaking]*. Moscow. (in Russian)
5. Gasparov M. L. (1997) Pervochtenie i perechтение. K tynyanovskomu poniatiiu suksessivnosti stikhotvornoi rechi [First reading and rereading. On the Tynyanov's concept of poetic speech successivity]. In: Gasparov M. L. *Izbrannye trudy [Selected works]*, vol. 2. Moscow. (in Russian)
6. Gin Ia. I. (1991) K voprosu o postroenii poetiki grammaticheskikh kategorii [On the construction of the grammatical categories poetics]. *Voprosy iazykoznanii [Topics in the study of language]*, no. 2, pp. 103–110. (in Russian)
7. Ginzburg L. Ia. (1987) Literatura v poiskakh real'nosti [Literature in search of reality]. In: Ginzburg L. Ia. *Literatura v poiskakh real'nosti [Literature in search of reality]*. Leningrad, pp. 4–57. (in Russian)
8. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. (2004) *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka [Communicative grammar of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)
9. Zubova L. V. (2010) *Iazyki sovremennoi poezii [Languages of modern poetry]*. Moscow. (in Russian)
10. Kovtunova I. I. (1986) *Poeticheskii sintaksis [Poetic syntax]*. Moscow. (in Russian)
11. Kuritsyn V. (2000) *Russkii literaturnyi postmodernizm [Russian literary postmodernism]*. Moscow. (in Russian)
12. Larin B. A. (1997) O raznovidnostiakh khudozhestvennoi rechi [On varieties of artistic speech]. In: *Russkaiia slovesnost' [Russian philology]*. Moscow. (in Russian)
13. Levin Iu. I. (1998) *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika [Selected works. Poetics. Semiotics]*. Moscow. (in Russian)
14. Novikov V. I. (2011) Budetlianka i arkhait. Dve poezii dvadtsat' pervogo veka [Budetlianka and archaist. Two poems of the twenty-first century]. *Novyi mir [New world]*, no. 11, pp. 169–177. (in Russian)
15. Revzina O. G. (2002) Zagadki poeticheskogo teksta [Riddles of the poetic text]. In: *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta [Communicative-semantic parameters of grammar and text]*. Moscow, pp. 418–433. (in Russian)
16. Revzina O. G. (1983) Iz lingvisticheskoi poetiki (deeprichastia v poeticheskom iazyke Mariny Tsvetaevoi) [From linguistic poetics (adverbial participle in the poetic language of Marina Tsvetaeva)]. In: *Problemy strukturalnoi lingvistiki — 1981 [Problems of structural linguistics — 1981]*. Moscow. (in Russian)
17. Revzina O. G. (1981) K postroeniiu lingvisticheskoi teorii iazyka khudozhestvennoi literatury [On the construction of the linguistic theory of the language of fiction]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty vychislitel'noi lingvistiki [Theoretical and applied aspects of computational linguistics]*. Moscow, pp. 107–132. (in Russian)
18. Revzina O. G. (1990) Ot stikhotvornoi rechi k poeticheskomu idiolektu [From poetic speech to poetic idiolect]. In: *Ocherki istorii iazyka russkoi poezii XX veka. Poeticheskii iazyk i idiosil'. Obshchie voprosy. Zvukovaia organizatsiia teksta [Essays on the history of Russian poetry of the 20th century. Poetic language and author's style. General issue. Sound organization of the text]*. Moscow, pp. 27–46. (in Russian)
19. Revzina O. G. (1995) Paradoks poeticheskogo analiza [The paradox of poetic analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]*. Series 9. Philology, no. 2, pp. 147–151. (in Russian)
20. Sidorova M. Iu., Lipgart A. A. (2018) Grammatika sovremennoi russkoi poezii: sub'ektnaia perspektiva, predikativnye kategorii, modusnye ramki (chast' I) [Grammar of modern Russian poetry: subject perspective, predicative categories, modus framework (part I)]. *Filologia i chelovek [Philology and a man]*, no. 3, pp. 21–38. (in Russian)
21. Sidorova M. Iu. (2001) *Grammatika khudozhestvennogo teksta [Grammar of the literary text]*. Moscow. (in Russian)
22. Tomashevskii B. V. (1996) *Poetika [Poetics]*. Moscow. (in Russian)
23. Tynianov Iu. N. (1965) *Problemy stikhotvornogo iazyka [Problems of poetic language]*. Moscow. (in Russian)
24. Kharms D. (1992) Dnevnikovye zapisi Daniila Kharmasa [Diary entries of Daniel Kharms]. In: *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh. 11 [Past. Historical almanac. 11]*. Moscow; St. Petersburg, pp. 417–583. (in Russian)
25. Shapir M. I. (1995) «Versus» vs «Prosa»: prostranstvo-vremia poeticheskogo teksta [“Versus” vs “Prosa”: space-and-time of the poetic text]. *Philologica*, no. 2, pp. 7–47. (in Russian)
26. Shapir M. I. (2015) *Universum versus: iazyk — stikh — smysl v russkoi poezii XVIII–XX vekov [Universum versus: language — verse — meaning in the Russian poetry of 18th to 20th centuries]*, book 2. Moscow. (in Russian)
27. Shklovskii V. (1961) *Khudozhestvennaia proza. Razmyshleniia i razbory [Fiction. Reflections and analysis]*. Moscow. (in Russian)
28. Eko U. (2004) *Otkrytoe proizvedenie: Forma i neopredelenost' v sovremennoi poetike [The open work: Form and uncertainty in modern poetics]*. St. Petersburg. (in Russian)
29. Beaugrande R., Dressler W. U. (1981) *Introduction to Text Linguistics*. London. (in English)
30. Carter R. (1995) *Language and Literature: An introductory reader in stylistics*. London. (in English)
31. Carter R., Nash W. (1990) *Seeing through Language: A Guide to Styles of English Writing*. Oxford. (in English)
32. Champigny R. (1981) For and Against Genre Labels. *Poetics*, vol. 10 (2–3), pp. 145–174. (in English)
33. Leech G. N. (1969) *A Linguistic Guide to English Poetry*. London. (in English)

[хроника]

III ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ РУССКОГО ЯЗЫКА...

(Начало на с. 4, 26)

ной политики Российской Федерации в области русского языка.

Студенческий форум показал не только диапазон филолого-просветительских идей будущих ученых, заинтересованность молодых исследователей в активной работе по разработке федеральных, областных и вузовских программ по русскому языку, но и продемонстрировал высокий уровень научного творчества студентов, их креативные способности, командный дух.

Надеемся, что представленные на форуме проекты будут полезны прежде всего в практической деятельности современных молодежных объединений, пропагандирующих гуманистические ценности, одной из которых является русский язык как уникальный инструмент

межкультурной коммуникации, охранитель исторических традиций. Его созидательный пафос и находился в центре внимания участников форума, заявивших о приоритетах самой древней и жизнеспособной науки, переступившей порог XXI века и сохранившей свое нравственное лицо, могучую силу, красоту и обаяние духа слова, — филологии.

По итогам форума планируется издание студенческих работ и проектов конкурсантов, а также научно-просветительских статей экспертов по проблеме русского языка.

О. В. Никитин,

д-р филол. наук, проф. Московского гос. обл. ун-та,
эксперт III Всероссийского форума русского языка,
посвященного наследию академика И. И. Срезневского

Е Сянлинь

СМЕХ В ЭМОТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ДОВЛАТОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ «ЧЕМОДАН»)

YEH HSIANG-LIN

LAUGH IN THE EMOTIONAL SPACE OF SERGEY DOVLATOV'S STORIES:
ON THE MATERIAL OF THE CYCLE OF STORIES "THE SUITCASE"

В статье рассматриваются особенности смеха в произведении С. Довлатова «Чемодан». Выделяются семь типов смеха как составляющие эмотивного пространства текста, выполняющие в рассказах С. Довлатова разные функции и используемые автором для представления образов персонажей и взаимоотношений между ними.

Ключевые слова: эмоция; смех; внешнее выражение эмоции; художественное пространство; С. Довлатов.

The article focuses on the specificity of laugh in Sergey Dovlatov's story "The Suitcase". The author offers to classify laugh into seven types, as the components of the literary emotional space, which carry out various functions in representing the images of the characters of Dovlatov's short stories, and their relationships.

Keywords: emotion; laugh; expression of emotion; literary space; Dovlatov.

Е Сянлинь

Кандидат филологических наук,
доцент факультета славистики

Государственный
университет Чжэнчжи

р-н Вэньшань, ул. Чжинань,
2-я секция, д. 64,
г. Тайбэй, 11605, Тайвань

► verayeh@nccu.edu.tw

Yeh Hsiang-lin

National Chengchi University
№ 64, Sec. 2, ZhiNan Rd., Wenshan District,
Taipei City, 11605, Taiwan

Сергей Донатович Довлатов (1941–1990) является одним из наиболее интересных русских писателей второй половины XX века, особенно с точки зрения остроты его языка и тонкости юмора, отражающихся в описании событий, персонажей, их взаимоотношений, действий и отношения к окружающему миру. С. Довлатов как феномен рассматривается в работах мемуарно-биографического характера [5; 13; и др.]. В своей книге «Довлатов и окрестности. Филологический роман» А. Генис справедливо пишет о довлатовском стиле: «В прозе Сергей создал собственную благородно сдержанную манеру, скрытно контрастирующую с безалаберным, ущербным, но безмерно обаятельным авторским персонажем» [5: 9]. Существующие филологические исследования произведений С. Довлатова [7; 9; 10; 11; 14; 15; и др.] показывают продолжительный интерес исследователей к разным аспектам языка и творчества писателя.

Материалом для анализа в настоящей работе послужил цикл юмористических рассказов «Чемодан», выпущенный в 1986 году, спустя 8 лет после эмиграции писателя с семьей в США. Эти рассказы насыщены описаниями внешнего выражения эмоций героев в разных ситуациях. Анализ материала показывает, что наиболее частотные группы — проявление эмоций в речи (*жаловаться, ссориться, поссориться, похвалить, хамить, удивиться, возмущаться, повторять от страха, сухо выговорить*), в выражении лица (*хмуриться, нахмуриться, нахмурить брови, приподнимать брови*), в слезах и плаче (*рыдать, зарыдать, плакать, расплакаться*), в смехе, иронии, язвительности (*смех, смеяться,*

засмеяться, рассмеяться, посмеиваться, улыбка, улыбаться, улыбнуться, хохот, хохотать, захохотать, шутить, пошутить)¹.

В настоящей работе главное внимание уделяется описанию смеха и улыбки как способов передачи настроения в произведении писателя — одного из наиболее активно функционирующих в тексте Довлатова классов слов.

Смех рассматривается как одна из составляющих эмотивного пространства текста Довлатова. Как отмечает Л. Г. Бабенко, в художественном тексте «сосуществуют различные эмотивные смыслы, что порождает богатство эмотивного содержания текста, его эмоциональное многоголосие, полифонизм эмоциональных тонов, отражающих сложную картину мира чувств, создаваемого автором» [2: 250]. В описании внешнего выражения эмоций у героев отражается и авторское восприятие мира. «Текстовые эмотивные смыслы не только передают представление автора о мире чувств человека, но и выражают отношение автора к этому миру, оценивают его с позиций автора» [Там же: 250–251].

В существующей научной литературе приводятся философские рассуждения о смехе и комическом [3; 4], описаны типология и функции смеха [8; 12]. Рассматривая типы смеха и его лексические показатели в произведениях Ф. М. Достоевского, Ю. Н. Караулов и Е. Л. Гинзбург пишут, что смех «должен предстать как своеобразный персонаж, особое действующее лицо, выступающее на страницах произведения в разных обличьях» [6: 160]. В их работе были выделены шесть типов смеха у Ф. М. Достоевского — смех как звучание, смех неверия, смех детский, комический, издевательский, патологический.

Как отмечает Н. А. Орлова, улыбки (смех) в текстах С. Довлатова имеют как интегральные (жест радости), так и дифференциальные признаки, «так как способны передавать широкий спектр положительных, отрицательных и нейтральных эмоциональных состояний людей (персонажей)» [10: 13].

В результате анализа в настоящем исследовании были выделены следующие типы смеха в анализируемом цикле рассказов Довлатова.

1. Улыбка как знак дружеского отношения:

- (1) — Я же не говорю по-фински // — Это неважно. Главное — улыбайся. Я бы сам поехал, но меня тут знают... (КФН);
- (2) Они подняли фужеры и улыбнулись — второй раз за целый день (КФН);
- (3) Я вежливо приподнялся. Майор, без улыбки, кивнул. Видимо, его угнетало несовершенство окружающего мира (ПДК).

В описываемых ситуациях улыбка выполняет коммуникативную функцию, заменяет речь и выражает дружеское отношение к людям, а ее отсутствие при общении с людьми, наоборот, говорит об отчуждении героя во взаимоотношениях с ними.

2. Улыбка как знак согласия:

- (4) Рымарь снисходительно улыбнулся, давая понять, что одобряет названную кандидатуру (КФН).

Как знак согласия улыбка также выполняет коммуникативную функцию и заменяет высказывание. Глагол *улыбнуться* сопровождается наречием *снисходительно*, описывающим отношение героя к высказанному собеседником и служащим в данном примере эмотивной конкретизацией.

3. Смех ситуативный, вызванный комической ситуацией:

- (5) Ленин был изображен в знакомой позе — туриста, голосующего на шоссе. Правая его рука указывала дороге в будущее. Левую он держал в кармане распахнутого пальто. // Музыка стихла. В наступившей тишине кто-то засмеялся. Через минуту хохотала вся площадь. // Лишь один человек не смеялся. Это был ленинградский скульптор Виктор Дрыжаков. Выражение ужаса на его лице постепенно сменилось гримасой равнодушия и безысходности. // Что же произошло? Несчастный скульптор изваял две кепки. Одна покрывала голову вождя. Другую Ленин сжимал в кулаке (НП).

В данном фрагменте описывается случай, парадоксальность которого вызывает заразительный смех в толпе людей. Смех у этих людей контрастирует с отсутствием смеха у скульптора, что подчеркивает противоположность их эмоциональных состояний и выражает ироническое отношение к тому, что было описано в предшествующем контексте: «Заказы такого рода [памятников Ленину] — неистощимы. Опытный скульптор мо-

жет вылепить Ленина вслепую. То есть с завязанными глазами». Описание данного случая, рассчитанное на создание комического эффекта, вызывает также *затекстовый смех*, т. е. смех читателя.

Смех, обусловленный ситуативностью, событийностью, наблюдается также в следующих контекстах:

- (6) — *Хорошо бы, — говорю, — удостовериться, что монумент не рухнул. // — Если рухнет, — сказал Лихачев, — то мы и в пивной услышим. // Цытин добавил: // — Хохоту будет... (НП);*
- (7) *Стоило моему брату произнести любую глупость, как женщины начинали визгливо хохотать. Например, он сказал, закусывая кабачковой икрой: // — По-моему, эта икра уже была съедена. // И все захохотали (ЗШ).*

Эмоциональное впечатление от смеха в приведенных контекстах усиливается благодаря следующей схеме его описания: **авторский комментарий — реплика персонажа — авторский комментарий**. В комментарии того, как женщины хохочут над услышанной комичной фразой, употребляется наречие *визгливо*, конкретизирующее эмотивный глагол *хохотать*, после чего приводится комичная фраза героя, которая повторно комментируется.

В следующих контекстах также описываются реакции героев на комические ситуации или высказывания. В примере (8) герой смеется над своим рассказом об абсурдном сюжете нового фильма, который он собирался снимать, а в примере (9) — над ответом детей, которые на новогодней елке приняли Деда Мороза за Ленина:

- (8) *Шлиппенбах захохотал так, что разлетелись бумажные салфетки (ШП);*
- (9) — *Здравствуйте, дорогие ребята! Вы меня узнаете? // — Ленин! Ленин! — крикнули из первых рядов. // Тут я засмеялся, и у меня отклеилась борода... (ШП).*

В приведенных примерах также наблюдается усиление эмоционального впечатления. Интенсивность смеха подчеркивается с помощью образных описаний: *разлетелись бумажные салфетки и у меня отклеилась борода*.

4. Смех как выражение недоверия по отношению к услышанному:

- (10) *Милиц округлил глаза: // — Холидей? Русский умелец — Холидей? Потомок Левши — Холидей?! Ты шутишь!..*

Что мы знаем о его происхождении? Откуда у него такая фамилия? (ПДК).

Подобно фразе *Ты смеешься?*, устойчивое сочетание *Ты шутишь!*, сопровождаемое описанием мимики удивления у говорящего (*округлить глаза*) и повтором в речи фамилии сомнительного, на его взгляд, человека, служит эмоциональной реакцией на услышанное, которое говорящий не воспринимает всерьез или которому он попросту не верит.

5. Смех как объект целеполагания

В высказываниях персонажей С. Довлатова встречается словоформа *для смеха*, указывающая на намеренность и целеполагание поведения. В примере (11) аргументация целеполагания содержится в контексте *пошутить хотел*, а в примере (12) — в сочетании слов *надо бы* с модальностью необходимости. Смех, вследствие этого, изображается в данных примерах как средство создания парадокса, т. е. цель поведения в приведенных контекстах парадоксальна:

- (11) *Чурилин осторожно шагнул в мою сторону: // — Я пошутить хотел... Для смеха... У меня к тебе претензий нет... // — Еще бы, — говорю (ОР);*
- (12) *Так мы и жили — рядом, но каждый в отдельности. Подарками обменивались в редчайших случаях. Иногда я говорил: // — Надо бы для смеха подарить тебе цветы (ПР).*

6. Смех как выражение радости или веселья:

- (13) *Женщины говорили между собой по-фински. Было ясно, что они недовольны. Затем они рассмеялись, и мне стало полегче (КФН).*

В данном фрагменте смех героев показывает их положительное эмоциональное состояние, и высказывания *они рассмеялись, и мне стало полегче* указывают на воздействие такого смеха на собеседника.

7. Улыбка как маска, скрывающая негативные эмоции:

- (14) *Чурилин молча достал пистолет <...>. // Я продолжал успокаивать его: // — Очнись. Приди в себя. А главное — спрячь пистолет. // <...> Чурилин тем временем опустил предохранитель. Я шел к нему, повторяя: // — Ты просто выпил лишнего. // Чурилин стал пятиться. Я все шел к нему, избегая резких движений.*

Повторял от страха что-то бессвязное. Даже, помню, улыбался (ОР).

В состоянии сильного волнения и страха герой неадекватно реагирует на опасное поведение человека с пистолетом. Улыбка в данном случае не соответствует истинному душевному переживанию героя, а является намеренной, с целью успокоить безумного человека.

(15) Далее промелькнули родственники с напряженными искусственными улыбками (ПР).

В примере (15) улыбки родственников на фотографии конкретизируются прилагательными *напряженный, искусственный*, которые служат интерпретацией эмоционального состояния этих людей, обнаруживаемого в выражениях их лиц.

Если рассматривать функции всех приведенных типов смеха/улыбки у С. Довлатова, то можно выделить следующие: коммуникативные, комические, оценочные и маскирующие функции. Проведенный анализ показывает, что наиболее активно проявляющимися дифференциальными признаками смеха/улыбки в текстах писателя являются их комические и коммуникативные функции, реализующиеся при описании смеха как реакции на комические и парадоксальные ситуации, а также психологические функции как показатели дружеского отношения, знака согласия и выражения радости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В группировке используется выделение функционально-семантических классов слов и денотативных классов эмоций, по Л. Г. Бабенко [1].

² Здесь и далее в круглых скобках указываются следующие сокращенные названия произведений С. Довлатова (цит. по изданию: Довлатов С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2 / Сост. А. Арьев. СПб., 1993):

КФН — «Креповые финские носки»;

НП — «Номенклатурные полуботинки»;

ПДК — «Приличный двубортный костюм»;

ОР — «Офицерский ремень»;

ПР — «Поплиновая рубашка»;

ЗШ — «Зимняя шапка»;

ШП — «Шоферские перчатки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

2. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учеб. для вузов. М.; Екатеринбург, 2004.

3. Бергсон А. Смех. М., 1992.

4. Боров Ю. Б. Комическое. Или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М., 1970.

5. Генис А. Довлатов и окрестность. Филологический роман. М., 2016.

6. Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Homo ridens // Слово Достоевского: Сб. статей / Ред. Ю. Н. Караулов. М., 1996. С. 160–186.

7. Корюкина Н. В. Комическое в художественном тексте и его межкультурная транслируемость (на матер. произведений М. Зошенко и С. Довлатова и их англоязычных переводов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

8. Кошелев А. Д. О природе комического и функции смеха // Язык и движение. К 70-летию Л. П. Крыгина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М., 2007. С. 277–326.

9. Матвейкина Ю. И. Местоимения в языке современной прозы: функциональный аспект (на матер. произв. В. О. Пелевина и С. Д. Довлатова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

10. Орлова Н. А. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: Семиотические механизмы и фольклорная парадигма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010.

11. Самыгина Л. В. Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013.

12. Склеинис Г. А. Типология смеха в русской литературе (к постановке вопроса) // Альманах современной науки и образования. 2014. № 12 (90). С. 107–109.

13. Соловьев В., Клепикова Е. Путешествие из Петербурга в Нью-Йорк. Шесть персонажей в поисках автора: Барышников, Бродский, Довлатов, Шемякин и Соловьев с Клепиковой. М., 2016.

14. Хлупина М. А. Особенности языковой личности С. Д. Довлатова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

15. Шацкая М. Ф. Полипропозитивность как отражение сложной картины мира языковой личности С. Довлатова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2008 г., Челябинск. Т. 2 / Отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск, 2008. С. 382–386.

REFERENCES

- Babenco L. G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniiia ehmotcii v russkom iazyke [Lexical Means of Denoting Emotions in the Russian Language]*. Sverdlovsk. (in Russian)
- Babenco L. G. (2004) *Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza [Philological analysis of the text. Fundamentals of the theory, principles and aspects of analysis]*. Moscow; Yekaterinburg. (in Russian)
- Bergson A. (1992) *Smekh [Laughter]*. Moscow. (in Russian)
- Borev Iu. B. (1970) *Komicheskoe. Ili o tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovliaet cheloveka i utverzhaet radost' bytiia [Comic. Or How Laughter Executes the Imperfection of the World, Cleanses and Renews Man and Affirms the Joy of Being]*. Moscow. (in Russian)
- Genis A. (2016) *Dovlatov i okrestnost'. Filologicheskii roman [Dovlatov and the Surroundings. Philological Novel]*. Moscow. (in Russian)
- Karaulov Iu. N., Ginzburg E. L. (1996) Homo ridens. In: Karaulov Yu. N., ed. *Slovo Dostoevskogo: Sbornik statei [The Word of Dostoevsky: Collection of Articles]*. Moscow, pp. 160–186. (in Russian)

7. Koriukina N. V. (2008) *Komiceskoe v hudozhestvennom tekste i ego mezkul'turnaya transliruemost' (na materiale proizvedenii M. Zoshchenko i S. Dovlatova i ih angloiazychnyh perevodov) [Comical Things in the Literary Text and its Intercultural Translatability (On the Basis of the Works of M. Zoshchenko and S. Dovlatov and their English Translations)]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg. (in Russian)

8. Koshelev A. D. (2007) *O prirode komicheskogo i funktsii smekha [On the Nature of the Comical Things and the Function of Laughter]*. In: Zemskaya E. A., Kalenchuk M. L., eds. *Iazyk i dvizhenie. K 70-letiiu L. P. Krysinina [Language and Movement. To the 70th Birthday of L. P. Krysin]*. Moscow, pp. 277–326. (in Russian)

9. Matveikina Iu. I. (2011) *Mestoimeniia v iazyke sovremennoi prozy: funktsional'nyi aspekt (na materiale proizvedenii V. O. Pelevina i S. D. Dovlatova) [Pronouns in the Language of Modern Prose: Functional Aspect (On the Basis on the Works of V. O. Pelevin and S. D. Dovlatov)]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), St. Petersburg State University, St. Petersburg. (in Russian)

10. Orlova N. A. (2010) *Poetika komicheskogo v proze S. Dovlatova: Semioticheskie mekhanizmy i fol'klornaia paradigma [Poetics of the Comical Things in the Prose of S. Dovlatov: Semiotic Mechanisms and Folkloric Paradigm]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Adyge State University, Maykop. (in Russian)

11. Samygina L. V. (2013) *Ironiia kak metatekstovyi fenomen v rasskazah S. Dovlatova [Irony as a Metatext Phenomenon in the Stories of S. Dovlatov]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), South Federal University, Rostov-na-Donu. (in Russian)

12. Kleinis G. A. (2014) *Tipologiiia smekha v russkoi literature (k postanovke voprosa) [Typology of Laughter in Russian Literature (a Formulation of the Question)]*. In: *Al'manah sovremennoi nauki i obrazovaniia [Almanac of Modern Science and Education]*. Tambov, pp. 107–109. (in Russian)

13. Solov'ev V., Klepikova E. (2016) *Puteshestvie iz Peterburga v N'iu-Iork. Shest' personazhej v poiskah avtora: Baryshnikov, Brodskii, Dovlatov, Shemiakin i Solov'ev s Klepikovo [A Trip from St. Petersburg to New York. Six Characters in Search of the Author: Baryshnikov, Brodsky, Dovlatov, Shemyakin and Soloviev with Klepikova]*. Moscow. (in Russian)

14. Khlupina M. A. (2015) *Osobennosti iazykovoi lichnosti S. D. Dovlatova [Features of the Language Identity of S. D. Dovlatov]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Moscow City Pedagogical University, Moscow. (in Russian)

15. Shatskaia M. F. (2008) *Polipropozitivnost' kak otrazhenie slozhnoi kartiny mira iazykovoi lichnosti S. Dovlatova [Polypropositivity as a Reflection of the Complex Worldview of the Language Personality of S. Dovlatov]*. Proceedings of the IV International Conference "Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh — 2" [Word, Utterance, Text in Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects — 2] (Russia, Chelyabinsk, 25–26.04.2008) (ed. L. A. Nefedova). Chelyabinsk, pp. 382–386. (in Russian)

[хроника]

ДИКТАНТ, ЖИВОЙ КАК ЖИЗНЬ

(Окончание на с. 99)

Многие слышали об акции под названием «Тотальный диктант». Некоторые в ней даже участвовали — писали под диктовку текст, созданный специально для акции известным современным писателем. Тотальный диктант придумали и впервые организовали в 2004 году как студенческое мероприятие на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета. Сегодня это глобальный проект, в котором принимают участие более 200 тысяч человек в десятках стран мира. Проводят его около 20 тысяч волонтеров, проверяют — тысячи филологов.

Штаб, координирующий акцию по всему миру, насчитывает 10 человек. Над филологической частью проекта работает Экспертный совет из 18 филологов. Как Штаб, так и Экспертный совет состоят из представителей разных российских и зарубежных городов. Тотальный диктант проходит раз в год — в одну из суббот апреля, — но работа над проектом идет постоянно.

Благодаря современным средствам коммуникации члены Штаба и Экспертного совета всегда на связи, но все-таки иногда лучше встретиться лично — чтобы подвести итоги прошедшего диктанта, обсудить возникшие проблемы, подумать над тем, как их решить. И конечно, наметить перспективы проекта. В начале февраля все встречаются на родине акции, в Новосибирске, на ежегодной конференции «Динамические процессы в современном русском языке». А летом, каждый год меняя место «дислокации», проходит стратегическая сессия Тотального диктанта.

На сессии рождается и обсуждается множество свежих идей. Они кажутся вначале странными, но затем находят воплощение в интересных событиях, в «точках роста» проекта. Так, три года назад организаторы

Тотального диктанта откликнулись на пожелания зарубежных участников: те сетовали на сложность текста для билингвов, не в полной мере владеющих русским языком, но желающих участвовать в акции. Текст упрощать не стали, но организовали особый проект в рамках Тотального диктанта — тест TruD (Т — «тотальный», гу — «русский», Д — «диктант»). Тест состоит из заданий, связанных с темой диктанта; составляют их специалисты по русскому языку как иностранному. Выполнив задания, участники могут написать короткий отрывок под диктовку, чтобы почувствовать атмосферу акции. TruD оказался востребованным не только среди билингвов за рубежом, но и среди иностранных студентов в России.

Еще одна идея, которую обсуждали на предыдущих стратегических сессиях, — ежегодный выбор столицы Тотального диктанта. Этот статус будет поощрительным призом для тех городов, где диктант проводят наиболее успешно. Осенью 2017 года идею начали претворять в жизнь. Состоялось народное онлайн-голосование, в ходе которого из шестнадцати городов, подавших заявку на конкурс, выбрали пять финалистов: Владивосток, Иркутск, Красноярск, Тюмень и Таллин. В конце января 2018 года представители этих городов презентовали свои проекты в очном туре на конференции в Новосибирске. Первой столицей Тотального диктанта жюри выбрало Владивосток. Здесь, как и предполагалось, 14 апреля 2018 года свой текст прочитала Гузель Яхина. А до этого, весной 2018 года, состоялся автопробег Новосибирск — Владивосток под названием «Тотальное путешествие».

В 2018 году очередная стратегическая сессия Тотального диктанта состоялась в Челябинской области. Экспертный совет поработал над первоначальным вариантом текста диктанта 2019 года. По итогам этой

Н. С. Мовнина

АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ В РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА «ПО ПОВОДУ „КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ“»

NATALIA S. MOVNINA

THE AUTHOR'S STRATEGY IN NIKOLAI LESKOV'S STORY
"CONCERNING 'THE KREUTZER SONATA'"

В статье малая проза Н.С. Лескова рассматривается в свете теории литературного поля П. Бурдьё. Анализируется авторская стратегия в рассказе «По поводу „Крейцеровой сонаты“», которая оказывается субверсивной по отношению к статусу писателя — учителя жизни в русской литературе конца XIX века.

Ключевые слова: история русской литературы; социология литературы; Н. С. Лесков.

The article considers the short prose by N. S. Leskov ("Concerning 'The Kreutzer Sonata'") in light of the theory of the literary field, developed by Pierre Bourdieu, and proves that Leskov's strategy towards the prophetic status of the writer in Russian literary field of the late 19th century tends to be subversive.

Keywords: history of Russian literature; sociology of literature; Nikolai Leskov.

Рассказ Н. С. Лескова «По поводу „Крейцеровой сонаты“» неоднократно привлекал внимание исследователей (см., например: [1; 5; 8]). При этом в центре внимания оказывалась этическая позиция Н. С. Лескова и его полемика со взглядами Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Отсылки к двум главным русским писателям второй половины XIX века действительно имеют здесь первостепенное значение. Напомним, что рассказ был написан в 1890 году, после прочтения Лесковым повести Толстого «Крейцера соната», находившейся под цензурным запретом, но распространявшейся в литографических списках. В его эпиграфе цитируются слова героя толстовской повести Позднышева, не вошедшие в ее последнюю редакцию; при этом первоначальное название рассказа — «Дама с похорон Достоевского». Нам представляется возможным рассмотреть сам рассказ и отношения Лескова с двумя великими писателями в несколько ином исследовательском ракурсе. Мы будем опираться на предложенное французским социологом П. Бурдьё [4] понятие «поле литературы», которое трактует литературу не как систему произведений или иерархию жанров, а как пространство отношений между участниками литературного производства и существующими институциями, в то время как тексты (произведения, манифесты, эстетические программы) понимаются как проявления стратегий тех, кто действует в этом пространстве. В этой перспективе рассказ Лескова представляет особый интерес. Будучи сам манифестацией определенного авторского поведения, авторской стратегии, он одновременно является еще и текстом о знаковом авторском поведении. При этом, как мы постараемся

Наталья Савельевна Мовнина

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории русской литературы

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► n.movnina@spbu.ru

Natalia S. Movnina

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

показать, это текст, где доминантные позиции в литературном поле представлены с позиции конкурирующего автора, а сам сюжет рассказа может быть прочитан как своего рода попытка перераспределения символической ценности.

Напомним сюжет рассказа. После похорон Достоевского к писателю Лескову приходит незнакомка, чтобы просить у него совета. Он должен помочь ей поступить правильно в невыносимой для нее жизненной ситуации. Ситуация эта состоит в том, что она уже давно изменяет мужу и не может освободиться от своей страсти. Как ей поступить? Признаться мужу — таков был совет Достоевского, к которому она обращалась дважды. Теперь она приходит к Лескову, и он дает ей совет противоположный: не открываться мужу, щадить его, сохранить семью и постепенно справиться со своей страстью. Далее Лесков встречает героиню вместе с ее мужем и сыном на водах, где он становится свидетелем трагических событий: сын дамы умирает от дифтерита, а сама она исчезает, при этом предполагают, что она покончила самоубийством (утопилась в болоте, куда был сброшен гроб с телом ее ребенка).

Итак, в завязке рассказа присутствует ситуация обращения к писателю за советом, представляющая его статус в русской культуре: учитель жизни, духовный наставник, нравственный судья, который дает ответы на важные жизненные вопросы, фактически руководит жизнью обычных людей. При этом регулятивная функция литературы изначально соотносится с фигурой Достоевского, изображением похорон которого начинается рассказ. Картина похорон свидетельствует об исключительном статусе Достоевского: теснящаяся у ворот толпа, пытающийся ею руководить с возвышения драматург Аверкиев («Голос был громкий, но разобрать слов было невозможно» (с. 32))*, чья несостоятельная претензия одновременно подразумевает и саму позицию над толпой, позицию писателя-пророка, и некоторое ее «снижение». Последующий визит дамы, которая раньше просила совета у Достоевского, устанавливает эквивалентность Достоевский — Лесков. И хотя эту сцену предваряет изображение Лескова как влиятельного литератора, к которому

нередко приходят просить покровительства пробоющие себя в литературе «девицы и дамы» (с. 32–33), такое «уравнивание» могло быть по меньшей мере рискованным, поскольку в читательском восприятии Лесков был бесспорно не столь значительной фигурой.

Выступление в роли писателя-учителя и пророка связано с конституированием некоего собственного «отличия» Лескова по сравнению с наиболее значимыми символическими фигурами — Достоевским и Толстым. Это «отличие» обнаруживает себя прежде всего в том, как выстроен в рассказе авторский образ. Лесков представляет себя на страницах в окружении атрибутов бытовой жизни: был нездоров, замерз, устал, заснул, остался без обеда из-за прихода посетительницы; изображена домашняя обстановка: кабинет, стол, лампа с зеленым абажуром и т. д. Но в рассказе вся эта «правда» повседневности — не просто отсылка к репутации Лескова как бытописателя. В разговоре с дамой Лесков замечает, что именно бытовая обстановка, повседневные вещи создают связи между людьми: «Вот, — сказал я, — стакан чаю, самовар и домашняя лампа — это прекрасные вещи, около которых мы группируемся» (с. 40). По верному замечанию О. В. Евдокимовой, лесковский совет исходит именно из логики «быта» [5: 195]. Об этом говорит сама дама, объясняя, почему она приходит именно к Лескову: «В вас есть практицизм, я ваша внимательная читательница» (с. 34), а затем об этом говорит Лесков: «Я сознаю, что в мои соображения входит гораздо больше практицизма, чем отвлеченной философии и возвышенной морали, но тем не менее я склонен думать так, как думаю» (с. 40). Таким образом, «практицизм» приобретает здесь характер нравственной позиции, противопоставляемой и «отвлеченной философии», и «возвышенной морали» — так обозначает Лесков позиции Достоевского и Толстого. Возникает совмещение писательского «учительства» и «практицизма», для русской литературы чрезвычайно проблематичное.

Для нашего анализа стратегии Лескова важно, что рассказ совмещает ряд «приманок» для читателя, которые ориентированы на различные

ценностные спектры поля. Это, во-первых, установка на правдивость, подразумевающая, что в рассказе описан реальный случай из жизни, достоверность которого подтверждается самим «реальным» писателем Лесковым в роли рассказчика и «живописательством» деталей и подробностей. С другой стороны, это установка на занимательность чего-то необычайного и таинственного. Знаками почти детективной таинственности насыщено все описание визита незнакомки: дама избегает освещенных мест, на ней двойная вуаль, сквозь которую сверкают глаза, в ней чувствуется «ажитированность», несколько раз подчеркнут мотив «неизвестности»: «Незнакомая дама... мне действительно не знакома»; «эта дама была для меня не знакома и осталась незнакомой» (с. 33). Связанное с «неизвестностью» напряжение поддерживается до момента трагической развязки, также покрытой таинственностью. Еще один значимый момент — это наличие в рассказе актуальных проблем: «острых» вопросов семьи и брака, равноправия женщин. Кроме того, рассказ презентуется как отклик на текст, вызвавший особое внимание публики и к тому же запрещенный цензурой (что подогревало интерес). Наконец существенно и то, что эти проблемы преломляются через литературные клише, в первую очередь те, которые опять же отсылают к двум великим романистам: литературность самой ситуации измены, напоминающей произведения Толстого (наиболее очевидны отсылки к «Анне Карениной»); мотив «очищения страданием», идеей которого увлечена посетительница Лескова, — этот мотив заставляет вспомнить о героях Достоевского, под чьим сильным влиянием она находится (его смерть ее всю «переброила» (с. 36)).

Точка, где все эти разнонаправленные моменты пересекаются, — вопрос об искренности. Искренность — важнейшая ценность русской литературы. Именно невероятная искренность — главная особенность «Крейцеровой сонаты», поскольку читатели не сомневались в том, что признания Позднышева (обнаружение им скрытых сторон брака) — это мысли самого Толстого. И то обстоятельство, что «Крейцера соната» оказывается под цензурным запретом, знамена-

тельно и свидетельствует в пользу предельной искренности этого произведения. Ведь искренность в данном случае — это стремление к истине в нарушение любых запретов, и именно оно маркирует высокую литературу, прежде всего роман. Именно с этой функцией связано превращение романа в высокую литературу начиная с XVIII века. Он становится «пространством, в котором новые общественные нравы заявили о себе, постепенно сдвигая границу между легитимным и нелегитимным, приличным и неприличным, разрешенным и запрещенным <...> Сюжет в романе строится на попытках преодоления общепринятых норм и установлений; герои гибнут, разбиваясь о барьер той или иной институции, что в факультативном плане общественной интерпретации представляется доводом в пользу ее отмены и корректировки» [3: 221–222].

Как же обстоит дело с «искренностью» в рассказе Лескова? «Искренность» — это то, что устанавливает связь между писателем и текстом. Лесков как будто стремится к эффекту максимальной правдивости, создавая иллюзию «реального» случая, убеждая в подлинности происходящего своим своим присутствием «внутри». Однако в плане писательского поведения возникает парадоксальная ситуация: Лесков дает героине искренний совет быть неискренней, дает его именно как писатель, стремясь легитимизировать его как совет, соответствующий этой высокой статусной позиции. Этим он устанавливает крайне полемические отношения с Толстым (которого при этом признает «учителем жизни», поднимая его чрезвычайно высоко, уравнивая с Христом, помещая в эпиграф цитату из «Крейцеровой сонаты»), с романом как жанром, аккумулирующим ставки искренности и преодоления общественных норм, и с русской литературой вообще. В столкновении с символической ценностью «искренности» «практицизм» оборачивается скандалом, о чем, например, свидетельствует статья в целом неплохо относившегося к Лескову критика М. Меньшикова «Прикрытый грех», где он писал: «Противнее этой „беседы“ я давно ничего не читал» [6: 181].

В своем рассказе Лесков вообще оспаривает ценность искреннего поведения: «Я видел так-

же двух-трех откровенных женщин и помнил, что они мне всегда казались не столько искренними, сколько жестокими и аффектированными» (с. 39). Причем компрометирует искренность как раз то, что своим источником она имеет почти религиозную власть литературы. Искреннее поведение само является своего рода клише, которое как раз и культивирует роман, производящий модели сознания и поведения. Дело, однако, не в том, что героиня не искренна, и даже не только в том, что ведет она себя как героиня Достоевского и захвачена его идеями, а в том, что ее переживания подогреваются, можно сказать, невероятно усиливаются сакральной властью, исходящей от самого писателя: «Я пришла к вам потому, что эти похороны... эти цепи... этот человек, который производил на меня такое необыкновенно сильное, ломающее впечатление, это лицо и воспоминание обо всем, что мне приходилось два раза в жизни рассказывать, перепутало все мои мысли...» (с. 34).

Наконец, особое отношение в рассказе возникает между искренностью и тайной. Уже шла речь о том, что искренность — оборотная сторона стремления овладеть скрытой истиной. И опять в рассказе возникает парадокс. Искренности незнакомки противостоит непроницаемость ее тайны. Стоит еще раз вернуться к этой «тайне», на которой к тому же держится напряжение «занимательной» истории. Причем вначале возникает примечательная двусмысленность: знаки «таинственности» Лесков исходно расшифровывает в «политическом» ключе: сходство политических страстей и любовной страсти остреняет и несколько снижает «тайну», но в то же время напоминает о потенциале «революционности», связанной с темой адюльтера в романе и настраивает на «антирадикальную» позицию не любящего политических страстей Лескова.

На протяжении всего рассказа тайна подерживается принципом метонимического замещения. Деталь не столько характеризует незнакомку, сколько знаменует отсутствие целостного видения и знания о ней. Прекрасное плюшевое пальто, черная изящная шапочка, черная вуалетка, «белый круглый подбородок и иногда сверкание глаз сквозь двойную сетку вуали» (с. 33).

Изящная фигура, приятный голос, изящные манеры — все эти «фрагменты» облика только и позволяют Лескову заключить: «...эта дама была для меня незнакома и осталась незнакомою» (с. 43). Автор приближается к «незнакомке» постепенно. Спустя три года, отправляясь на воды, видит ее на улице, но не решается подойти, а потом встречает на водах. За столиком в ресторане он видит ее лицо («Она была хорошенькая, с довольно приятным, мягким, но мало значительным выражением» (с. 44)), знакомится с ней и ее мужем, ее сыном, даже делает вместе с ней и знакомыми дамами экскурсии, но ни разговора, ни намеков, касающихся прежней встречи, нет. Опять мы в кругу метонимий: «благообразный, но испитой муж», который не любил поездок по неизвестной причине: «...не то он тяготился женой, не то даже желал быть свободен, приволокнуться за одну или даже, может быть, не за одну из приехавших дам сомнительной репутации» (с. 45). Необыкновенно красивый ребенок, скорее всего, «плод страсти». Ожидаемого события — подлинного проникновения в жизнь незнакомки, узнавания ее истории нет. Читателю, жаждущему этого знания, овладения событием, остается только задавать вопросы, которые неизбежно подсказываются психологическими схемами, необходимыми для того, чтобы упорядочить реальность в связный нарратив. Например, рассталась ли она с любовником? Почему тяготится ею «испитой муж», быть может, подозревающий или знающий тайну? Можно даже усомниться в том, что она последовала совету Лескову и ничего ему не рассказала... По крайней мере, тайна остается тайной.

Событие, которое оказывается на месте ожидаемого проникновения в смысл происходящего, напротив, кладет конец надеждам читателя приписать смысл истории (получить обещанное ему символическое вознаграждение). Это событие — смерть, сначала смерть ребенка от дифтерита, которая дана в чрезвычайно большом количестве внешних деталей и вообще теряется в подробностях санитарных мер. А потом сама незнакомка бесследно исчезает, «и с нею исчезли чугунные гири, которыми муж ее делал комнат-

ную гимнастику» (с. 49) — опять замещение и неизвестность: «...стали высказывать подозрение, что она, вероятно, утопилась в том же болоте — что потом, говорят, и было доказано, но труп ее, поднявшийся будто к поверхности, был снова засосан болотом — происшествие — очень замечательное... по тишине, с которой все это произошло; исчезнувшая Н. не оставила ни записки, никакого признака своего решения покончить с собою» (Там же). Таким образом, на месте искренности воцаряется тишина и тайна.

Именно то, как введена смерть в нарратив, производит наиболее важный переворот в рассказе. Это довольно странная развязка, особенно в свете столь деятельного участия Лескова в судьбе героини. Почему бы Лескову не показать благотворные последствия своего практического совета и не заявить тем самым о своей абсолютной компетентности в роли «учителя жизни»? Почему бы ему не поступить с сюжетом так, как нередко поступают герои его небольших рассказов, то есть «уладить дело»? Уж если и его советы и его авторский образ — образец практицизма, то что в данном случае может быть «практичнее» хорошего конца?

Трагический финал заставлял и критиков, и литературоведов особенно сомневаться в том, что «стакан чаю, самовар и домашняя лампа» обеспечили героине (и ее мужу) минимум благополучия. Но почему возникают эти сомнения? Можно предположить, что дело здесь всё в тех же ожиданиях и схемах, которые производятся литературой и в которых моральное познание должно быть извлечено из смутности человеческого существования, сколь бы болезненно это ни было. В таком случае смерть ребенка будет восприниматься как кара, а значит, г-жа Н., не вынеся душевных мук, уподобилась Анне Карениной. Но в действительности, ничто в рассказе не позволяет выйти за рамки предположения, что смерть ребенка — это только случайность, а относительно мотивов предполагаемого самоубийства незнакомки невозможно сделать никаких несомненных выводов (какие бы догадки о ее душевных муках мы ни строили). Единственный акцентированный мотив — «тишина» ее исчезно-

вения. И следствие этого очень существенно: нет смыслового итога и, соответственно, целостного представления жизни, содержащего моральную оценку. Нарративная форма этого рассказа оспаривает принцип целостного видения, на котором основан роман, аккумулирующий ценность в той мере, в какой он представляет собой нарративную формулу индивидуальной жизни.

Именно смерть героя в романе делает его жизнь познаваемой и доступной оценке, превращает ее в целостное, завершённое событие, которое становится принадлежностью всех. В. Беньямин в эссе «Рассказчик» (поводом к которому стало как раз творчество Лескова), противопоставляя роман и рассказ, пишет о роли смерти в романе: «...„Смысл“ <...> жизни [романного персонажа] раскрывается лишь из перспективы его смерти. И читатель романа действительно ищет людей, из судеб которых он может вычитать „смысл жизни“» [2: 407]. В этом плане стоит сопоставить две смерти в рассказе — ту, что в начале, и ту, что в конце. Два эти события (структурно соотнесенные) — совершенно различны. Не только потому, что одно очень громкое, а другое — тишайшее. Одно («смерть писателя») включает в себя отчетливо артикулированный смысл прожитой жизни и как бы концентрирует в себе весь ее властный потенциал — всю мощь литературы, — оказываясь способным произвести переворот в умах и душах («его смерть меня всю переброила»). Другое — неуловимое и бесследное — производит один странный эффект: муж г-жи Н. вдруг удостаивает внимания Лескова («по непонятному для меня побуждению») и «в разговорах, которые между нами завязывались, очень часто и очень охотно касался памяти своей покойной жены» (с. 49). В данном случае «смысл жизни» не постигнут, два его «читателя» — сам Лесков и муж незнакомки — скорее всего, приписывают этой жизни смыслы различные (или противоположные), причем совершенно невозможно сказать, кто из них знает «истину» и какова эта истина вообще.

Попытаемся теперь подвести итог нашим наблюдениям и обозначить стратегию, проявляющуюся в тексте Лескова. Рассказ задействует

главные ставки доминантных позиций в поле литературы, с которыми связана претензия на регулятивную функцию литературы в социальном пространстве (с одной стороны, это статус писателя-пророка и учителя жизни, с другой — искренность как высшая символическая ценность, целостное видение индивидуальной жизни, которое воплощает в себе романная форма и которое позволяет читателю присваивать «смысл жизни», повышая свой собственный символический капитал). Однако стратегия Лескова оказывается парадоксальной. Исходя из правил игры поля, из высокого статуса позиции учительствующего писателя, он стремится к «перераспределению» сил на двух уровнях: во-первых, за счет явной полемики со своими великими соперниками-романистами (противопоставляя им свое «отличие», свой «практицизм», санкционируемый столь детально известной ему «правдой» обыденности, искушенным «живописательством»), а во-вторых, за счет утверждения принципов собственного видения на нарративном уровне. В то же самое время такое «видение» проявляется как переворачивание или блокирование нарративных приемов, обеспечивающих контроль писателя над реальностью. Получается, что стратегия Лескова разрушительна по отношению к той позиции, которую он обыгрывает в рассказе, и которую он, присваивая себе, одновременно делает невозможной на уровне нарратива. Здесь можно вспомнить об относительном ослаблении литературоцентрических тенденций в 1880–1890-х гг. В частности, в это время повышается социальная значимость литератора-журналиста, «поставщика забавных и сенсационных текстов» [7: 106]. Сакральный статус писателя-пророка оказывается поколеблен (вместе с традиционной романной формой, которая его представляла), но для многих участников поля литературы этот статус по-прежнему высок. В то же время в условиях усиливающейся профессионализации литературного труда стратегия радикального отказа от быта, абсолютного подвижничества (как в случае Толстого) приобретала особую символическую ценность. Можно предположить, что противоречивая стратегия Лескова на совмещение ставок соотносится с этим состоя-

нием поля — отношениями между участниками литературного производства и существующими институциями, и что в этом же причина ее «неуспешности» в глазах критика, преданного «идеалам» литературы.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Здесь и далее в круглых скобках указываются страницы по изданию: Лесков Н. С. По поводу «Крейцеровой сонаты» // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 9. М., 1957. С. 32–49.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкудинова О. В. Художественное выражение этической концепции Н. С. Лескова 90-х годов. (О полемике Лескова с Толстым в рассказе «По поводу „Крейцеровой сонаты“») // Вісник Харківського університету. № 217. Харків, 1981. С. 43–49.
2. Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб., 2004.
3. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000.
4. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
5. Евдокимова О. В. Мнемонические элементы поэтики Н. С. Лескова. СПб., 2001. С. 182–217.
6. Меньшиков М. О. Прикрытый грех. Рассказы к стати Н. С. Лескова. «Нива», № 30, 1899г. // Меньшиков М. О. Критические очерки. СПб., 1902. Т. 2. С. 181–193.
7. Рейтблат А. И. Роман литературного краха // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 99–109.
8. Столярова И. В. Нравственно-эстетическая позиция Н. С. Лескова в «рассказах к стати» («По поводу „Крейцеровой сонаты“», «Дама и фефёла») // Нравственно-эстетическая позиция писателя. Ставрополь, 1991. С. 82–99.

REFERENCES

1. Ankudinova O. V. (1981) Khudozhestvennoe vyrazhenie eticheskoi kontseptsii N. S. Leskova 90kh godov (O polemike Leskova s Tolstym v rasskaze «Po povodu “Kreitzerovoi sonaty”») [The Artistic Expression of N. S. Leskov's ethical conception of 1890s (On Leskov's Polemic with Tolstoy in his story «Concerning “The Kreutzer Sonata”»). // *Visnik kharkivskogo universitetu [The Bulletin of Kharkov University]*, no. 217, pp. 43-49. (in Russian)
2. Benjamin V. (2004) *Maski vremeni. Esse o kulture i literature [The Masks of Time. Essays on Culture and Literature]*. St. Petersburg. (in Russian)
3. Berg M. (2000) *Literaturokratiia. Problema prisoenii i pereraspredelenii vlasti v literature [Literaturecracy. The problem of Appropriation and Redistribution of Power in Literature]*. Moscow. (in Russian)
4. Bourdieu P. (2000) Pole literature [The Literary Field]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, no. 45, pp. 22-87. (in Russian)
5. Evdokimova O. V. (2001) *Mnemonicheskie elementy poetiki N.S. Leskova [Mnemonic Elements of N. S. Leskov's Poetics]*. St. Petersburg. (in Russian)
6. Menshikov M. O. (1902) Prikrityi grekh. Rasskazy kstati N.S. Leskova. «Niva», №30, 1899 [The Hidden Sin. Stories À Propos. «Cornfield», №30, 1899]. In: Menshikov M. O. *Kriticheskie ocherki [Critical Essays]*, vol. 2. St. Petersburg, pp. 181-193. (in Russian)
7. Reitblat A. I. (1997) Roman literaturnogo krakha [The Novel of Literary Failure]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]*, no. 25, pp. 99-109. (in Russian)
8. Stoliarova I. V. (1991) Nrvstvenno-esteticheskaia pozitsiia N.S Leskova v «rasskazakh kstati» («Po povodu “Kreitzerovoi Sonaty”», «Dama i fefela») [N. S. Leskov's Moral and Ethical Position in “Stories À Propos” («Concerning “The Kreutzer Sonata”», «The Lady and the Wench»). In: *Nrvstvenno-esteticheskaia pozitsiia pisatelja [Moral and Ethical Position of the Writer]*. Stavropol, pp. 82-99. (in Russian)

Н. А. Бородина

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В КАВКАЗСКИХ ПОЭМАХ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

NADEZHDA A. BORODINA

EXOTIC WORDS IN THE CAUCASIAN POEMS BY M. YU. LERMONTOV

В статье анализируются особенности функционирования экзотизмов в кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Беглец», «Демон», «Мцыри». Ориентализмы моделируют реалии Кавказа, передают национальный колорит, служат средством художественной выразительности.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов; Кавказ; поэмы; экзотизмы; ориентализмы.

The author analyses the peculiarities of the functioning of exotisms in the Caucasian poems by M. Yu. Lermontov: "The Circassians", "Caucasian Prisoner", "Kally", "Ismail-Bei", "Aul Bastundji", "Khadji-Abrek", "The Fugitive", "Demon", "The Novice". The orientalisms name the realia of the Caucasus, reproduce the national color, play the role of the means of artistic expressiveness.

Keywords: M. Yu. Lermontov; the Caucasus; poems; exotisms; orientalisms.

Кавказский край сыграл особую роль в жизненном и творческом пути М. Ю. Лермонтова. По утверждению современника поэта, литературного критика В. Г. Белинского, Кавказ стал «колыбелью его поэзии», [1: 175], «его поэтической родиной» [Там же: 544].

Именно с Кавказом у М. Ю. Лермонтова связаны самые яркие детские впечатления: величественные горы, интересные рассказы о Кавказской войне, посещение горского национального праздника — байрама, первая влюбленность.

За стихотворение «Смерть поэта», написанное сразу после гибели А. С. Пушкина, 22-летний корнет был сослан на Кавказ. С отрядом генерала А. А. Вельяминова он проехал всю Кавказскую линию, «от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...» (Письмо С. А. Раевскому, 7: 114)*.

Во время второй ссылки в 1840 году М. Ю. Лермонтов участвовал в военных действиях в Чечне, побывал в Новочеркасске, Ставрополе, на Кавказских Минеральных водах, вновь увидел бурный Терек [5: 212; 6].

Посещение Кавказского региона позволило поэту ближе познакомиться с живописной природой края, жизнью и бытом горцев, их традициями и нравами, преданиями и легендами, что нашло отражение в его творчестве.

Отметим, что в целом для русской литературы начала XIX века характерно увеличение частотности употребления ориентализмов. При этом, согласно наблюдениям авторов монографии «Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века», среди экзотизмов преоблада-

**Надежда
Анатольевна Бородина**

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, методики
его преподавания и документоведения

*Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина*

*ул. Коммунаров, д. 28,
Липецкая обл., г. Елец, 399770, Россия*

► borodinanadezhda@yandex.ru

Nadezhda A. Borodina

Bunin Yelets State University

28 Communards' str.,

Lipetsk region, Yelets, 399770, Russia

ли слова, которые были заимствованы из языков народов, населяющих Кавказ [4: 49]. Активное освоение «восточной» лексики связывалось «с внешнеполитическими событиями (война на Кавказе), с интересом писателей-романтиков к национальным культурам и литературам, к этнографии и языку» [Там же: 39].

М. Ю. Лермонтов не был исключением. Он внес большой вклад в развитие русского литературного языка, обогатив его лексическими единицами, этимологически восходящими к восточным языкам (персидский, турецкий, арабский, лезгинский, грузинский и др.). Следует подчеркнуть, что, используя ориентализмы, М. Ю. Лермонтов проявлял художественный вкус и такт вслед за своим предшественником, кумиром и учителем А. С. Пушкиным. Его язык естествен, точен, сдержан.

Цель данной работы — рассмотреть специфику функционирования экзотической лексики в кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова.

Читая «Черкесов», «Кавказского пленника», «Каллы», «Измаила-Бея», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрека», «Беглеца», «Демона», «Мцыри», мы встретили 100 единиц, называющих реалии Кавказского региона: как имен нарицательных, так и имен собственных.

Аппелятивы тематически разнообразны. Это наименования:

- лиц: *абрек, бей, гяур / джяур, джигит, мулла, муэцин, мцыри, уздени, хаджи;*
- головных уборов и предметов одежды: *баишлык, бешмет, бурка, папах, чадра, чалма, чекмень, чуха;*
- флоры и фауны: *барс, кизиловое дерево, сайгак, серна, чинара;*
- предметов быта: *аркан, арчак, кальян, тулук;*
- сверхъестественных существ: *гурия, дивы, пери, шайтан;*
- музыкальных инструментов и народных танцев: *зурна, лезгинка, чингар;*
- сооружений и помещений: *гарем, мечеть, сакля;*
- напитков: *кумыс, чихирь;*
- оружия: *кинжал, шашка;*
- населенных пунктов: *аул;*
- транспортных средств: *арба;*
- религиозных текстов: *алкоран / Коран;*
- праздников: *байран.*

В составе экзотизмов-онимов выделяются следующие подгруппы:

- антропонимы: *Акбулат, Аджи, Ахмат-Булат, Бей-Булат, Гарун, Гирей, Гудал, Зара, Измаил, Леила, Росламбек, Селим, Тамара, Хаджи Абрек;*
- гидронимы: *Арагва, Аргуна, Дарьял, Кубань, Кура, Подкумок, Терек;*
- оронимы: *Бешту, Кавказ, Казбек, Койшаурская долина, Машук, Шайтан, Эльборус (Шат);*
- ойконимы: *аул Бастунджи, аул Джемат, Тифлис, Синодал;*
- хоронимы: *Грузия, Дагестан, Кавказ, Карабах, Персия;*
- мифонимы: *Магомет, Алла / аллах / валах;*
- этнонимы: *грузины, грузинка; кабардинец; лезгин / лезгинец, лезгинка; черкесы, черкес, черкешенка; чеченцы, чечен / чеченец.*

В анализируемых произведениях М. Ю. Лермонтова экзотические лексемы выступают, прежде всего, как средство номинации реалий, не свойственных российской действительности, как средство, с помощью которого можно передать местный колорит.

Наименования гор и рек, стран и регионов, городов и небольших поселений, народов, проживающих на Кавказе, имена героев формируют географический, культурный и исторический фон поэм.

Географическими доминантами Кавказского региона являются высокие горы, бурные реки, узкие ущелья, плодородные долины. В произведениях М. Ю. Лермонтова они служат ориентирами, устанавливающими положение в пространстве.

В поэме «Измаил-Бей» место действия сразу очерчивается:

*Давным-давно, у чистых вод / Где по кремням
Подкумок мчится, / Где за Машуком день встает, /
А за крутым Бешту садится, / Близ рубежа чужой земли /
Аулы мирные цвели (Измаил-Бей, 3: 223).*

«Две главные горы» (так называет Бештау и Машук М. Ю. Лермонтов в примечаниях к поэме), правый приток реки Кумы — это район Пятигорья, с детства знакомый автору.

Описываемый в «Мцыри» монастырь находится «там, где, сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры» (Мцыри, 4: 188). Действительно, недалеко от Тбилиси, у впадении реки Арагвы в реку Куру на горе возвышается «Джвари» — грузинский монастырь и храм первой половины VII века. В 1837 году,

находясь в Тифлисе, М. Ю. Лермонтов, осматривал этот памятник мировой архитектуры и даже запечатлел его на картине «Кавказский вид с саклей» [5: 324].

Повествуя о драматической истории двух братьев Акбулата и Селима, он указывает реальное место действия — аул Бастунджи:

Между Машуком и Бешту, назад / Тому лет тридцать, был аул, горами / Закрит от бурь и вольностью богат. / Его уж нет (Аул Бастунджи, 3: 190).

Это селение, расположенное рядом с Бештау, в начале XIX века превратилось в развалины, так как его жители — кабардинцы, будучи отрезанными от остальной Кабарды линией русских укреплений, покинули свои дома и укрылись в горах. Посещая эти места в 1825 году, одиннадцатилетний М. Ю. Лермонтов видел лишь остатки разрушенных строений [Там же: 40].

Гидроним *Терек* (горная река, ставшая для поэта, по словам В. Г. Белинского, источником вдохновения, своеобразным «Кастальским ключом», «Ипокреной» [1: 544]) появляется в нескольких кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Демон».

В «Кавказском пленнике» на берегах именно этой реки находится аул, в котором разворачиваются трагические события:

Там Терек издали крутит, / Меж скал пустынных протекает / И пеной зыбкой орошает / Высокий берег (Кавказский пленник, 3: 18).

Около Терека «*пасут уныло черкесов тучные стада*» (Кавказский пленник, 3: 19) молодые русские пленники. К нему приходит, чтобы послушать, «*как волны воют*» (Кавказский пленник, 3: 25), мечтающий о свободе главный герой поэмы. В Терекке находит свою смерть юная черкешенка, потерявшая возлюбленного.

В поэмах «Черкесы», «Кавказский пленник» Терек также выступает как естественная граница, разделяющая «своих» и «чужих», горцев (черкесов, чеченцев) — «сынов Терека» — и казаков — «сынов Дона».

Кавказ — это уникальный край, поскольку на небольшой по площади территории проживают разные народы. Пестрота этнического состава

населения региона прослеживается и на страницах анализируемых произведений:

Так говорил мулла жестокий, / И кабардинец черноокий / Безмолвно, чистя свой кинжал, / Уроку мщениęcia внимал (Каллы, 3: 184);

И дикий крик, и стон глухой / Промчались в глубине долины — / Недолго продолжался бой: / Бежали робкие грузины! (Демон, 4: 230);

В тени прохладной, у порога, / Лезгинка юная сидит (Хаджи Абрек, 3: 313).

Реальные исторические события, происшедшие на Кавказе, горские легенды и предания являлись для М. Ю. Лермонтова источником создания литературных образов.

Так, согласно мнению лермонтоведов, прототипом Измаил-Бея, главного героя одноименной поэмы, был кабардинский князь Измаил-Бей Атажукин, получивший военное образование в Российской империи, служивший в русской армии, а по возвращению на родину старавшийся примирить враждующие народы: кабардинцев с русскими [5: 39, 205].

Подобно экзотизмам-онимам поэт использовал экзотизмы-апеллятивы, прежде всего, в номинативной функции, когда повествовал о жизни и быте горцев, их нравах и традициях, давал описание природы кавказского региона.

В связи с ограниченным объемом статьи проиллюстрируем данное утверждение только примерами употребления экзотизмов, принадлежащих к тематическим группам «Религия» и «Одежда и головные уборы», так как лексические единицы этих тематических групп отличаются высокой частотностью функционирования в поэмах.

Большинство героев М. Ю. Лермонтова исповедуют одну из мировых религий — ислам. Введение в поэтический текст наименований Бога, сверхъестественных существ у мусульман, служителей религиозного культа, предметов и обрядов культа, культовых сооружений, лиц по отношению к вероисповеданию создает особый культурный фон. Достаточно вспомнить призыв муэдзина к молитве, возвышающиеся над небольшими строениями мечети, восхваление Бога, воззвание к Аллаху и его пророку Магомету, объяснение духовных пороков людей результатом про-

исков дьявола, шайтана, празднование байрама, чтение Корана, установление памятника в виде столбика с изображением чалмы над местом погребения хаджи — мусульманина, совершившего паломничество в Мекку. Например:

*Дни мчатся. / Начался байран. / Везде веселье, ликованья; / Мулла оставил алкоран, / И не слышать его призыванья; Мечеть кругом освещена (Измаил-Бей, 3: 252);
Аллах спаси тебя, Леила! (Хаджи Абрек, 3: 315).*

Все вышеперечисленное подтверждает тот факт, что М. Ю. Лермонтову удалось понять уклад жизни народов Кавказа, особенности их мировоззрения, их обычаи.

Описывая героев, поэт вводит в поэмы экзотизмы, называющие предметы национальной одежды, национальные головные уборы. Традиционный мужской костюм кавказца (*бешмет, бурка, чекмень, чуха, башлык, папаха*) дополняет оружие (*кинжал, шашка*) — непременный атрибут горцев. Например, вот каким предстает перед нами Измаил-Бей:

На нем чекмень, простой бешмет, / Чело под шапкою косматой; / Ножны кинжала, пистолет / Блестят на сечке небогатой; / И перетянут он ремнем, / И шашка чуть звенит на нем (Измаил-Бей, 3: 227).

Необходимо отметить, что в поэмах самой частотной единицей данной тематической группы является лексема *бурка* (13 словоупотреблений). Характеризуя эту верхнюю мужскую одежду, автор указывает ее релевантные признаки (*черная, темная, широкая, косматая, дорожная*), называет ее свойства: ее можно привязать к седлу, с ее помощью можно согреться, в ней можно «спрятать» тот или иной предмет. Ср.:

На каждом шашка, за плечами / Ружье заряжено висит, / Два пистолета, борзые кони; / По бурке на седле лежит (Черкесы, 3: 7);

Уж поздно, путник одинокой / Одедся буркою широкой (Измаил-Бей, 3: 234);

Он бурку темную открыл; / Открыл, — и дар его кровавый / Скатился тихо на траву. / Несчастный видит, — боже правый! / Своей Леилы голову!.. (Хаджи Абрек, 3: 327).

Внешний облик горянки невозможно представить без чадры — легкого покрывала, закрывающего голову и лицо женщины и спускающееся по плечам вниз до ног:

Они от башни угловой / Ведут к реке, по ним мелькая, / Покрыта белою чадрой, / Княжна Тамара молодая / К Арагве ходит за водой (Демон, 4: 224).

Реже в кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова экзотическая лексика выступает как средство художественной выразительности.

Описывая Зару в «Ауле Бастунджи», поэт прибегает к сравнительной характеристике. Сравнение с райской девой подчеркивает отсутствие у молодой черкешенки недостатков, ее чистоту и целомудренность, а уподобление серне указывает на ее пугливость, нежность:

По словам поэта, / Казалось, вся она была слита, / Как гурии, из сумрака и света; Черны глаза у серны молодой, / Но у нее глаза чернее были (Аул Бастунджи, 3: 196).

Зара в «Измаил-Бее» «*нежна — как пери молодая, создание земли и рая*» (Измаил-Бей, 3: 238). Данная сравнительная конструкция не случайна, так как это доброе волшебное существо в образе прекрасной крылатой женщины согласно древнеиранской мифологии способно оказывать помощь своему избраннику, несмотря на хрупкость, мягкость сражаться со злыми джиннами [3: 191]. Вспомним, как Зара-Селим следует за любимым, принимает участие в боях в отряде Измаил-Бея.

В приведенном ниже примере метафорическому переосмыслению подвергаются отличительные качества жителей аула Джемата, которые предстают как отличные воины; для них местом поклонения, центром всей жизни является битва, бранное поле:

Велик, богат аул Джемат, / Он никому не платит дани; / Его стена — ручной булат; / Его мечеть — на поле брани (Хаджи Абрек, 3: 309).

В поэтическом мире М. Ю. Лермонтова горы могут персонифицироваться, представлять в человеческом облике. Так, горы Шайтан и Бешту своими очертаниями напоминают человека, защищенного от непогоды теплой накидкой, а белоснежная вершина Казбека уподобляется мусульманскому мужскому головному убору:

На долину / Туман ложился, как прозрачный дым; / И сквозь него, прорезав половину / Косматых скал, как буркою, густым / Одетых мраком, дикую картину / Родной земли и неба красоту / Обозревал задумчивый Бешту (Аул Бастунджи, 3: 194);

И между них, прорезав тучи, / Стоял, всех выше головой, / Казбек, Кавказа царь могучий, / В чалме и ризе парчевой (Демон, 4: 240).

Имена литературных персонажей являются одним из средств, формирующих художественный образ, поскольку могут маркировать принадлежность героев к определенной этнической, общественной группе, конфессии, указывать на род занятий, предопределять их характер, обуславливать дальнейшее развитие сюжета.

В поэме «Хаджи Абрек» рассказывается об обычае кровомщения, распространенном среди кавказских горцев. *Хаджи* — именно так в начале представляет М. Ю. Лермонтов «*витязя черноокого*» (Хаджи Абрек, 3: 312), который отозвался на призыв старого лезгина найти похищенную Бей-Булатом дочь. Мстя за гибель брата, Хаджи отбирает у своего кровника Бей-Булата самое дорогое — Леилу. Имянаречение главного героя изменяется, как только он решает лишить жизни невинную девушку. В составе антропонима появляется лексема *Абрек*, номилирующая изгнанника из рода, изгоя.

Имя старшего брата в поэме «Аул Бастунджи» *Акбулат* состоит из двух частей. Первый антропоформант — *ак* — имеет значения «белый» [7: 407], «долгожитель» [2: 23]. В поэме неоднократно упоминаются зрелый возраст героя, его седины. Второй компонент имени *булат*, обозначающий старинную сталь высокой прочности, подчеркивает суровый характер горца:

И в Пятигорье не было грозней / И не было отважней Акбулата (Аул Бастунджи, 3: 192).

Младший брат Акбулата — Селим — «*слаб и нежен с юных дней*» (Аул Бастунджи, 3: 192), на что указывает наличие двух сонорных согласных в фонетической структуре антропонима. Имя героини *Зара* этимологизируется как «золото», «парча», «золотая ткань» [7: 127, 470]. На протяжении всего повествования М. Ю. Лермонтов апеллирует к семантике данного антропонима. Для Селима, впервые увидевшего девушку, ее красота сопоставима с южным румяным, золотым плодом. При встрече с молодой черкешенкой у горного ключа он называет ее «*бесценным другом*»

(Аул Бастунджи, 3: 210), жизнь с нею для Селима равноценна богатству:

О, как я был бы счастлив, как богат, / Под звездами аллы, один с тобою!.. (Аул Бастунджи, 3: 210).

Таким образом, проанализировав собранный фактический материал, мы пришли к следующим выводам. Кавказские поэмы М. Ю. Лермонтова изобилуют экзотизмами. С одной стороны, их использование позволяет поэту придать своим произведениям максимальную реалистичность, приблизить русскоязычного читателя к миру горцев, помогает понять их менталитет. С другой стороны, экзотическая лексика служит средством метафоризации, входит в состав сравнительных оборотов, участвует в создании олицетворяющих образов.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2000–2002. — Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. Статьи и рецензии (1840–1841). М., 1954.
2. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М., 1987.
3. Королев К. Энциклопедия сверхъестественных существ. М.; СПб., 2005.
4. Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1981.
5. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981.
6. Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954.
7. Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / Отв. ред. проф. Р. Ю. Намитокова. М., 2012.

REFERENCES

1. Belinskii V. G. (1954) *Polnoe sobranie sochinenii [The Complete Works]*, in 13 vols., vol. 4 (The Articles and Reviews (1840–1841)). Moscow. (in Russian)
2. Gafurov A. (1987) *Imiai i istoriia: Ob imenakh arabov, persov, tadzhikov i tiurkov [Name and History: About Names of the Arabs, Persians, Tajiks and Turkomen]*. Moscow. (in Russian)
3. Korolev K. (2005) *Entsiklopediia sverkhhestestvennykh sushchestv [Encyclopedia of the Supernatural Beings]*. Moscow; St. Petersburg. (in Russian)
4. Filin F. P., ed. (1981) *Leksika russkogo literaturnogo iazyka XIX — nachala XX veka [Vocabulary of the Russian Literary Language of 19th to the Beginning of 20th century]*. Moscow. (in Russian)
5. Manuilov V. A., ed. (1981) *Lermontovskaia entsiklopediia [Lermontov's Encyclopedia]*. Moscow. (in Russian)
6. Popov A. V. (1954) *Lermontov na Kavkaze [Lermontov in the Caucasus]*. Stavropol'. (in Russian)
7. Namitokova R. Iu., ed. (2012) *Svodnyi slovar' lichnykh imen narodov Severnogo Kavkaza [The Summary Dictionary of the Personal Names of the Nations of the North Caucasus]*. Moscow. (in Russian)

М. В. Маслова

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КНИГУ Ф. И. БУСЛАЕВА «О ПРЕПОДАВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА» (К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

MARINA V. MASLOVA

REREADING THE BOOK "ON THE TEACHING OF THE NATIONAL LANGUAGE" BY F. I. BUSLAEV:
ON THE ISSUE OF TEACHING LISTENING IN RUSSIAN

**Марина Валентиновна
Маслова**

Учитель русского языка и литературы

Лицей № 14 им. Заслуженного учителя РФ
А. М. Кузьмина

Мичуринская ул., 112 В,
Тамбов, 392032, Россия

► marina.maslow@yandex.ru

Marina V. Maslova

Lyceum N 14 named after the Honored
Teacher of the Russian Federation
A. M. Kuzmin

Michurinskaya str., 112B,
Tambov, 392032, Russia

Научный руководитель:
д-р пед. наук, проф. Г. М. Первова

В статье анализируется вклад Ф. И. Буслаева в развитие методики обучения аудированию на русском (родном) языке. Автор статьи выявляет результаты ученического аудирования, которые упоминаются в первом методико-лингвистическом труде Ф. И. Буслаева, и обоснованные ученым условия их достижения; называет буслаевские принципы преподавания родного языка, которые применимы к процессу обучения аудированию.

Ключевые слова: Ф. И. Буслаев; вид речевой деятельности; аудирование; понимание; результаты аудирования.

The article analyses the contribution of F. I. Buslaev to the development of listening teaching methods in Russian (native) language. The author reveals the results of students' listening, which are mentioned in Buslaev's first methodological and linguistic work, and the conditions of their achievements, substantiated by this scholar and methodologist; enumerates the principles of native language teaching, which were mentioned by Buslaev and can be applied to the learning process of listening.

Keywords: F. I. Buslaev; kinds of speech activity; listening; understanding; listening results.

Ф. И. Буслаев внес весомый вклад в развитие отечественной науки, культуры и просвещения. «Педагогические идеи, которые были заложены в созданные Буслаевым труды, намного опередили свое время, потому что и до сих пор остаются современно звучащими» [2: 44]. Концепция лично ориентированного обучения, идеи эвристики, развивающего обучения, применения техник взаимопроверки и взаимоконтроля на уроках, теоретические положения интегративного подхода к обучению, нашедшие отражение в дидактической части его «первого и главного» [6: 80] методико-лингвистического труда «О преподавании отечественного языка», прочно вошли в современное образование.

Ф. И. Буслаев по праву считается основоположником методики преподавания русского языка. Ученый не только дал общее и систематическое изложение основных методических вопросов, но и определил пути развития молодой науки.

Однако больше всего поражает не гуманитарный энциклопедизм ученого, не разнообразие его исследовательских интересов, даже

не его прозорливость, а «свежесть подлинности, которая ощутима нами каждый раз при встрече с Буслаевым... Буслаев словно бы предугадывает наши раздумья, ему словно ведомы наши тревоги и наши восторги» [1: 4].

Проведем некоторые параллели «века нынешнего» с «веком минувшим», буслаевским.

В начале 2017 года профессор Санкт-Петербургского госуниверситета, президент Российской академии образования Л. А. Вербицкая сообщила «Российской газете» в контексте обсуждения программы по литературе: «Когда я высказала мнение о том, что Толстой обязательно должен быть в школьной программе, но пусть это будет не „Война и мир“, так как это глубокое философское произведение и нужен жизненный опыт, чтобы понять его, мне возразили: если ученики в школе не прочтут, то больше никогда эту книгу не откроют» [5]. Оппоненты Л. А. Вербицкой выразили свои опасения по-буслаевски. Сравним их слова (в пересказе Л. А. Вербицкой) с высказыванием Ф. И. Буслаева: «Если они не прочтут Ломоносова или Державина в школе, то, вероятно, и никогда в жизнь свою не прочтут их» [3: 84]. Впрочем, позиция Л. А. Вербицкой тоже находит поддержку в рассуждениях ученого-методиста, правда, не по поводу круга чтения, а в связи с тематикой школьных сочинений: «Ученики сами не в состоянии писать о таких предметах, которых они не изучали или не знают, и о таких чувствах, которых они не ощущали» [Там же: 116–117].

Современно звучат упреки родителей, полтора века назад брошенные в адрес преподавателей словесности и зафиксированные Ф. И. Буслаевым в книге «О преподавании отечественного языка»: «Часто приходится слышать жалобы родителей на то, что их дети, учась в гимназии всяким премудростям, не умеют написать простого объявления или расписки» [Там же: 111]. Ученый соглашается с необходимостью коммуникативно-практической направленности обучения родному языку, но предостерегает от низведения функций языка до обслуживания утилитарных интересов его носителей. В труде Ф. И. Буслаева, не ведавшего о модернизации системы образования в XXI веке, нетрудно найти ответ тем учите-

лям, которые видят цель обучения родному языку в натаскивании на ОГЭ и ЕГЭ, и тем родителям, которые ждут от учителей утилитарно-прагматического подхода к обучению. «Гимназия, — пишет ученый, — должна образовать в ученике умение, способность; применение же остается на удел самой жизни: школа никак не может предупредить всех случаев, в коих понадобится ученику писать о том или другом» [Там же: 113].

Удивительно, но даже «западание» среднего звена общеобразовательной школы, слабое внимание к нему со стороны методистов и учителей-практиков намечается в рассуждениях Ф. И. Буслаева: «Для примера преподаванию я взял две крайности — самую низшую и высшую, и этим частью уже обозначил, чему бы следовало быть в средних классах» [Там же: 189]. Той же тактики «частичного обозначения» придерживаются и современные ученые-методисты и учителя-практики: в фокус их внимания попадает начальная школа, которая формирует, как говорит Ш. Амонашвили, «профессионального ученика», и 9–11-е классы, которые надо готовить к итоговой аттестации, в то время как среднее звено оказывается каким-то «лесом между мирами».

Замеченные нами совпадения и сходства позволяют сделать предположение о том, что Ф. И. Буслаев не просто «зложил основания», «начертал пути развития» — он создал национальную модель мышления в образовании. «Очевидно, ответы, которые давал Буслаев, ждут наших уточнений, а порой и поправок, но самые вопросы выбраны из тех, которым дано еще долго, — а может быть, и всегда, — сопутствовать течению национальной жизни и развитию человеческой культуры» [1: 4].

В универсальности методической концепции Ф. И. Буслаева мы убедились, когда, исследуя состояние разработанности системы обучения аудированию русской (родной) речи — одной из «проблемных зон» современной методики и одновременно объекта наших научных интересов, обратились к его труду «О преподавании отечественного языка».

«Необходимо признать, что первыми разработали методику обучения аудированию ме-

тодисты иностранных языков» [7: 129], — пишет исследователь проблемы аудирования на русском (родном) языке О. В. Трофимова. С этим утверждением следует согласиться с одной оговоркой: проблему обучения аудированию затронул задолго до методистов-иностранцев отечественный методист-русист Ф. И. Буслаев в своей книге «О преподавании отечественного языка», вышедшей в свет в 1844 году.

Ф. И. Буслаев выделяет три вида речевой деятельности, овладеть которыми должен ученик в рамках гимназического курса обучения русскому языку: «...отечественная грамматика не довольствуется только развитием природного дара слова, но руководствует ученика в искусстве читать, говорить и писать» [3: 68]; «Приводи дитяти все явления языка таким образом, как поступает сама природа, то есть помощью изустного выражения непосредственных представлений, помощью разговора и чтения» [Там же: 54]; «На способность говорить обращаем мы в ученике строгое внимание...» [Там же: 55]. Как видим, ученый называет чтение, говорение и письмо; аудирования в его перечне видов речевой деятельности нет. Но это не означает, что Буслаева не интересовало аудирование. Дело в том, что в отечественной лингводидактике этот термин был введен З. А. Кочкиной, впервые употребившей его в статье «Что такое аудирование?» в 60-х годах XX века, а до этого в методике использовалось терминологическое сочетание «понимание на слух», не вполне отражавшее всю сложность этой рецептивно-мыслительно-мнемической деятельности. Буслаев не занимался изучением слуховой рецепции, как не исследовал он и в чтении механизм «смотрения» — зрительного восприятия текста. Но понимание родной речи было, бесспорно, объектом его исследований.

Не случайно уже во втором предложении первой главы методического руководства «О преподавании отечественного языка» ученый упоминает о двух ипостасях ученика, связанных не с продуктивной, а с рецептивной речевой деятельностью: «Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая никакого внимания на личность читателя или слушателя...» [Там же:

27]. Обе названные роли — читателя и слушателя — объединяет функция понимания информации, поступающей по разным каналам: зрительному и слуховому. «Думание» является основополагающей составляющей аудирования, и глагол «думать» выступает едва ли не ключевым словом в труде Ф. И. Буслаева. Подтверждая свою мысль о необходимости постепенного перехода от практического использования языка к изучению грамматики, Ф. И. Буслаев цитирует А. Дистервега: «Der Volksschüler soll in den Sprache der Gymnasiast über die Sprache denken lernen (Ученик народного училища должен научиться думать на языке, а гимназист о языке)» [Там же: 64]. Предлоги «на» и «о» обозначают здесь, в сущности, этапы обучения «думанию», а значит, и аудированию тоже. Сначала ученик должен научиться слушать тексты (о принципе текстоцентричности обучения русскому языку Ф. И. Буслаев тоже писал), в которых язык не является предметом речи, и «постепенно и нечувствительно» (излюбленный оборот Ф. И. Буслаева) перейти к «думанию» о языке. Но какие темы должны раскрываться в текстах не о языке? Современные программы по русскому языку предлагают главным образом «грамматизированные» темы уроков: «Степени сравнения имен прилагательных», «Разноспрягаемые глаголы», «Обособленные члены предложения» и тому подобные. Впрочем, и во времена Ф. М. Буслаева преподавание отечественного языка испытывало на себе диктат грамматики, но ученый считал приоритетным формирование у учащихся коммуникативной компетенции, как сказали бы мы сейчас, и нашел выход из сложившейся ситуации. «Используя современную терминологию, можно сказать, что автор знакомил учеников с картиной мира — концептосферой, куда включал такие понятия, как «вещь», «мир», «душа», «искусство», «наука», «право», «вера», «судьба» и др.» [6: 80].

Кроме того, Ф. И. Буслаев рассматривает вопросы, которыми в настоящее время занимается психолингвистика — наука, возникшая в начале 50-х годов XX века. Обратимся к определению, которое он дает то ли синтаксической единице, то ли категории логики: «...суждение есть предложение, не выраженное словами, а продуманное

втихомолку» [3: 68]. В этом высказывании обнаруживают себя и проблема внутренней речи, играющей определенную роль в процессе аудирования, и проблема соотношения речи и мышления.

Ф. И. Буслаев почти не оставил «ремарок» (исключая некоторые замечания о «корректуре» диктантов), которые помогли бы словеснику в осуществлении контроля и оценивания результатов аудирования-«думания», но самим результатам он посвятил немало страниц. «...Продукт (результат) слушания реализуется в другом виде деятельности того же человека» [4: 71] — в говорении или письме.

Ф. И. Буслаев сообщает о таком способе воплощения результата аудирования, как составление плана: «Желательно, чтобы в высших классах гимназии ученики дома составляли краткое письменное обозрение того, что услышат в классе от учителя словесности» [3: 127].

Другим продуктом аудирования, о котором упоминается в «Преподавании...», является ответная реплика в диалоге. Вообще говоря, Ф. И. Буслаев тяготел к разговорной, диалогической форме изложения материала. Хотя он и предостерегал учителей от преждевременного «употребления так называемой сократической методы в первоначальном преподавании» [Там же: 32], но отдавал предпочтение диалогу, а не «сплошному рассказу». Это предпочтение отражается в его рекомендации «склонения, спряжения, согласование, управление и т. п. объяснять гейристически, то есть искусными, но простыми вопросами доводить детей, чтобы они сами с первого раза сумели отличать грамматические формы своего языка...» [Там же: 68], в совете «намекать, чтобы сами ученики открывали неизвестное посредством известного» [Там же: 70]. Как известно, успешность коммуникации, «гейристически» организованной, зависит не только от мастерства педагога, но и от умения учеников слушать и слышать «искусные, но простые» вопросы наставника.

Наконец, результатом аудирования, осуществленного учащимися, следует признать записанный ими текст диктанта. Об успешности/неуспешности протекания аудирования учащие-

ся должны во время диктанта, по мысли методиста, периодически предупреждать учителя: «При диктанте учитель, сказав предложение, заставляет нескольких учеников повторить оное, для того чтобы убедиться, что они правильно расслышали» [Там же: 123].

Что же касается итогового контроля результатов аудирования в наши дни, то в связи с этим следует вспомнить об одном чрезвычайно важном в российском образовании событии — введении устной части экзамена по русскому языку в 9-м классе. Для выполнения четвертого, последнего (после чтения, пересказа и монолога) экзаменационного задания девятикласснику нужно принять участие в диалоге, где «собеседники имеют свои персональные роли (экзаменатор — экзаменуемый), и эти ролевые амплуа определяют заданную вопросно-ответную форму коммуникации... По окончании монологического высказывания учащегося экзаменатор-собеседник задаёт три вопроса по теме. Вопросы сформулированы заранее и зафиксированы в карточке собеседника. Обращаем внимание, что вопросы подобраны таким образом, что помогают расширить и разнообразить содержательный и языковой аспект речи экзаменуемого, стимулировать его к использованию новых типов речи и расширению языкового материала» [8: 29].

Вернемся к методическому наследию Ф. И. Буслаева и воспроизведем один из сформулированных им принципов преподавания отечественного языка. Ученый-методист «доказывал, что родному языку нельзя обучать, как чужому...» (цит. по: [2: 44]). Вероятно, и определять уровень владения родным языком нельзя так же, как измеряют уровень владения языком иностранным. Хотя авторы-составители «Методических рекомендаций по оцениванию выполнения заданий итогового собеседования по русскому языку» заявляют, что «при всем богатом методическом опыте проверки устной речи, подобное испытание вводится впервые» [8: 5], следует заметить, что это высказывание истинно только в том случае, если замкнуться в отечественном опыте и ограничиться сравнением российских нововведений с «мероприятиями» советской школы. Если же «открыть

железный занавес», то нетрудно обнаружить сходство (в отдельных случаях до калькирования) итогового собеседования по русскому языку и устного экзамена по иностранному языку и констатировать все-таки вторичность российского «ноу-хау». Повторимся: введение устного собеседования по русскому языку — масштабное событие в российском образовании, но «чужеродность», «заёмный характер» и потому искусственность содержания и структуры этого экзамена, нелогичность и «спонтанность» его по отношению к фактическому состоянию обучения устной речи в современных школах могут способствовать превращению его в формальную процедуру. В свете введения новой формы экзамена по русскому языку следующее высказывание Ф. И. Буслаева звучит особенно актуально: «... безошибочное и точное употребление отечественного языка на практике не довольствуется одним врожденным умением, но руководствуется известными правилами, и особенно у нас, потому что произвол, ложное иностранное влияние, мода и педантизм весьма много испортили врожденный нам дар русского языка. До сих пор обучаются у нас отечественному языку по грамматикам, составленным на образец латинской и греческой» [3: 29–30].

Итак, Ф. И. Буслаев, не употребляя термина «аудирование», тем не менее писал об этом виде речевой деятельности. Он касался феномена внутренней речи, рассматривал вопрос о связи речи и мышления, называл результаты аудирования (план, диктант, ответная реплика в диалоге), размышлял о педагогических условиях достижения этих результатов.

После Ф. И. Буслаева проблему аудирования будут разрабатывать специалисты по методике преподавания иностранных языков и русского как иностранного. Следующее упоминание об аудировании в методике обучения русскому (родному) языку произойдет в статье А. П. Болтунова «Слушание и чтение в процессе обучения» — спустя сто лет после выхода в свет труда Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка».

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Э. Л. Федор Иванович Буслаев: вступ. статья / Буслаев Ф.И. О литературе: исследования; статьи / Сост., вступ. статья, примеч. Э. Афанасьева. М., 1990.
2. Бондаренко М. А. Методическое наследие Федора Ивановича Буслаева (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 4. С. 42–47.
3. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: учеб. пособ. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и литг.». М., 1992.
4. Зимняя И. А. Речевая деятельность и психология речи // Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А. А. Леонтьев. М., 1974. С. 64–72.
5. Ивойлова И. Война и мир в школе. Сколько можно экспериментировать с программой по литературе? // Российская газета. 10 янв. 2017, № 2.
6. Никитин О. В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79–86.
7. Трофимова О. В. Состояние разработки методики обучения аудированию // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. Сер.: Профессиональное образование, теория и методика обучения, 2010. С. 129–130.
8. Цыбулько И. П., Малышева Т. Н. Методические рекомендации по оцениванию выполнения заданий итогового собеседования по русскому языку: проект / Авт.-сост. И. П. Цыбулько, Т. Н. Малышева. М., 2018.

REFERENCES

1. Afanasev E. L. (1990) Fedor Ivanovich Buslaev: vstupil'naia stat'ia [Fedor Ivanovich Buslaev: introductory article] In: Buslaev F.I., ed. *O literature: issledovaniia, stat'i [Literature: research, articles]*. Moscow, pp. 3–28. (in Russian)
2. Bondarenko M. A. (2018) Metodicheskoe nasledie Fedora Ivanovicha Buslaeva (K 200-letiiu so dnia rozhdeniia) [Methodical heritage of Fyodor Ivanovich Buslaev (To the 200th anniversary of his birth)]. *Russkii iazyk v shkole [Russian language at school]*, no. 4, pp. 42–47. (in Russian)
3. Buslaev F. I. (1992) *Prepodavanie otechestvennogo iazyka [Teaching the native (Russian) language]*. Moscow. (in Russian)
4. Zimnyia I. A. (1974) *Rechevaia deyatelnost' i psihologiya rechi [Speech activity and speech psychology]* In: Leont'ev A. A., ed. *Osnovy teorii rechevoi deiatelnosti [Fundamentals of speech activity]*. Moscow, pp. 64–72. (in Russian)
5. Ivoilova I. (2017) *Voina i mir v shkole. Skol'ko mozno ehksperimentirovat' s programmoi po literature? [War and Peace in School. How much can you experiment with the program on literature?]*. *Rossiiskaia gazeta [Russian newspaper]*, vol. January 10th, no. 2. (in Russian)
6. Nikitin O. V. (2018) "Filologiya dukha". Buslaev kak iazykovaia lichnost' (K 200-letiiu so dnia rozhdeniia) ["Philology of the spirit". Fedor Ivanovich Buslaev as a linguistic personality (on the occasion of the 200th anniversary of his birth)]. *Russkii iazyk v shkole [Russian language at school]*, no. 5, pp. 79–86. (in Russian)
7. Trofimova O. V. (2010) *Sostoianie razrabotki metodiki obucheniya audirovaniu [The state of the development of methods for teaching listening]* *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Scholarly notes of Transbaikalian State University]*. Series: Professional'noe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya [Vocational education, theory and methods of teaching], pp. 129–130. (in Russian)
8. Tsybul'ko I. P., Malysheva T. N. (2018) *Metodicheskie rekomendatsii po otsenivaniyu vypolneniia zadaniy itogovogo sobesedovaniia po russkomu iazyku: projekt [Methodical recommendations for assessing the completion of assignments of the final interview in the Russian language: the project]*. Moscow. (in Russian)

Н. В. Богданова-Бегларян

О ВОЗМОЖНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПОМЕХАХ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

NATALIA V. BOGDANOVA-BEGLARIAN
ON THE POSSIBLE COMMUNICATIVE HINDRANCES
IN INTERCULTURAL ORAL COMMUNICATION

К разряду «ценностей», имеющих значение в межкультурной, в том числе устной, коммуникации, традиционно относят фразеологию, отражающую дух народа. Анализ речевого материала обнаруживает множество явлений такого типа, способных усложнить понимание русской речи. Это обильная идиоматика разной степени освоенности и самим русским языком: классические фразеологизмы, пословицы и поговорки; модифицированные или окказиональные идиомы, прецедентные тексты. Без учета такого, во многом «отрицательного», материала невозможно успешное освоение иностранцами русского языка во всем его функционально-семантическом разнообразии.

Ключевые слова: повседневная речь; устная коммуникация; коммуникативная помеха; прагматема; идиома; прецедентный текст; звуковой корпус.

The author argues that traditionally a phraseology reflecting the spirit of the people can be treated as a 'value' that is important in the intercultural, including oral, communication. The analyses of the speech material reveals many phenomena of this type that can complicate the understanding of Russian speech. This is a plentiful idiomatic of varying degrees of assimilation by the Russian language itself: classical/typical phraseological units, proverbs and sayings, modified or occasional idioms, precedent texts. Without taking into account these data, which are in many respects 'negative', it is impossible for the foreigners to learn successfully Russian in all its functional and semantic diversity.

Keywords: everyday speech; oral communication; communicative hindrance; pragmatic item; idiom; precedent text; sound corpus.

**Наталья Викторовна
Богданова-Бегларян**

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► nvbogdanova_2005@mail.ru

Natalia V. Bogdanova-Beglarian

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034, Russia

Изучение иностранного, в том числе русского, языка начинается, как правило, в учебной аудитории. В лучшем случае — с преподавателем, который является его носителем, в худшем (да простят меня иностранные преподаватели-русисты!) — с таким же искусственным билингом, какими станут со временем и учащиеся, его подопечные. Для приближения к естественному языку студентам в процессе обучения предлагают различные аудио- и видеокурсы в лингафонной аудитории, кинокурсы с просмотром аутентичных фильмов на изучаемом языке и, конечно, вводят в активный лексикон обучающихся максимальное количество идиоматического материала, которым русский язык богат чрезвычай-

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ
(проект № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи»)

но. Все это делается для того, чтобы иностранец, оказавшись в среде изучаемого языка (например, на стажировке или даже просто в путешествии по России), не «потерялся» в живой русскоязычной стихии, понимал «уличную» речь, которая — и это давно доказано — существенным образом отличается от «аудиторной», и мог без проблем участвовать в любой коммуникации.

Однако вся эта аудиторная подготовка не избавляет иноязычного говорящего от тех коммуникативных помех, которые неизбежно готовит ему живая языковая среда. И дело здесь, как правило, вовсе не столько в недостаточном лексиконе или низком уровне грамматической подготовки иностранных студентов (этому как раз может научить любой преподаватель), сколько в самой специфике русской устной речи, которая существенным образом отличает ее от кодифицированного литературного языка — главного объекта лингводидактики.

Можно говорить о нескольких особенностях русской устной (прежде всего спонтанной, неподготовленной, в том числе разговорной) речи, которые способны создать коммуникативные помехи в русско-нерусской коммуникации¹.

Прежде всего, это многочисленные, весьма разнообразные и крайне частотные в повседневной русской речи *условно-речевые единицы*, которые объединяются термином *прагматемы* (или *прагматические маркеры* — ПМ). К ним относятся те элементы устного дискурса, которые практически совсем не обладают лексическим значением, слабо связаны с грамматикой, но очень важны с точки зрения прагматики: они помогают говорящему порождать и структурировать дискурс, выражают его отношение к самому процессу речепорождения, а также позволяют так или иначе оценить его результат. Такими единицами буквально наполнена русская устная речь. Они порождаются автоматически (на уровне *речевых автоматизмов*, о которых см. подробнее: [6]), несколько не мешают восприятию смысла носителем языка² и встречаются в речи всех говорящих по-русски³. Эти единицы почти невозможно адекватно перевести на другой язык, но они неизбежно оказываются в «перцептивном поле» слушаю-

щего и воспринимающего носителя другого языка. Предлагаем возможную типологию прагматем русской устной речи (подробнее о ней см.: [2]):

- *дискурсивные (стартовые, направляющие, или навигационные, и финальные) прагматемы* (значит, вот, думаю что, знаешь вот);
- *поисковые прагматемы* (это самое, как его (её, их), как это);
- *прагматемы-рефлексивы* (или как его? или как там правильно сказать? или как там?);
- *прагматемы-аппроксиматоры* (все дела, всё такое (прочее), (и) то (и) другое, то-сё, туда-сюда, пятое-десятое, бла-бла-бла);
- *прагматемы-ксенопоказатели* (типа того (что), вроде того (что), такой, вот);
- *метакоммуникативные прагматемы* (знаешь/те, понимаешь/те, представь/те, да, слышь, прикинь);
- *дейктические прагматемы* (вот здесь вот, вот такое вот, вот так вот);
- *ритмообразующие прагматемы* (вот, там, ну, короче, так);
- *прагматемы самокоррекции* (это, это самое);
- *маркеры нетривиальности* сказанного или готовящегося к произнесению (так скажем, как это, знаете);
- *хезитативы* — маркеры колебаний (раздумий) говорящего (там, это, м-м, э-э, щас-щас-щас).

Подобные единицы, при всей их крайне высокой употребительности в устной коммуникации, в этих своих функциях практически не фиксируются никакими словарями, поэтому остаются, как правило, за рамками учебных пособий и вообще лингводидактики. Очевидно, что иноязычные носители, встретившись с ними в ходе общения с русскими, могут оказаться в затруднительном положении. Словари, к которым иностранцы постараются обратиться за информацией, либо не дадут ее вовсе, либо введут в еще большее заблуждение, так как фиксируют лишь литературные, рекомендованные, употребления подобных единиц. Ср., например, слово *там* в следующих контекстах, где оно выступает отнюдь не в значении наречия места ('в том месте, не здесь') или времени ('потом, затем') [15: 337]⁴:

- (1) *значит я (э) немного зная / а он чуть-чуть русского значит там пару слов может быть*⁵;
- (2) *а на следующий () день это через день () на операционный стол и () отрезали там () *Н полжищечника*;
- (3) *и она как на нас налетела! вот там ты-ты-ты-ты-ты-ты / да мы алкаши там / ну что-то там такое / я не помню.*

Ср. также употребления не менее частотного слова *такой* — отнюдь не в значении указательного или определительного местоимения, что в первую очередь предлагают словари (см., например: [15: 334]):

- (4) *я вчера их встречаю / на улице / ну в «Пятёрочку» / я шла как раз в магазин / а был вечер / полдесятого // я такая / о-о / вы приехали // а у вас завтра занятия будут? / они такие / будут / я говорю / да-а / не повезло мне // а что такое? // а у меня завтра у вас три... два семинара;*
- (5) *когда очень болит // *П ихтиолку / (...) прямо к этой кс... пере... *П к передней пятке / ихтиолку такую намачиваю / тряпку / и на ночь привязываю.*

Уже в приведенных примерах, помимо ПМ, можно видеть и другие единицы, малопонятные иноязычному носителю: *ты-ты-ты-ты-ты-ты* (3), *алкаши* (3), *ихтиолка* (5). В отношении этих элементов звуковой цепи не всегда могут помочь даже словари неформальной (*алкаши*) или профессиональной (*ихтиолка*) лексики. Только русскоязычный преподаватель сможет объяснить студенту, что *ты-ты-ты-ты-ты-ты* — это, по всей видимости, *маркер-аппроксиматор*, заменяющий в данном случае начальную, как правило, стандартную, клишированную и потому не обязательную для проговаривания, часть чужой речи, которую передает говорящий. Все это, несомненно, создает серьезные коммуникативные помехи в любом контакте иностранца с носителями русского языка. См., например, как может выглядеть реальная фраза в русском устном дискурсе (все «вспомогательные», содержательно не значимые, единицы выделены):

- (6) *ну вот // ну значит / приметы // приметы / это дым / когда он стелется когда он это поднимается и когда это самое / ну вот потом значит примета / э-э значит э-э роса / если роса затяжная / то к ненастью // и значит примета / м-м это самое горизонт // если горизонт / ну как бы / в общем так это сжимается / то к хорошей погоде // а если / значит / примета / э-э связанная с рыбой / то значит если рыба затихает / то это к ненастью // так вот;*
- (7) *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут / тут сложнее гораздо / @ да // @ потому что / значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / п... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется / @ да да да // @ да?*

Другими элементами русского устного дискурса, которые могут осложнить межъязыковую коммуникацию, следует признать разного рода *идиоматические* (в первую очередь разговорные) *единицы*, которыми этот дискурс просто избытует и которые в большой степени также не зафиксированы в толковых словарях русского языка.

В широком понимании *идиома* (от др.-греч. *ἰδίωμα* — ‘особенность, своеобразие’) сближается с понятием *фразеологизма*, т. е. оборота речи, который употребляется как некое целое, не подлежит дальнейшему разложению и значение которого не выводится из значений входящих в него слов (см., например: [1]). Вслед за В. В. Виноградовым (см., например: [7]), основными свойствами идиомы в таком понимании следует признать ее *воспроизводимость*, *устойчивость* и *сверхсловность*⁶.

По этим признакам к классу идиом могут быть отнесены самые разные единицы, включая вполне литературные и кодифицированные пословицы (*тише едешь — дальше будешь*), поговорки (*собака на сене*), фразеологизмы (*худо-бедно, если (уж) на то пошло*) и прочие устойчивые формы и выражения (*по совести, как правило, грубо говоря*). Речь сейчас не о них, поскольку эти элементы не могут служить помехой в устной коммуникации и вполне могут быть освоены иноязычными учащимися в ходе аудиторных занятий.

Наряду со «словарными» (зафиксированными в словарях, хотя и не всегда нормативными и рекомендованными к употреблению) единицами такого типа в нашей речи активно функционирует множество других идиом (напомним — в широком их понимании), понятных любому носителю русского языка, но пока либо совсем не попавших в поле зрения лексикографов, либо зафиксированных лишь в специальных словарях неформального языка, которые не слишком часто входят в арсенал преподавателя русского языка как иностранного (РКИ).

Рассмотрим ряд явлений такого рода — из материала корпуса ОРД, фиксирующего наиболее естественную повседневную речь носителей русского языка в типичных коммуникативных ситуациях.

1. Разговорные коллокации, или идиоматизированные конструкции, такие, как *с ума сошёл/снятил/дурной что ли?; серьёзно/правда что ли?; не видишь/слышишь что ли?; знаешь как/кто/что...; такое впечатление/ощущение, что...; (тут) такое дело; (что-нибудь) в таком/этом духе* и под.⁷:

- (8) *покончить са(самоубийством что ли // # ты что / с ума сошла что ли?* человек развивается до самой смерти / и смерть / между прочим / является частью жизни;
- (9) *но это же нас не касается / ты не знаешь что ли?/ всё у других бывает / не у себя / но водит машину она хорошо / очень осторожно;*
- (10) *Настя / *П а в коридор мне надо вот / *П там что-нибудь в таком духе / вот // *П (э-э) в коридоре можно () и это // *П ой / слушай / забыла слово / какие мне обои надо / *П сейчас спрошу / бел... белые без чего-то / *П я слово забыла.*

2. Формы-идиомы (см. об этом понятии: [11]):

- (11) *условия тяжёлые были / это говорит о том / что подбираются кадры очень хорошие / и сразу без никаких начинают / и срабатываются;*
- (12) *страну / кстати / по барабану можно ставить () да не / ну наверное / надо Израиль поставить;*
- (13) *но самое прикольное то @ что теперь по ходу я буду в курсе всего / что происходит в инсте.*

3. Модифицированные пословицы / поговорки / фразеологизмы:

- (14) *(а-а) она кладёшь юмора / да? она () с ней хоть *Н // @ да / да / она интересная // @ я её...;*
- (15) *ну давай на Пряжку как-нибудь () потом // то есть после вот / ворот / давай всё-таки может с той стороны // давай # там мне кажется ближе // *П Пряжка нас ещё / всегда дождётся;*
- (16) *мне вчера этот московский () композитор сказал // *П а я фанат скачивания // *П я () там / всё скачиваю / скачиваю / скачиваю // я уже читать ничего не успеваю / что скачиваю / но всё равно буду скачивать // пусть будет // *С *П *В это говорит болезнь // @ пока есть возможность / да / пока есть возможность // @ да-да-да // # на хляву и(:) хлорка творог / как говорится;*
- (17) *то есть они () ну там () сказали что(:) () признали за своего // *П ну () я не очень рвусь туда / ты знаешь // *П так // # туда... # куда нам уже / # надо что-то вытряхнуть из души / да? сердца.*

4. Окказиональные (контекстуальные) идиомы:

- (18) *за шестьдесят дней это по... рядочно (э) / даже если это там какую-то копеечку стоит небезумную;*

- (19) *м-м / *П а / ты же поэт / да / точно // *П # вы мне льстите // *П # причём лезет всякая ерунда в голову *С *Н // *П *В # нормально // # таких фольклорных стишков / можно? *П # всяка дурка в бошку их / фольклорные стишки // *П поможем же немножко / *П другу другу;*
- (20) **В слушай // Кирилл мне вчера заявил(:) такой / *П я / говорит / посмотрел / *П лучше / говорит / я тебе новый компьютер соберу / полностью // *П я говорю / Кирилл / только винчестер оставь / он там типа это / он... а он такой / а он загруженный? я говорю / так ты сам его загружал / @ угу // @ и вообще он новый / на двести гигов / а он такой / а / *П понял // *С @ *С @ то есть он мог бы его куда-нибудь в хлам / определить запросто.*

5. Прецедентные тексты, в том числе модифицированные:

- (21) *ты хочешь кофе? *П их есть у меня!* [строка из одесской песни, начинающейся словами: *Вы хотите песен? — Их есть у меня!* и пародирующей известный роман Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у меня» (1912)];
- (22) *сейчас буду уже собираться // *П // # отлично // *П отлично / *П хорошо пришёл // *П // # да(:) // *П ты удачно пришёл // *П // # ну ладно / скачивай у меня!* [несколько измененная фраза *Это я удачно зашёл* — цитата из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию» (1973)];
- (23) *столько сделать / перелопатить / мама не горюй грубо говоря* [цитата из к/ф «Мама не горюй» (1998)];
- (24) *военный патруль до сих пор тут? # да? *П (:): эй... #... их затопливает // *Н находится /... на шхуне! @ *Н // *С *П # Верецагин / уходи с баркаса!* [цитата из к/ф «Белое солнце пустыни» (1970)].

В последнем примере (24) использование прецедентного текста превращается уже в языковую игру, в которой принимают участие оба собеседника (знак # в расшифровках означает меню говорящих, знак @ — наложение их речи). Иными словами, для русскоязычных носителей такое цитирование (прежде всего — известных фильмов) — вещь обычная и привычная, они не только понимают подобные фрагменты, но и включают в их игровое употребление. Вряд ли это под силу любому иностранцу, даже с самой блестящей языковой подготовкой.

Наконец, серьезные коммуникативные помехи в межкультурном языковом общении могут создать многочисленные лексические окказионализмы, которыми также изобилует наша повседневная разговорная речь, ср.:

- (25) после резекции конечно желательно так это () **выгадать** / чтобы у вас потом *В три-четыре дня были свободны / чтобы вы могли дома отлежаться **оклематься**;
- (26) я **шизею** как она работала;
- (27) ну то есть имеет смысл / да / как бы не... @ просто я... @ не... не **гонево** / тебе(:) / больше не кажется / что это всё обман;
- (28) столько сделать / **перелопатить** / мама не горюй **грубо говоря**.

Нет сомнения, что преодолеть подобные коммуникативные помехи в межъязыковом (русско-нерусском) общении можно только одним способом: введением в учебные материалы и в практику преподавания РКИ текстов реальной, естественной повседневной русской речи, во всем ее функциональном и содержательном своеобразии. Помочь в этом может обращение к речевым корпусам, которых сейчас становится все больше⁸.

Нет также сомнения в том, что введение подобного материала возможно только на очень продвинутом этапе обучения русскому языку, когда учащиеся способны понимать и обсуждать общетеоретические проблемы лингводидактики и заинтересованы в общении с носителями русского языка в максимально реальной («уличной»), в противоположность аудиторной и академической) языковой среде. До этого подобный материал можно вводить в учебный процесс небольшими порциями — например, отдельные стойкие речения с достаточно стабильным значением, что требует, без сомнения, особого (дидактического) отбора и экспериментальной проверки каждой единицы.

Кроме того, речь ни в коем случае не идет об обучении употреблению/использованию в речи таких единиц, а только — об их правильном восприятии и понимании, которое, по всей видимости, невозможно без помощи (русскоязычного!) преподавателя или специальных методических пособий. Минимальным таким пособием может стать, например, «Словарь прагматических маркеров русской разговорной речи», работа над которым ведется сейчас на филологическом факультете СПбГУ (см. о нем: [2; 17; 18]), или систематизированные списки разного рода

«нетривиального», которым столь богата наша повседневная речь (см.: [3]). Так или иначе, все изложенное в этой статье может стать поводом к размышлению и обсуждению в кругах преподавателей РКИ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В других терминах, это разновидности «нетривиального», которым очень богата наша повседневная речь и которое порождает многочисленные потенциальные коммуникативные помехи — см. об этом, например: [3].

² См., например, о специальных экспериментах на эту тему: [13].

³ Об отличии ПМ от *дискурсивных маркеров* (ДМ), достаточно хорошо разработанных и в отечественной, и в зарубежной научной литературе, см. также: [18]. Суммируем эти различия еще раз: ДМ порождаются говорящим сознательно, являются полноценными единицами любого (устного и письменного) дискурса, обладают лексическим и грамматическим значением (*теперь, снова, на этот раз, конечно, вероятно, во-первых* и под.). ПМ порождаются на уровне речевых автоматизмов (несознательно), лишены лексического, а зачастую и грамматического значения, на смену семантике и грамматике исходных форм, из которых и рекрутируются ПМ, приходит их функция в тексте, по преимуществу — устном (примеры см. выше). Общим для ДМ и ПМ является их помощь говорящему в построении и структурировании дискурса. ДМ могут выражать сознательное отношение говорящего к предмету речи (например, вводные слова), ПМ вербализуют отношение говорящего к самому процессу речепорождения включая все затруднения и колебания в ходе этого процесса. ДМ фиксируются всеми словарями русского языка, ПМ находятся вне лексикографической фиксации, а потому — и за рамками лингводидактики.

⁴ Все примеры в статье — из корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), о котором см. подробнее: [4; 5; 14].

⁵ Об особых знаках расшифровки (транскриптов) материала ОРД (*Н, (), э), (...), *П и под.) см. подробнее: [14: 242–243].

⁶ Заметим, что точно такие же свойства характерны и для прагматем: *устойчивость, сверхсловность* (с некоторыми исключениями, как и в классе идиом) и *воспроизводимость* в речи разных говорящих. Прагматемы отличаются от идиом только еще более повышенной частотностью, отсутствием лексического значения и наличием прагматического, отсутствием образности, а также принадлежностью практически исключительно к устному дискурсу.

⁷ Понятия *конструкции* и *коллокации* в коллоквиалистике тесно между собой связаны, что отмечали уже и сами основатели *Грамматики конструкций* (СхГ) — см., например: [19]. Под *конструкцией* понимаются при этом «языковые единицы любого уровня, если они обладают формой и содержанием, так что их элементами могут быть и морфе-

мы, и слова, и предложения», это любое «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [12: 19]. Под *коллокацией* принято понимать неоднословную, устойчивую и регулярно встречающуюся языковую единицу [20], «лексико-фразеологически обусловленную сочетаемость слов в речи как реализацию их полисемии» [1: 193], «статистически устойчивые словосочетания» [8: 138] или «элементы, которые так часто встречались вместе, что слились в одну семантическую единицу, как, например, eat-breakfast 'завтракать'» [16: 73].

⁸ См. одни из первых работ по использованию материалов ОРД в этом направлении: [9; 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27), 2014. С. 7–20.
3. Богданова-Бегларян Н. В. «Нетривиальное» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 9–30.
4. Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В. и др. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków, 2015. С. 357–372.
5. Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В. и др. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (AR³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб., 2017. С. 14–20.
6. Верхолетова Е. Ю. Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010.
7. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М., 1986.
8. Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по матер. ежегодной Междунар. конф. «Диалог». Вып. 9 (16). М., 2010. С. 136–143.
9. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2014.
10. Зобнина Е. А. Перспективы использования Звукового корпуса «Один речевой день» в преподавании русского языка как иностранного // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 99–103.
11. Лекант П. А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965. С. 41–43.
12. Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М., 2010. С. 18–81.
13. Риехакайнен Е. И. Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи (на матер. русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.
14. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб., 2016.
15. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. С–Я / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1988.
16. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 60–88.
17. Bogdanova-Beglarian N., Baeva E., Blinova O. et al. Towards the Description of Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech // Speech & Computer. SPECOM-2018. Lecture Notes in Computer Science, vol. 11096. / Eds.: A. Karpov, O. Jokisch, R. Potapova. Springer, Cham, 2018. P. 42–48.
18. Bogdanova-Beglarian N., Filyasova Yu. Discourse vs. Pragmatic Markers: A Contrastive Terminological Study // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, SGEM-2018 Vienna ART Conference Proceedings, 19–21 March, 2018. Vol. 5, Iss. 3.1. P. 123–130.
19. Fillmore Ch., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language. Vol. 64. № 3. 1988. P. 501–538.
20. Firth J. R. Papers in Linguistics, 1934–1951. Oxford University Press, 1957.

REFERENCES

1. Akhmanova O. S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of the Linguistic Terms]. Moscow. (in Russian)
2. Bogdanova-Beglarian N. V. (2014) Pragmatemy v ustnoi povsednevnoi rechi: opredelenie poniatia i obshchaia tipologiya [Pragmatemes in Spoken Everyday Speech: Definition and General Typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], iss. 3 (27), pp. 7–20. (in Russian)
3. Bogdanova-Beglarian N. V. (2017) «Netrivial'noe» v povsednevnoi ustnoi kommunikatsii: opyt sistematzatsii [«Non-trivial» in Everyday Communication: the Trial of Systematization]. *Kommunikativnye issledovaniia* [Communicative Studies], no. 4 (14), pp. 9–30. (in Russian)
4. Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovskii A. S., Blinova O. V. et al. (2015) Zvukovoi korpus russkogo iazyka: novaia metodologiya analiza ustnoi rechi [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]. In: Shumska D., Orzga K. *Iazyk i metod: Russkii iazyk v lingvisticheskikh issledovaniakh XXI veka* [Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century], iss. 2. Kraków, pp. 357–372. (in Russian)
5. Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstynova T. Ju., Blinova O. V. et al. (2017) Korpus «Odin rechevoi den'» v issledovaniakh sotsiolingvisticheskoi variativnosti russkoi razgovornoj rechi [Corpus «One Speaker's Day» in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. In: Kocharov D. A., Skrelin P. A., eds. *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR³-2017): Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminar* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017): Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar]. St. Petersburg, pp. 14–20. (in Russian)
6. Verkholetova E. Ju. (2010) *Strukturno-dinamicheskii podkhod k sotsial'noi stratifikatsii ustnoi rechi* [Dynamic Structure Approach to the Social Stratification of Speech] (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Perm State University, Perm. (in Russian)
7. Vinogradov V. V. (1986) *Russkii iazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language: Grammatical Teaching about the Word], 3rd ed. Moscow. (in Russian)
8. Zakharov V. P., Khokhlova M. V. (2010) Analiz effektivnosti statisticheskikh metodov vyivleniia kollokatsii v tekstakh na russkom iazyke [Analysis of the Effectiveness of Statistical Methods for Identifying Collocations in Texts in Russian]. In: *Kompiuternaiia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ehzhodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Contains the Selected Materials of the annual International Conference «Dialogue»], iss. 9 (16). Moscow, pp. 136–143. (in Russian)

9. Bogdanova-Beglarian N. V., ed. (2014) *Zvukovoi korpus kak material dlia analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech], part 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza [Theory and Practice of Speech Analysis], vol. 1. O nekotorykh osobennostiakh ustnoi spontannoi rechi raznogo tipa. Zvukovoi korpus kak material dlia prepodavaniia russkogo iazyka v inostrannoi auditorii [Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Base for Material for the Teaching of Russian as a Foreign Language]. St. Petersburg. (in Russian)
10. Zobnina E. A. (2009) Perspektivy ispol'zovaniia Zvukovogo korpusa «Odin rechevoi deni» v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo [Perspective of Using the Speech corpus of the Russian Language "One Speaker's Day" in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 4, pp. 99–103. (in Russian)
11. Lekant P. A. (1965) K voprosu o formakh-idiomakh v russkom iazyke [Forms-Idioms in Russian]. In: *Problemy frazeologii i zadachi ee izucheniia v vysshei i srednei shkole* [Problems of Phraseology and Objectives of its Study in Higher and Secondary School]. Vologda, pp. 41–43. (in Russian)
12. Rakhilina E. V., Kuznetsova Iu. L. (2010) Grammatika konstruktiv: teorii, storonniki, blizkie idei [Grammar of Constructions: theories, supporters, close ideas]. In: Rakhilina E. V. *Lingvistika konstruktiv* [Linguistics of Constructions]. Moscow, pp. 18–81. (in Russian)
13. Riekhakainen E. I. (2010) *Vzaimodeistvie kontekstnoi predkazuemosti i chastotnosti v protsesse vospriiatii spontannoi rechi (na materiale russkogo iazyka)* [Interaction of Contextual Predictability and Frequency in the Process of Perception of Spontaneous Speech (Based on Russian Language)] (Candidate's thesis, Philology). St. Petersburg State University, St. Petersburg. (in Russian)
14. Bogdanova-Beglarian N. V., ed. (2016) *Russkii iazyk povsednevnogo obshcheniia: osobennosti funktsionirovaniia v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Everyday Russian Language in Different Social Groups]. St. Petersburg. (in Russian)
15. Evgen'eva A. P., ed. (1988) *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian Language], in 4 vols., vol. 4. Moscow. (in Russian)
16. Cheif W. (2015) Na puti k lingvistike, osnovannoi na myshlenii [On the Path to Linguistics, based on Thinking]. In: *Iazyk i mysl': sovremennaia kognitivnaia lingvistika* [Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics]. Moscow, pp. 60–88. (in Russian)
17. Bogdanova-Beglarian N., Baeva E., Blinova O. et al. (2018) Towards the Description of Pragmatic Markers in Russian Everyday Speech. In: Karpov A., Jokisch O., Potapova R. *Speech & Computer. SPECOM-2018. Lecture Notes in Computer Science*, vol. 11096. Springer, Cham, pp. 42–48. (in English)
18. Bogdanova-Beglarian N., Filyasova Yu. (2018) Discourse vs. Pragmatic Markers: A Contrastive Terminological Study. In: *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, SGEN-2018 Vienna ART Conference Proceedings*, 19–21 March, 2018. Vol. 5, iss. 3.1, pp. 123–130. (in English)
19. Fillmore Ch., Kay P., O'Connor M. C. (1988) Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*, vol. 64, no. 3, pp. 501–538. (in English)
20. Firth J. R. (1957) *Papers in Linguistics, 1934–1951*. Oxford University Press. (in English)

[хроника]

ДИКТАНТ, ЖИВОЙ КАК ЖИЗНЬ

(Начало на с. 76)

работы автору были отправлены замечания и предложения, призванные сделать текст более удобным для диктовки. Штаб обсудил несколько новшеств, которые ждут диктант в 2019 году, — их приберегли для пресс-конференций и сообщений в СМИ. А кроме того, участники стратегической сессии высадили в ботаническом саду Челябинского государственного университета первую в мире аллею Тотального диктанта. Рядом с каждым из тридцати трех (по числу букв русского алфавита) хвойных растений установлена табличка с каким-либо важным понятием или именем, связанным с Тотальным диктантом или русским языком.

Нет сомнений, что высаженные лиственницы и можжевельники будут жить долгой счастливой жизнью под присмотром специалистов из ЧелГУ и радовать гуляющих по аллее челябинцев. Иначе просто не может быть, ведь и сам диктант — это живой организм, который растет и развивается на радость поклонникам грамотности и русского языка.

Тотальный диктант нацелен на то, чтобы показать, что быть грамотным — важно для каждого человека; убедить, что заниматься русским языком нелегко, но увлекательно и полезно; объединить всех, кто умеет или хочет писать и говорить по-русски.

В 2018 году к акции присоединился 1021 населенный пункт в 76 странах мира, из них 720 населенных пунктов — в России. Больше всего участников собралось в Москве — 20 тысяч, Санкт-Петербурге — 10 тысяч, Новосибирске — 7 тысяч.

Тотальный диктант проходит на всех шести континентах Земли, включая Антарктиду, где уже шестой год

пишут текст наши полярники. В 2014 и в 2018 годах в акции участвовала Международная космическая станция в лице российского космонавта Олега Артемьева. С 2016 года возможность написать диктант прямо во время полета получают пассажиры одной из российских авиакомпаний (S7 Airlines).

Среди необычных мест проведения диктанта — Красноярская и Иркутская гидроэлектростанции, ледовый дворец спорта в Таллине, колесо обозрения в Челябинске, высокогорный троллейбус, курсирующий между Ялтой и Симферополем в Крыму.

Авторами текста для Тотального диктанта становились Борис Стругацкий (2010), Дмитрий Быков (2011), Захар Прилепин (2012), Дина Рубина (2013), Алексей Иванов (2014), Евгений Водолазкин (2015), Андрей Усачёв (2016), Леонид Юзефович (2017), Гузель Яхина (2018).

Одна из важнейших составляющих акции «Тотальный диктант» — сайт totaldict.ru. Только здесь участники могут зарегистрироваться на площадку, а после написания диктанта и его проверки — узнать результат в личном кабинете. На сайте же можно написать текст онлайн — в 2018 году этой возможностью воспользовались 24,5 тысячи человек. Кроме того, здесь проводятся онлайн-курсы по русскому правописанию, онлайн-трансляции с площадок в крупных городах, голосование за столицу акции, публикуются новости проекта.

Наталья Кузнецова,
канд. филол. наук, доцент Тюменского гос. ун-та,
член Экспертного совета международной
образовательной акции «Тотальный диктант»

О. К. Грекова

МОДАЛЬНО-АСПЕКТУАЛЬНАЯ ПОРОЖДАЮЩАЯ ВЕТКА ЗНАЧЕНИЙ КАК ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ РКИ

OLGA K. GREKOVA

MODAL-ASPECTUAL GENERATIVE BRANCH OF MEANINGS
AS A FORM OF TEACHING MATERIAL REPRESENTATION
IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEACHING CLASS

Статья посвящена созданию единой модально-аспектуальной классификации субъектно-модальных значений семантического поля желания/намерения в русском языке и представлению её с помощью нетрадиционного метода — комплексной модально-аспектуальной порождающей ветки значений. Представлены 18 субъектно-модальных значений и 74 языковых средства их выражения. В ней обсуждаются достоинства и недостатки матричного метода и метода порождающей ветки представления учебного материала в функциональном курсе РКИ.

Ключевые слова: субъектно-модальные значения; семантическое поле желания/намерения; единая модально-аспектуальная классификация; матрица; порождающая ветка; метод представления учебного материала в курсе РКИ.

The article concerns the creation of General Modal-Aspectual Classification of Subjective-Modal meanings in Russian Wish/Intention semantic field, as well as its presentation via non-traditional complex Modal-Aspectual sense generating branch method. There are 18 Subjective-Modal meanings and 74 language means of their expression presented in the work, and two methods (Matrix and Generative Branch) are being discussed in terms of their advantages and disadvantages referring to RFL teaching sphere.

Keywords: subjective-modal meanings; wish/intention semantic field; general modal-aspectual classification; matrix; generating branch; method of presenting the educational RFL material.

**Ольга Константиновна
Грекова**

Кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

► olggre@list.ru

Olga K. Grekova

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

I. Модальные значения в курсе РКИ

Известно, что модальность в русском языке не является грамматической категорией и её стратификация проводилась разными исследователями по-разному. Традиционный синтаксис выделяет **объективную модальность** (отношение высказывания к действительности) и **субъективную** (отношение говорящего к сообщаемому), но в рамках последней некоторые авторы (как, например, М. А. Шелякин, Г. А. Золотова и др.) выделяют **субъектную модальность** (отношения между действием и его субъектом). Данный тип именуется внутрисинтаксическим в отличие от первых двух [5; 6] и рассматривается как составной компонент фактического содержания предложения. То есть субъектную модальность трактуют не как некое свойство обозначаемого, но как само это обо-

значаемое. Модальное значение в этом случае заключено в семантике слов определённых классов. Таким образом, субъектную модальность можно назвать лексической.

Множество исследований было посвящено описанию модальных значений (к которым относят желание, возможность, необходимость, долженствование, оценку и др.), реализуемых как модальными глаголами (*мочь, уметь* и под.), так и не собственно глагольными языковыми средствами (словосочетания, фразеологические единицы и проч.).

II. Матрица или порождающая ветка (представление учебного материала модальности в курсе РКИ)

Модальные значения присутствуют во множестве курсов РКИ разных этапов истории этой учебной дисциплины. Они даются вне дифференциации приведённых выше трёх типов [1: 605–661] и упорядочиваются по-разному. Часто формой предъявления учебного материала этого семантического поля является таблица (матрица). Приведём в пример метод представления модальных значений одного из классиков функциональной лексикологии, И. П. Слесаревой.

Выражение желательности [4: 147–148].

1. Желание, стремление, непосредственная потребность совершить какое-либо действие.

Модель	Пример
<i>Кто + хочет + инф.</i>	<i>Я хочу куда-нибудь съездить.</i>
<i>Кто + хотел бы + инф.</i>	<i>Я хотел бы куда-нибудь съездить.</i>
<i>Кому + хочется + инф.</i>	<i>Мне хочется куда-нибудь съездить.</i>
<i>Кому + бы + инф.</i>	<i>Мне бы куда-нибудь съездить.</i>

2. Желание, чтобы произошло самое важное или единственно важное в данных обстоятельствах действие. То, что является предметом желаний, о чём говорящий мечтает — маловероятное действие.

Модель	Пример
<i>Только бы, лишь бы + инф.</i>	<i>Только бы добраться до города, а остальное всё устроится. Лишь бы успеть, лишь бы не опоздать.</i>

<i>Хоть бы + инф.</i>	<i>Хоть бы добраться до города, сил уже больше нет.</i>
<i>Если бы, вот бы, хорошо бы + инф.</i>	<i>Вот бы добраться до города! Хорошо бы добраться до города!</i>

Такова традиционная табличная, или матричная, форма представления модальных значений курса РКИ.

Целью настоящей работы является обсуждение возможности принципиально иного метода представления модального материала, или **метода ветки**.

Предлагаемые в настоящей работе классификация и представление модальных и соположенных им значений современного русского языка в известной мере являются проверкой гипотезы Р. Д. Брехта, высказанной им относительно возможности расширения границ линейного представления описываемого им, прежде всего, аспектуального материала. Его в первую очередь интересовало свойственное, в частности славянским языкам, универсальное представление о фазовости как трёхчленной конфигурации (начало-продолжение-конец).

Изучая временные и отчасти аспектуальные явления языков славянской и иных семей, Р. Д. Брехт высказал идею продуктивности удлинения анализируемого в таких случаях временно-го отрезка, что позволило ему различать не только три фазы, но уже несколько типов фаз, а именно:

- 1) состояния;
- 2) процессы;
- 3) цели [8: 10].

Для нас идеи Р. Д. Брехта интересны потому, что позволяют **по-новому связать воедино**: а) три значительных, особенно для функционального курса русского языка, блока языковых явлений: явления темпоральные, модальные и аспектуальные; б) несколько тем учебного курса РКИ, в первую очередь вид глагола и глаголы движения.

Следует отметить, что в нашем исследовании мы исходим из концепции модальности как «комплекса актуализационных категорий» [2: 59].) Под аспектуальностью мы понимаем тип протекания действия, отмечая широкие возможности говорящего по части ранжирования и актуализации тех или иных аспекту-

альных признаков данного положения дел. Аспектуальные и модальные значения близки друг другу по крайней мере по двум причинам. Аспектуальность и модальность имеют общую базу — распределение действий и состояний во времени — и при этом то или иное осознание его метрических свойств.

Кроме того, модальность можно представить в качестве одной из фаз действия, именно его **модальной предфазой** (например: *решил предпринять, решился сказать, смог доказать, успел осуществить, пытался научиться, договорились встретиться*). При этом предложения с некоторыми модальными глагольными и неглагольными языковыми средствами имеют своеобразную временную перспективу, они проспективны. Например, предложения с модальными словами *должен, обязан, нужно, надо* с инфинитивом преимущественно совершенного вида, формально относящиеся к плану настоящего, охватывают настоящее/будущее: *Я должен ответить на его письмо* предполагает действие в будущем так же, как в настоящем. Имеются и другие релевантные для аспектологии особенности таких предложений.

Итак, вслед за лексикографами, расширившими тот фрагмент реальности, который был нужен, в частности, для описания явления каузации, аспектологи сочли нужным аналогичным образом удлинить принимаемый во внимание временной отрезок, занимаемый осуществлением конкретного действия или протеканием состояния, за счёт модальной фазы, предшествующей непосредственно действию/состоянию, а также и разнообразных следующих за ним действий/состояний, стивов-результативов, возникших в результате его реализации. Так возникают **предфаза и постфаза**.

Например, во фразе *Иван бежал из дома в магазин* финский аспектолог А. Мустайоки обнаруживает:

- а) фазу статического состояния (*Иван был дома*);
- б) поворотный момент (*Иван выбежал из дома*);
- в) динамический процесс (*Иван бежал*);
- г) поворотный момент-кульминацию (*Иван прибежал в магазин*);
- д) результативное состояние (*Иван в магазине*) [7: 238].

Некоторые финские аспектологи, как, например, Х. Томмола, пошли дальше и стали рассматривать различные типы поворотных моментов, в первую очередь:

- 1) такие, которые только сигнализируют изменения;
- 2) такие, которые сами являются неизбежным началом такого изменения.

Создание названного выше единства позволяет, таким образом, увидеть в аспектуальном значении «действуйте немедленно» начальную темпоральную фазу действия в совокупности с модальным значением волеизъявления (просьба, приказ), а в значении «аннулированный результат», «результативное местоположение предмета» (как, например, в *Я оставляла ребёнка у бабушки*) результативную фазу действия. Такой подход позволяет также расширить сам круг аспектуальных значений, причислив значения цели и результата к аспектуально релевантным.

Особенность категории глагола русского языка заключается в том, что он выражает, как сам по себе, так и в соответствующем контексте, комплекс модально-аспектуальных смыслов. В этой связи трудно согласиться с утверждением А. Мустайоки, что «...нецелесообразно характеризовать одно и то же положение вещей более чем одной чертой аспектуальности или модальности» [Там же: 236].

Практика преподавания РКИ свидетельствует, что каждое положение дел — это комплекс модально-аспектуальных смыслов, который должен быть распознан учащимся прежде его речевых действий. За осознанием этого конкретного набора должно следовать:

- 1) ранжирование смыслов;
- 2) выбор смысловой доминанты.

III. Единая модально-аспектуальная классификация субъектно-модальных значений семантического поля **желание/намерение**

На этих основаниях мы предлагаем комплексную модально-аспектуальную классификацию субъектно-модальных значений современного русского языка смысловой зоны желания/намерения. Она выбрана нами как одна из наи-

более прозрачных по составу и, соответственно, умопостигаемых.

Мы рассмотрим данные модальные значения и средства их выражения в предложениях одного синтаксического типа — инфинитивных предложениях современного русского языка. Это выбор объясняется тем, что интересующие нас средства выражения субъектной модальности в сочетании с инфинитивом дают однозначные синтаксические модели и, соответственно, легче поддаются интерпретации в иностранной аудитории.

Таким образом, в классификацию субъектно-модальных значений нами включены и некоторые аспектуальные значения, коль скоро они неразрывно связаны друг с другом.

1. Желание (*желать, хотеть, мечтать, изволить, только и ждёт, только и мечтает, только и жаждет*):

Анна стояла на капитанском мостике и желала только одного — поскорее ступить на берег (Паустовский). Выехать хотели ещё затемно (Шукшин). Но если я умру молодой, то я мечтаю хотя бы издать свой дневник, который не может не быть интересным (М. Башкирцева). Князь сейчас спустится. Изволите подождать? (Толстой). Он только и жаждет поговорить с вами решительным образом. А вы, разве вы не желаете выйти замуж? (Сергеев-Ценский). Да он только и мечтает увидеть Вас снова (Толстой).

2. Намерение (*собираться, готовиться, планировать, намереваться, вознамериться, надумать, обещать, взяться, клясться, клясться и божиться, затеять*):

Если я не умру молодой, я собираюсь остаться на земле как великая художница (М. Башкирцева). Она подождала и готовилась позвонить снова (Довлатов). Мы планировали пообедать и прокатиться на двух маленьких лошадаках, возивших низкую тележку (Довлатов). На углу Симеоновской я зашла в цветочный магазин. Хотя не намеревалась покупать цветы (Берберова). Надумали ехать? Канатная дорога скоро закрывается. Обещал показать летние фото, если не шутка, конечно (Е. Гришковец). Раз уж взялся подготовить доклад — изволь (Слаповский). И вознамерился он ни больше ни меньше как перешигнуть через две ступени нашей служебной лестницы (АиФ). Тогда он поклялся отмстить (М. Лермонтов). Помню, он клялся и божился не оставлять приход (Дмитриева). Всю родню затеяли на свадьбу созвать (Л. Улицкая).

Особую подгруппу составляют сочетания со значением намерения, передаваемым **глаголами движения**:

Теперь наверняка побежит извиняться. Ну что, идёшь/пошёл ябедничать? (при этом собеседник стоит на месте). А дети уже отправляются спать. Дети, вы меня слышите? (дети при этом не двигаются с места, реальное движение отсутствует).

3. Готовность/решимость (*решиться, отважиться, осмелиться, собраться с силами, собраться с духом; набраться сил/смелости/наглости*):

Не решится он пойти на такой серьёзный шаг, никогда не решится (АиФ). И что же? Я отважилась зайти в редакцию, не дожидаясь звонка (Н. Берберова). Наконец, он осмелился подойти ближе (И. Бунин). Вот и набрался Василий смелости шагнуть вперёд (Шукшин).

4. Принятие решения (*решил, поспешил, обязался*):

Неужто вы решили ехать, Лариса Дмитриевна? (А. Островский). От неё поспешили отвернуться (Л. Толстой). Он обязался заплатить рыбаку за загубленную лодку (В. Астафьев).

5. Альтернатива решения (*выбрать*):

С некоторым сомнением я выбрал ехать (Е. Гришковец).

6. Вынужденность решения (*пришлось, вынужден, предстоит, досталось*):

В лужах всё ещё вскипали водяные человечки. Но мне пришлось обойтись без зонтика (В. Токарева). Он вынужден был сопровождать нас (М. Башкирцева). Ещё предстоит уговорить Викниксора, поздравляю (А. Макаренко). А мне досталось готовить шашлыки (З. Прилепин).

7. Попытка, старание (*пытаться, пробовать, стараться*):

Пытался обойти его и слева, и справа — уже без лыжи, прямо по целине (АиФ). Пробовал стереть салфеткой — не получалось (З. Прилепин). Как ни старался я всё забыть, разговор всё всплывал в памяти (К. Чуковский).

8. Модальная фазовость:

а) **начальная фаза** (*пора*). Сочетание типа *пора ехать* мы рассматриваем в отличие от других авторов не как временное, а как модальное, другими словами, как значение необходимости в актуальный момент времени, как сигнал приступа к действию:

Однако, *пора уж ехать!* (А. Пушкин);

б) **конечная фаза (остаться):**

Осталось только попрощаться со всеми (А. Чехов).

9. Аспектуальная фазовость:

а) **начальная фаза (начать, стать, приняться, взяться):**

Бывало, по целым часам слова не добьёшься, зато уж иногда **как начнёт рассказывать**, так животики надорвёшь со смеха (М. Лермонтов). И **стал он представлять себе** эту курносенькую хохотушку с этим её носиком в её тридцать пять (Шукшин). Тогда **принялся он сам грузить железо это** (Шукшин). А где Надя? — **Взялась печь блины** (А. Маринина);

б) **средняя фаза (продолжать):**

Продолжаешь дуться? Полно, не сердись! (Л. Толстой);

в) **прерванное действие (снова стать, снова начать):**

Снова стал начищать лыжи воском (Ю. Казаков). Он **снова начал воскрешать** в памяти давешний разговор (Слаповский);

г) **конечная фаза (перестать, закончить, кончить, окончить):**

Я перестал думать об этом. И без него выздоровею (М. Горький). Отец Анны давно **кончил ходить** на парусниках (Паустовский).

10. Успех (получилось, удалось):

Получилось всё же выпустить книгу (Н. Берберова). Ну как, **удалось договориться?** (АиФ).

11. Случайный успех (довелось, выпало):

Довелось видеть и Тарковского-старшего (А. Демидова). **Выпало** новую модель самолёта **доводить до ума** (Гарнаев).

12. Реализованный шанс (не преминул):

Он **не преминул раскритиковать** всё в пух и прах (К. Чуковский).

13. Неуспех (не удалось, не получилось, никак не):

Так и не удалось больше свидеться (Чехов). **Не получилось вспомнить** самое начало писательского труда (Паустовский). **Никак этот старинный замок не открыть.**

14. Привычность действия (привыкнуть, научиться, приспособиться):

Мы потихоньку привыкли не замечать друг друга (Е. Гришковец). **Научился он, наконец, слушать и не слышать** (Довлатов). **Приспособилась и Наташа проходить по скользкому наклонному настилу уверенно.** (Т. Толстая).

15. Несоответствие (не годится, не пристало, не подходит):

Молчать не годится. Не пристало ему, в его возрасте, бегать как мальчишке (Искандер). **Не подходит** гувернантке **держаться так** (Голсуорси).

16. Соответствие (не возбраняется, годится):

Критиковать в ходе семинара не возбраняется; Бегать в парке до работы нам годится.

17. Бенефактив (получение выгоды, выигрыша в рамках некоторой ситуации: повезти, посчастливиться, довелось, выпала удача, выпало счастье, выпала счастливая карта; выпал счастливый билет):

Повезло же ему сразу попасть в штат редакции (МК). Нескольким студентам посчастливилось поехать на стажировку в Прагу, довелось попасть на заседание Пражского лингвистического кружка. Выпала удача встретить старинного моего друга Мишу в аэропорту и на службу не опоздать (Гришковец). *Ничего не скажешь, выпал ему счастливый билет жениться на такой красавице и умнице* (Л. Улицкая).

18. Перформативное решение (решить):

Мы решили открыть конференцию, не дожидаясь опоздавших.

Заметим, что взаимопроникновение функционально-семантических категорий модальности и аспектуальности вынуждает преподавателя РКИ при формировании объяснительной модели явления остерегаться соскальзывания в смежную область, например: термин *обычное, привычное действие* используется в качестве названия одного из аспектуальных значений, передаваемых формами НСВ, а понятие *привычность действия* — одно из субъектно-модальных значений.

Исходя из приведённых постулатов, мы построили комплексную модально-аспектуально-темпоральную классификацию языковых средств выражения субъектно-модальных значений. Мы попытались сложить эти значения в логическую цепочку, где одно такое значение вырастало бы из другого. При этом оказалось необходимым

включить в неё на стартовом уровне прототипические значения желания и намерения, вырастающие затем в значения непрототипические. Средства выражения значения намерения с участием глаголов движения отнесены нами к разряду непрототипических. За границами данного исследования мы оставили модальность оценки (*Надо же такой беде случиться! Можно же у самого дома заблудиться!* и др.) в силу большого круга материала и ограниченности стандартного объёма статьи.

Вот как выглядит результат такой классификации с количественными показателями:

Субъектно-модальные значения	Количество глаголов в инфинитиве и конструкций с инфинитивом
1) желание	6
2) намерение	11
в т. ч. с глаголами движения	3
3) готовность/решимость	8
4) принятие решения	3
5) альтернатива решения	1
6) вынужденность решения	4
7) попытка/старание	2
8) модальная фазовость	2
9) аспектуальная фазовость	11
10) успех	2
11) случайный успех	2
12) реализованный шанс	1
13) неуспех	3
14) привычность действия	3
15) несоответствие	2
16) соответствие	2
17) бенефактив	7
18) перформативное решение	1
Общее количество глаголов:	74

Значение намерения, выражаемое с участием глаголов движения, вынесено в отдельную строку из-за непредставленности этого значения в курсе РКИ. Общим количеством значений мы считаем 18.

Наиболее проработанными лексически, как мы видим, являются значения намерения и аспектуальной фазовости (по 11 глаголов).

Представим соотношение модально-аспектуальных и модальных непрототипических субъектно-модальных значений: *общее количество субъектно-модальных значений* — 18 (100%), *модально-аспектуальных значений* — 5 (28%), *модальных значений* — 13 (72%).

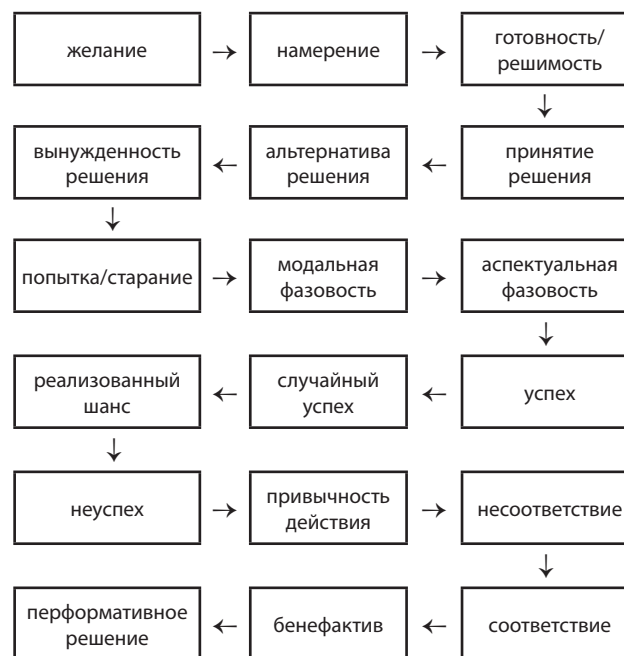

Рис. Модально-аспектуальная порождающая ветка поля 'желание/намерение' курса РКИ.

IV. Матрица vs. порождающая ветка: достоинства и недостатки

Остановимся на достоинствах и недостатках матрицы и порождающей ветки как форм представления учебного материала РКИ. Под матрицей мы понимаем целостную логико-пространственную двумерную схему.

«Соответствие между содержательными и пространственными отношениями элементов матрицы знания приобретают характер взаимодействия, благодаря чему достигается системное качество матрицы знания» [3: 109–111].

В каждой ячейке **матрицы** фиксируется индивидуальный, отдельный элемент, в нашем случае субъектно-модальное значение. К её достоинствам можно отнести то, что матрица читается в двух направлениях — по вертикали и горизонтали, что позволяет:

- 1) структурировать информацию;
- 2) осознать многоплановость, многоуровневость явления;
- 3) сравнивать элементы значения и формы, относящиеся к разным уровням.

Недостатками матрицы являются:

- 1) случайный выбор расположения разных секторов значения (скажем, семантического поля субъектной модальности) друг относительно друга (например, в приведённой выше таблице (матрице) Н. А. Лобановой и И. П. Слесаревой разделы 1 и 2 можно поменять местами, это мало что изменит);
- 2) неявную связь отдельных строк, столбцов, ячеек друг с другом;
- 3) то, что утраченные элементы матрицы логически не восстановимы.

В отличие от матрицы **порождающая ветка значений имеет следующие достоинства:**

- 1) представляет данную область знания как единое целое, как развитие рассуждения о предмете (образец развития идеи полезен иностранным учащимся и во многих других отношениях);
- 2) в своей целостности мотивирована логически (по смыслу) и по форме;
- 3) рост ветки, таким образом, становится предсказуемым, утраченные элементы восстановимы на логической основе;
- 4) учащимся априори ясен алгоритм когниции в данном фрагменте картины мира.

Недостатком порождающей ветки является потеря объёмности явления.

Поскольку матрица не сценарна, а порождающая ветка сценарна, то ветка с психологической точки зрения запоминается лучше.

Заключение

В целом предлагаемая нами модально-аспектуальная порождающая ветка семантического поля субъектно-модальных значений русского языка курса РКИ отражает процесс перехода из мира нереального в мир реальный. Составленная нами на когнитивной основе цепочка субъектно-модальных значений легко укладывается в сознании учащихся, пограничные переходы выглядят мотивированными, а внутренняя связанность значений придаёт модели дополнительную объяснительную силу.

Обнаруживаемые в данном перечне системные связи модальных и аспектуальных значений и, соответственно, языковых средств проявляются прежде всего в единстве их предназначения.

Продолжая оперировать базовыми модальными средствами языка, но уже с учётом аспекту-

альных звеньев логической цепочки, говорящий приобретает дополнительные возможности.

Подобное объединение учебного материала обеспечивает внутреннюю связанность курса РКИ и, по сути, является шагом к интегративной грамматике РКИ.

Данный учебный материал сферы РКИ, будучи разумно разделён на обозримые фрагменты, может быть адресован учащимся разных уровней владения русским языком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артёмова О. А., Величко А. В., Грекова О. К. и др. Книга о грамматике: В 2 т. Т. 1. М., 2004.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
3. Карпань А. Т., Сангаджиев М. М., Омшанов А. Б. Модель матричного представления информации для оценки знания // Вестн. Тульского ун-та. Сер. Современные образовательные технологии. 2010. Вып. 9. С. 109–111.
4. Лобанова Н. А., Слесарева И. П. Учеб. русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс. Третий год обучения / Под ред. В. Г. Гака. М., 1988.
5. Мерзлякова Н. П. Система непрототипических средств выражения субъектных модальных значений: Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010.
6. Милутина М. Г. Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка-результат» и его выражение в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2005.
7. Мустайоки А. Аспектуальность в теории функционального синтаксиса // Die Grammatischen Korrelationen. Graz, 1999. S. 229–244.
8. Brecht R. D. The form and function of Aspect in Russian // Issues in Russian Morphology. Columbus, Ohio, 1985. P. 9–34.

REFERENCES

1. Artemova O. A., Velichko A. V., Grekova O. K. et al. (2004) *Kniga o grammatike* [The Book about Grammar], in 2 vols., vol. 1. Moscow. (in Russian)
2. Bondarko A. V. (1990) *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [The Functional Grammar Theory, Temporality, Modality]. Leningrad. (in Russian)
3. Karpan' A. T., Sangadzhiev M. M., Omshanov A. B. (2010) Model' matrichnogo predstavleniia informatsii dlia otsenki znaniia [The Model of Matrix Information Presentation for the Knowledge Evaluation]. *Vestnik Tul'skogo universiteta* [Tula University Bulletin]. Series. *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii* [Modern Teaching Technologies], iss. 9, pp. 109–111. (in Russian)
4. Lobanova N. A., Slesareva I. P. (1988) *Uchebnik russkogo iazyka dlia inostrannykh studentov-filologov. Sistemativiziruiushchii kurs. Tretii god obucheniia* [Russian Language Textbook for Foreign students-philologists. Systematizing Course. The third year of studies]. Moscow. (in Russian)
5. Merzliakova N. P. (2010) *Sistema neprototipicheskikh sredstv vyrazheniia sub'ektnykh modal'nykh znachenii* [The System of Non-prototypical Means for expressing the Subjective Modal Meanings] (Candidate's thesis, Philology), Udmurt State University, Izhevsk. (in Russian)
6. Milutina M. G. (2005) *Semantika konativnosti i potentsial'naiia modal'nost': kompleks «popytka-rezultat» i ego vyrazhenie v sovremennom russkom iazyke* [The Semantics of Conativity and Potential Modality: The Complex 'Attempt & Result' and its expression in Modern Russian Language] (Extended abstract of Doctor's thesis, Philology), Udmurt State University, Izhevsk. (in Russian)
7. Mustaioki A. (1999) *Aspektual'nost' v teorii funktsional'nogo sintaksisa* [Aspectuality in the theory of functional syntax]. In: *Die Grammatischen Korrelationen* [Grammar Correlations]. Graz, Ss. 229–244. (in Russian)
8. Brecht R. D. (1985) The form and function of Aspect in Russian. In: *Issues in Russian Morphology*. Columbus, Ohio, pp. 9–34. (in English)

З. А. Стамболева (Стамбулиди)

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГРЕЧЕСКИХ ГИДОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

ZINAIDA A. STAMBOLEVA (STAMPOULIDI)

THE PECULIARITIES OF NATIONAL COMMUNICATIVE BEHAVIOR
OF GRECIAN GUIDES-TRANSLATORS

**Зинаида Анатольевна
Стамболева (Стамбулиди)**

Преподаватель русского языка
Афинский национальный
университет им. Каподистрии
ул. Иппократус, 7,
Афины, 10679, Греция
► zinastamo@gmail.com

Zinaida A. Stambleva (Stampoulidi)

National and Kapodistrian
University of Athens
7 Ippokratous,
Athens, 10679, Greece

Научный руководитель:
д-р пед. наук, доц. Н. Л. Федотова

Одним из аспектов межкультурного общения является коммуникативное поведение представителей разных лингвокультур. Знание особенностей коммуникативного поведения позволяет разрабатывать эффективные приемы обучения иностранному языку. В данной статье исследуется специфика национального коммуникативного поведения греков, изучающих русский язык (на примере анкетирования студентов — будущих гидов-переводчиков). Выявлены следующие особенности коммуникативных тактик греков: минимизация рисков возникновения конфликтов, готовность к компромиссу, тактичность, внимательность к собеседнику. Было установлено, что греки стремятся избегать любых конфликтов, апеллируя к юмору как тактике, используемой для выхода из сложных ситуаций. Автор приходит к выводу, что при профессиональной направленности обучения русскому языку как иностранному необходимо моделировать учебно-профессиональные ситуации с целью подготовки студентов к общению с представителями другой культуры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; коммуникативное поведение; греческие студенты; гиды-переводчики; анкетирование.

The author argues that an important aspect of intercultural communication is the communicative behavior of representatives of different linguistic cultures. Knowledge of the features of communicative behavior allows developing effective methods of foreign language teaching. The article examines the specifics of the national communicative behavior of the Greeks, studying the Russian language, on the example of a survey of the future guides-translators, and reveals the following features of the communicative tactics of the Greeks: minimizing the risk of conflict; willingness to compromise; tact; attentiveness to the interlocutor. It was found that the Greeks tend to avoid any conflicts, appeal to humor as a tactic used to get out of difficult situations. The author concludes that in case of professional orientation of teaching Russian as a foreign language it is necessary to model training and professional situations in order to prepare students to communicate with representatives of another culture.

Keywords: cross-cultural communication; communicative behavior; Greek students; guides-translators; Russian as a second language; questionnaire.

Введение

При подготовке иностранных гидов-переводчиков, владеющих русским языком, необходимо сформировать у учащихся коммуникативные умения, которые обеспечивали бы успешное общение на изучаемом языке в профессиональной сфере. «Сфера общения (или сфера использования языка) — это область внеязыковой действительности,

характеризующаяся относительной однородностью коммуникативных потребностей, для удовлетворения которых говорящие осуществляют определенный отбор языковых средств и правил их сочетания друг с другом» [10: 54].

Речевое взаимодействие гида и экскурсанта, являющихся носителями разных лингвокультур, может осуществляться в официальной и неофициальной формах, при индивидуальном и групповом общении. Изучение реальных ситуаций в определенной сфере речевого общения с учетом национальных особенностей учащихся важно для обучения речевым моделям поведения и коммуникативным ходам, регулируемым законами взаимодействия коммуникантов.

В последние годы межкультурная коммуникация становится одним из приоритетных направлений лингвистических, психологических, психолингвистических и методических исследований, что обуславливает возрастающий интерес к изучению коммуникативного поведения представителей различных лингвокультур. Национальное коммуникативное поведение является неотъемлемой частью национальной культуры, поэтому всегда идиоматично, культурно маркировано [4: 32]. Так, К. Маркуссен, подчеркивая, что основным препятствием для межкультурного общения являются языковые различия, говорит о наличии специфических для носителей того или иного языка «культурных сигналов» (способы инициации диалога, условия для перебивов в полилоге), которые могут не осознаваться представителями другой культуры [13: 5].

На сегодняшний день имеется значительное число работ, посвящённых описанию параметров коммуникативного поведения [2; 8; 11; 12; 14], однако многие аспекты данного феномена остаются недостаточно изученными. В частности, дискуссионной остаётся дефиниция понятия «коммуникативное поведение», классификация коммуникативных стратегий и тактик, отсутствуют фундаментальные исследования, связанные с изучением национальной специфики коммуникативного поведения носителей определенной культуры. Последнее положение касается представителей греческой культуры.

Интенсификация межнационального и межкультурного взаимодействия между РФ и Грецией ведет к расширению контактов в разных областях, усилению интереса к России со стороны греков. Тем не менее мало изучены особенности мировосприятия, формы и модели поведения, в том числе — коммуникативного, носителей греческого языка. В связи с этим возникает противоречие между:

- ростом научного интереса к реализации коммуникативных поведенческих стратегий и тактик, что связано со становлением антропоцентрического подхода в языкознании, и отсутствием единого, общепринятого понимания сущности коммуникативного поведения;
- осознанием необходимости оптимизации процессов межкультурного взаимодействия и отсутствием «готовых» решений относительно того, каким образом можно добиться эффективности коммуникации людей, являющихся представителями разных культур;
- расширением политических, экономических, научных контактов России и Греции, ростом взаимного интереса к культуре, традициям двух стран и отсутствием исследований, направленных на сопоставительное изучение особенностей мировосприятия и миропонимания представителей русской и греческой лингвокультур.

Под коммуникативным поведением понимается «совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности» [7: 10]; «вербальное и сопровождающее его невербальное поведение личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [1: 80] и др. Обобщая существующие определения, можно сказать, что коммуникативное поведение представляет собой совокупность норм, правил реализации коммуникативного взаимодействия, сформировавшихся в результате исторического развития определенной лингвокультуры и отражающих особенности мировосприятия её представителей.

Применительно к обучению иностранному языку справедливо утверждение М. А. Лариной, что не представляется возможным описать все коммуникативные ситуации с учетом особенностей коммуникативного контекста, но можно обучать коммуникативным стратегиям, характер-

ным для изучаемой лингвокультурной общности, доминантным чертам вербального и невербального коммуникативного поведения [3].

Цель данной статьи — на основе анкетирования выявить коммуникативные тактики греков в ситуациях общения с русскоязычными туристами для поиска путей оптимизации процесса профессионально ориентированного обучения греческих студентов — будущих гидов-переводчиков русскому языку.

Анализ результатов анкетирования греческих студентов (специализация — гид-переводчик).

На основе анализа существующих пособий по русскому языку как иностранному для специалистов по направлению «Международный туризм» [5] и программы соответствующего экзамена для разных уровней владения РКИ [6] нами были определены ситуации общения, актуальные для греческих гидов-переводчиков, работающих с русскоязычными туристами (уровень В1).

1. Встреча туристов.
2. Выбор и оформление тура.
3. Проведение экскурсии (индивидуальный и групповой туры).
4. Рекламирование предоставляемых туристических услуг.
5. Отъезд и проводы туристов.

Для нас представляют особый интерес типовые ситуации, в которых возможны объективные или субъективные препятствия, приводящие к осложнению отношений гида и экскурсантов. При том, что имеется некоторый набор общих поведенческих тактик в таких ситуациях, существуют и национально-специфические модели общения, реагирования на собеседника (например, ориентация на контроль или ориентация на понимание [9: 37]). С целью выявления национально-обусловленных особенностей коммуникативного поведения нами было проведено анкетирование греческих студентов, обучающихся на курсах русского языка для гидов-переводчиков (апрель 2018 г.).

Анкета включала 20 вопросов, которые связаны с коммуникативным поведением греков-гидов, работающих с русскоязычными туристами (особенности инициации, протекания и финали-

зации коммуникативного акта; тактики, используемые для выхода из сложных или непредвиденных ситуаций).

В анкетировании приняли участие 50 греческих студентов курсов РКИ (Афины). Возраст испытуемых — от 16 до 34 лет. Рассмотрим подробно полученные результаты.

Позиция 1. *Если туристы со мной не поздоровались, то я. ...*

68% информантов выбрали ответ «сделаю вид, что ничего не произошло»; 16% анкетированных сделали бы замечание русским туристам и еще 16% сказали бы в мягкой форме, что нужно поздороваться. Это означает, что уже при установлении речевого контакта греки стараются избегать конфликтов, предупреждают негативный результат коммуникативного взаимодействия, но все-таки им не безразлично нарушение этикетных норм.

Позиция 2. Особенности поведения греческого гида в ситуации, если туристы опоздали на экскурсию, заключаются в том, что греки стремятся к минимизации рисков возникновения конфликта, прибегая к юмору («расскажу анекдот на эту тему» — 62%), тем самым создают благоприятную атмосферу для дальнейшего общения. 18% информантов отметили, что необходимо указать на недопустимость опоздания и предупредить туристов, что в следующий раз не будут никого ждать. 16% респондентов не обратили бы на это внимания, что можно рассматривать как проявление тактичности, уважения к собеседнику или нежелание начинать общение с «выяснения отношений».

Позиция 3. *Если туристы не слушают меня и громко разговаривают, я. ...*

Здесь наблюдается следующий разброс мнений: 58% информантов предпочитают перейти к другому объекту, чтобы избежать затруднений при проведении экскурсии. 32% настроены на привлечение внимания туристов, поэтому будут использовать любые средства, например, расскажут о национальном характере греков. Готовность обратиться к национальному характеру служит показателем позитивной самоидентификации студентов и, как следствие, — позитивного восприятия своей самобытности, нацио-

нальной специфики, в том числе — и особенностей реализации коммуникативного взаимодействия. И только 8% испытуемых сделали бы замечание туристам, которые отвлекают и гида, и других членов группы.

Позиции 4–7. Ответы, полученные на эти вопросы, свидетельствуют о нацеленности греческого гида на достижение взаимопонимания, о внимании к проблемам собеседника (табл. 1).

Судя по ответам, большинство греческих гидов внимательно относятся к просьбам туристов, даже в тех случаях, когда это не входит в экскурсионную программу. Как правило, гиды либо выполняют просьбу (готовы рассказать о памятнике — 92%; ответить на любые вопросы туриста — 54%; показать, где можно купить воды — 54% или где находится туалет — 42%), либо пытаются найти разумный компромисс (предлагают немного подождать — 56%). Случаи выражения раздражения (4%) или безразличия (6%) очень редки.

Позиция 8. *Если туристам не интересен мой рассказ, то я ...*

42% информантов расстраиваются, когда видят, что их рассказ туристам не интересен, а 44% эксплицитно выразили бы недовольство, что вполне объяснимо: присущая грекам открытость не позволяет скрывать эмоции, даже отри-

цательные. Нельзя не сказать, что по параметру «эмоциональность» греки и русские в некоторой степени сближаются. Обе реакции информантов (*расстраиваюсь и очень сержусь*) являются знаком того, что греческие гиды очень ответственно относятся к своей профессиональной деятельности, поэтому стараются подобрать материал с учетом интересов туристов.

Позиция 9. *Если два туриста задерживаются, потому что пошли покупать сувениры, то я ...*

92% опрошенных отметили, что после завершения экскурсии они будут терпеливо ждать, пока все туристы не вернутся в автобус. Однако это не пассивное ожидание, в этом случае гид заполняет паузу, рассказывая что-нибудь смешное или полезное. Юмор используется как средство гармонизации взаимоотношений.

Лишь 2% опрошенных выбрали в качестве коммуникативной тактики деструктивный путь выхода из конфликта (*громко ругаю опоздавших туристов*).

Позиции 10–13. В этих вопросах смоделированы конфликтные ситуации (табл. 2).

64% респондентов постараются «погасить» конфликтную ситуацию. Это вовсе не означает, что греки вмешиваются в чужие дела, данная тактика используется для сохранения благожелательной атмосферы во время экскурсии.

Таблица 1. Особенности реализации коммуникативных тактик греческими гидами

Вопросы	Варианты ответов			
	Раздражаюсь	Обязательно отвечаю на все его вопросы	Игнорирую вопросы	Другое
4. Если турист во время моего рассказа задаёт слишком много вопросов, то я ...	4%	54%	18%	24%
5. Если турист спрашивает меня о памятнике, который не входит в экскурсионную программу, то я...	Коротко рассказываю об этом памятнике	Не обращаю внимания на вопрос	Другое	
	92%			
6. Если турист прерывает мой рассказ вопросом: «Где можно купить воды?», то я...	Показываю место, где можно купить воды		Обещаю помочь купить воды после экскурсии	
	54%		46%	
7. Если по время экскурсии турист сказал, что хочет в туалет, то я ...	Скажу: «Вы всем мешаете!»	Покажу, где находится ближайший туалет	Попрошу подождать 5 минут, пока мы все вместе дойдём до ближайшего места, где есть туалет	
	2%			

Таблица 2. Особенности коммуникативного поведения греческих гидов в конфликтных ситуациях

Вопросы	Варианты ответов			
	10. Если турист недоволен маршрутом экскурсии, то я ...	Поменяю маршрут	Не буду обращать не него внимания	Попытаюсь объяснить, почему это интересно
	20%	2%	78%	
11. Если во время экскурсии между двумя туристами возникает конфликт, то я...	Попрошу их говорить потише	Постараюсь решить их проблему	Другое	
	30%	64%	6%	
12. Группа туристов ожидает автобуса около гостиницы. Маленькие дети кричат и шумят. Я ...	Сделаю замечание их родителям	Попрошу детей не шуметь	Приглашу аниматора	Другое
	24%	30%	42%	4%
13. Если турист не был на экскурсии, которую он оплатил, и просит вернуть ему деньги, то я...	Отдам свои деньги	Посоветую ему обратиться в турбюро	Другое	
	2%	96%	2%	

Греческие гиды проявляют сдержанность, намереваются разрешить проблему, пойти на компромисс. Не желая допустить развития конфликтной ситуации, гиды готовы не только в полном объёме выполнить свои профессиональные обязанности, но и оказать дополнительные услуги, например, 42% информантов пригласили бы аниматора для того, чтобы успокоить расшумевшихся детей.

Позиция 14. *Во время экскурсии погода поменялась и пошёл дождь. Я скажу. ...*

Во время экскурсий могут возникнуть неожиданные препятствия, например испортившаяся погода. В этом случае 46% информантов будут рассказывать что-нибудь интересное. Выбор данной тактики очень показателен с методической точки зрения. Греческие студенты не боятся говорить на иностранном языке, способны инициировать общение и располагают необходимым для профессиональной деятельности объемом знаний.

40% респондентов поменяли бы маршрут, а это значит, что им придется провести экскурсию по историческим объектам, которые не входят в запланированную программу.

Примечательно, что 14% студентов попросили бы туристов рассказать о городах, из которых они приехали, и о погоде там в это время

года. Тем самым греческие гиды демонстрируют открытость к межкультурной коммуникации, интерес к носителям другой культуры и учитывают важный психологический момент: любой человек, особенно тот, кто находится за рубежом, всегда с удовольствием рассказывает о своей стране и родном городе.

Позиция 15. *Если на экскурсии в музее один из туристов почувствовал себя плохо, я ...*

100% информантов ответили, что не оставят больного человека и обратятся к служителю музея за помощью. Отзывчивость и неравнодушные — качества, необходимые для гида, работа которого связана с людьми.

Позиция 16. *Если турист не был на экскурсии, которую он оплатил, и просит вернуть ему деньги, то я...*

Очень важным представляется тот факт, что в ситуации, когда туристы, отсутствовавшие на экскурсии, требуют возврата денег, ни один респондент не сказал бы, что это не его проблема. Большинство посоветовали бы обратиться в турбюро, а один студент согласился бы отдать свои деньги.

Позиция 17. *Если я не могу ответить на вопрос туриста об архитектурном памятнике, то я...*

В этой ситуации 80% студентов постараются быстро найти нужную информацию в Интернете, чтобы удовлетворить любопытство туриста. 14% информантов предпочли ответ *«Буду долго извиняться»*, и только 4% сказали бы, что это не так важно. Это означает, что греки ответственно относятся к своим обязанностям, поэтому важно, чтобы туристы остались довольны не только гидом, экскурсией, но и отдыхом в Греции.

Позиция 18. *По дороге в аэропорт автобус сломался. В ожидании другого транспорта я ...*

84% информантов выбрали ответ *«Буду рассказывать туристам что-нибудь интересное»*.

Греческие гиды используют любую возможность для расширения межкультурного взаимодействия: 12% респондентов предложили бы туристам послушать греческую музыку.

В целом, коммуникативное поведение греческих гидов в подобных ситуациях отражает высокий уровень готовности к поиску выхода из любого положения и стремление к оптимизации коммуникативных тактик, что может служить свидетельством высокого уровня сформированности профессиональной компетентности гида, который должен уметь справляться с непредвиденными трудностями.

Особого внимания заслуживают ответы информантов относительно личностных качеств гида-переводчика.

Позиция 19. Основными характеристиками экскурсовода респонденты считают вежливость (46%) и активность (32%). Необходимо отметить, что активность греков проявляется в эмоциональности, экспрессивности, выразительности речи, стремлении к общению как таковому, а не только к передаче информации.

С другой стороны, положительные характеристики, названные студентами, — доказательство позитивного восприятия национальных особенностей, в том числе, и особенностей коммуникативного поведения.

Позиция 20. *Когда моя группа русских туристов уезжает домой, то я испытываю радость оттого, что ...*

66% студентов отметили, что будут довольны, если хорошо выполнили свою работу,

и 34% — если во время пребывания группы русских туристов не было никаких инцидентов.

Считается, что одной из важнейших характеристик национального коммуникативного поведения является комплиментарность, поскольку «выявление частотности использования комплимента коммуникативной личностью является способом определения предпочитаемой данной коммуникативной личностью стратегии поведения» [2: 62].

Полученные данные показывают, что подавляющее большинство греков прибегает к комплиентам, которые помогают расположить коммуниканта к себе. Так, 80% информантов ответили, что говорят комплименты часто, 13% — иногда, 7% — редко.

Даже в официальных ситуациях для греков важен не обмен информацией, а эстетическое удовольствие, которое и они, и собеседники получают в процессе общения. Носители греческой культуры считают комплименты знаком уважения к другому человеку и инструментом оптимизации межличностного взаимодействия. Тем не менее необходимо предупредить греческих студентов, изучающих русский язык, о том, что не стоит ожидать ответных комплиментов от русских туристов, хотя любая позитивная оценка, безусловно, им приятна.

Обобщая полученные результаты анкетирования греческих студентов — будущих гидов-переводчиков, можно сказать, что они оценивают себя как народ, который говорит красиво, убедительно и логично. Характерными особенностями коммуникативного поведения представителей греческой культуры, по мнению информантов, являются вежливость, тактичность, эмоциональность. Греки открыты для общения, легко идут на контакт, всегда соблюдают этикетные правила, главное из которых — создать для собеседника комфортные условия.

Таким образом, национальное коммуникативное поведение греков отличается уникальными характеристиками на вербальном и невербальном уровнях, позволяющими минимизировать риски возникновения конфликтов в межкультурном общении, что приводит к эффектив-

ному речевому взаимодействию с представителями других культур.

Выводы

1. Особенности греческого коммуникативного поведения находят отражение в использовании образных, экспрессивных и эмоциональных средств языка, в том числе и неродного. Другими словами, греки достаточно часто пользуются метафорами, иносказаниями, восклицаниями и т. п. Возможно, они излишне эмоциональны, что может вызвать недоумение, например, у представителей восточных культур, которым не свойственны громкая речь и экспрессивность. В то же время для современных греков не характерна лаконичность, предельная точность, что, однако, не должно восприниматься как недостаточно глубокое миропонимание.

2. Собственное коммуникативное невербальное поведение оценивается греками как экспрессивное, но тактичное, вежливое, соответствующее этическим нормам. Тем не менее некоторые особенности невербального поведения греков могут быть неадекватно интерпретированы представителями других лингвокультур. Например, расстояние между коммуникантами в греческой культуре намного ближе, чем в других культурах, и это может расцениваться как фамильярность.

3. По сравнению с русскими у греков более выраженная «комплиментарность», с помощью комплиментов подчёркивается вежливое отношение к собеседнику, что обеспечивает успешность коммуникативного взаимодействия.

Полученные данные анкетирования греческих студентов позволяют утверждать, что абсолютное большинство будущих гидов-переводчиков стремится к поддержанию межкультурного речевого контакта. Работа экскурсовода связана с непредвиденными ситуациями, которые требуют от него быстрой реакции, использования определённых коммуникативных тактик, позволяющих выйти из любого сложного положения.

При разработке системы упражнений для развития коммуникативных умений на русском языке у греческих студентов, чья профессия свя-

зана с туристической сферой, необходимо учитывать различия в коммуникативном поведении представителей взаимодействующих культур. В языковой материал упражнений следует включать выразительные средства, чтобы учащиеся смогли реализовать характерные для них тактики и на иностранном языке.

Эффективность профессионально ориентированного обучения будущих гидов-переводчиков русскому языку как иностранному на уровне А2 может быть достигнута, если будут предлагаться аутентичные ситуации, возможные в работе с русскоязычными туристами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая Е. Н., Болотюк В. Г. Национально-культурная специфика коммуникативного поведения представителей разных народностей // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 80–82.
2. Лазуренко Е. Ю., Саломатина М. С., Стернин И. А. Профессиональная коммуникативная личность. Воронеж, 2007.
3. Ларина Т. В. Коммуникативные стратегии как отражение культуры народа // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания. М., 2003. С. 9–16.
4. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. 3-е изд. М., 2007.
5. Русский — Экзамен — Туризм. РЭТ-1: Учебный комплекс по русскому языку как иностранному в сфере международного туризма / Л. Б. Трушина, Л. Л. Вохмина, А. А. Булгина и др. М., 2015.
6. Русский язык в международном туристическом бизнесе (уровни А1-С1). — URL: <http://www.pushkin.institute/Certificates/CCT/russkiy-yazyk-v-mezhdunarodnom-turistskom-biznese-urovni-a1-c1.php>
7. Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2000. С. 4–20.
8. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003.
9. Столяренко Л. Д., Самыгин С. И. Психология общения: Учеб. 2-е изд., стер. Ростов-на-Дону, 2014.
10. Тарасенко Т. В., Лоцан Е. И., Полухина Е. Н. Стилистика русского языка и культура речи. Конспект лекций. Красноярск, 2007. — URL: http://files.lib.sfu-kras.ru/ebibl/umkd/300/u_lectures.pdf.
11. Федотова Н. Л., Сакорннио К. Контрастивное описание русского и тайского коммуникативного поведения (по результатам анкетирования) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2016. № 3 (57). Ч. 1. С. 214–216.
12. Ivanov M., Werner P. Behavioral communication: Individual differences in communication style // Personality and Individuality Differences. 49 (1). 2010. P. 19–23.

13. Markussen K. British Communication Behavior. Bachelor thesis: BA English-Spanish Department of Language and Business Communication. Aarhus School of Business, Aarhus University, 2011.

14. Spencer-Oatey H. Introduction: Language, Culture and Rapport Management // Culturally Speaking — Managing Rapport through Talk across Cultures / H. Spencer-Oatey. New York, 2000. P. 1–11.

REFERENCES

1. Belaia E. N., Bolotuk V. G. (2014) Natsional'no-kul'turnaia spetsifika kommunikativnogo povedeniia predstavitelei raznykh narodnostei [The concept of communicative behavior and problems of its research]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in law enforcement]*, no. 2 (57), pp. 80–82. (in Russian)
2. Lazurenko E. Iu., Salomatina M. S., Sternin I. A. (2007) *Professional'naiia kommunikativnaia lichnost'* [Professional communicative personality]. Voronezh. (in Russian)
3. Larina T. V. (2003) Kommunikativnye strategii kak otrazhenie kul'tury naroda [Communication strategies as a reflection of the culture of the people]. In: *Aktualnye problemy russkogo iazyka i metodiki ego prepodavaniia [Actual problems of the Russian language and methods of its teaching]*. Moscow, pp. 9–16. (in Russian)
4. Prokhorov Iu. E., Sternin I. A. (2007) *Russkie: kommunikativnoe povedenie [Russians: communicative behavior]*, 3rd ed. Moscow. (in Russian)
5. Trushina L. B., Vokhmina L. L., Bulgina A. A. et al. (2015) *Russkii — Ekzamen — Turizm. RET-1: Uchebnyi kompleks po russkomu iazyku kak inostrannomu v sfere mezhdunarodnogo turizma [Russian — Exam — Tourism. RET-1: educational complex on Russian as a foreign language in the area of international tourism]*. Moscow. (in Russian)

6. *Russkii iazyk v mezhdunarodnom turistskom biznese (urovni A1-S1) [Russian language in the international tourism business (A1-C1)]*. Available at: <http://www.pushkin.institute/Certificates/CCT/russkiy-yazyk-v-mezhdunarodnom-turistskom-biznese-urovni-a1-c1.php> (accessed 01.08.2018) (in Russian)
7. Sternin I. A. (2000) Poniatie kommunikativnogo povedeniia i problemy ego issledovaniia [The concept of communicative behavior and problems of its research]. In: *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie [Russian and Finnish communicative behavior]*, iss. 1. Voronezh, pp. 4–20. (in Russian)
8. Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. (2003) *Ocherk angliiskogo kommunikativnogo povedeniia [Essay of English communicative behavior]*. Voronezh.
9. Stoliarenko L. D., Samygin S. I. (2014) *Psikhologiya obshcheniia: uchebnik [Psychology of communication: course book]*, 2nd ed. Rostov-on-Don. (in Russian)
10. Tarasenko T. V., Lotsan E. I., Polukhina E. N. (2007) *Stilistika russkogo iazyka i kul'tura rechi. Kopspekt lektsii [The style of the Russian language and culture of speech. Lecture notes]*. Krasnoyarsk. Available at: http://files.lib.sfu-kras.ru/ebibl/umkd/300/u_lectures.pdf (accessed 10.07.2018). (in Russian)
11. Fedotova N. L., Sakornnoi K. (2016) Kontrastivnoe opisanie russkogo i taiskogo kommunikativnogo povedeniia (po rezul'tatam anketirovaniia) [Contrastive description of Russian and Thai communicative behavior (based on the questionnaire results)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological science. Theory and practice]*, no. 3 (57), part 1, pp. 214–216. (in Russian)
12. Ivanov M., Werner P. (2010) Behavioral communication: Individual differences in communication style. In: *Personality and Individuality Differences*, vol. 49 (1), pp. 19–23. (in English)
13. Markussen K. (2011) *British Communication Behavior*. Bachelor thesis: BA English-Spanish Department of Language and Business Communication. Aarhus School of Business, Aarhus University. (in English)
14. Spencer-Oatey H. (2000) Introduction: Language, Culture and Rapport Management. In: *Spencer-Oatey H. Culturally Speaking — Managing Rapport through Talk across Cultures*. New York, pp. 1–11. (in English)

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК: ДИДАКТИКА РКИ И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА»

(Окончание на с. 116)

17–18 мая 2018 года в Варшавском университете состоялась международная научная конференция, посвященная проблемам преподавания русского языка как иностранного, а также дидактике перевода с русского языка и на русский язык. Конференцию организовали Институт русистики и Институт прикладной лингвистики Варшавского университета. С докладами выступили ученые из Польши, России, Австрии, Италии, Греции, Франции, Чехии, Сербии, Казахстана, Украины, Литвы.

С приветственным словом к участникам конференции обратились проф. Д. Урбанек и проф. М. Домбровска (Варшавский ун-т). На пленарном заседании выступили М. А. Кронгауз (Россия), доклад которого был посвящен языку перевода как инструменту освоения культурного пространства, Т. Ройтер (Австрия), рассказавший о теории лингвистических моделей «Смысл ←→Текст», и Л. Шипелевич (Польша), очертившая особенности современной лингводидактики в обучении русскому языку как иностранному в эпоху Интернета.

На конференции работало несколько секций.

Тематика докладов, представленных на секции «Дидактика РКИ в неславянской аудитории», охватывала вопросы преподавания русского языка в греческой, китайской, французской и киргизской аудиториях. Отдельное заседание было посвящено проблемам интерференции языков и дидактики РКИ. В ряде докладов обсуждалось преподавание на довузовском этапе обучения, использование разнообразных методов и форм обучения, в частности, проблемы применения коммуникативно ориентированных методов в уровне обучения русскому языку в неславянской аудитории.

Не менее плодотворно работала секция, посвященная преподаванию русского языка в славянской аудитории.

Закономерно, что в значительной части докладов были проанализированы пути формирования языковой компетенции у студентов, изучающих русский язык в Польше. Здесь рассматривались вопросы использования номинаций культурных феноменов в процессе обучения, обращения к коммерческой корреспонденции и мультфильмам на уроках русского языка. Обсуждалась и необходимость продолжения лингвистического описания языка в прикладных целях: например, говорилось о необходимости создания базы префиксальных русских и польских глаголов.

На отдельной секции докладчики рассматривали проблемы преподавания русского языка как иностранного для студентов разных специальностей. Одно из центральных мест заняли вопросы межкультурной коммуникации: например, обсуждались трудности интерпретации и перевода слов, связанных с одним из социальных концептов, вопросы передачи «национального духа источника» при переводе и обучения подобным умениям студентов, а также преодоления коммуникативных барьеров в процессе обучения РКИ.

Важным направлением работы участников конференции было обсуждение возможностей использования словарей и учебных пособий в дидактике РКИ в разных странах. В частности, говорилось о дидактическом потенциале словаря метафор, связанных с номинациями еды. Были представлены проекты новых польско-русских и русско-польских словарей разного типа, в числе которых можно выделить подготовленный к печати «Русско-польский тематический словарь», включающий как лексико-грамматические группы слов и словосочетаний, так и синтаксические конструкции.

Специальное заседание было посвящено дидактике перевода. Загравивались проблемы письменного и устного, в част-

ЮБИЛЕЙ ОЛЬГИ БОРИСОВНЫ СИРОТИНИНОЙ

THE JUBILEE OF OLGA BORISOVNA SIROTININA

27 июня 2018 года исполнилось 95 лет действительному члену МАН ВШ, члену-корреспонденту РАЕН, заслуженному деятелю науки РФ, почетному профессору СГУ, почётному работнику Министерства образования и науки в сфере образования, профессору кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского Ольге Борисовне Сиротининой.

Писать об Ольге Борисовне и её роли в жизни университета, в отечественной и зарубежной лингвистике и просто, и сложно. Просто, потому что достаточно только восстановить хронологию её жизни, как сразу станет очевидным, что сделано за эти годы очень и очень много. А сложно — потому что всё оценочное, коннотативное обрамление фактов будет казаться недостаточным и неточным.

Ольга Борисовна Сиротинина начала трудовую деятельность в университете в 1948 году ассистентом кафедры славяно-русского языкознания филологического факультета СГУ, через полгода стала старшим преподавателем, а в 1952 году — доцентом. Кандидатскую диссертацию по говорам Духовницкого района защищала весной 1949 года, докторскую, «Порядок слов в русском языке», — в 1966-м, через год получила звание профессора. С 1973 по 1993 год (20 лет!) бессленно занимала должность заведующей кафедрой русского языка. Неоднократно приглашалась для чтения лингвистических курсов в Калмыцкий, Волгоградский, Челябинский, Куйбышевский, Якутский, Ивановский и другие университеты России, была заместителем Председателя по научной работе (1970–2003) Головного Совета «Филология» Министерства высшего образования РСФСР, членом научно-методического совета по филологии при Министерстве образования СССР (1970–1991), членом Совета по русскому языку при Президенте/Правительстве РФ (1995–2003), участвовала в разработке Закона о государственном языке РФ. Много лет Ольга Борисовна является заместителем Председателя диссертационного совета СГУ.

Если говорить о парадигме научных интересов учёного, то необходимо упомянуть, что сначала О. Б. Сиротинина была диалектологом, участвовала в создании экспериментальной фонетической лабора-

тории, потом — синтаксистом, с 60-х годов увлеклась изучением функциональных стилей, затем именно разговорной речи, в последнее время — культурой речи, проблемами рискогенности и эффективности коммуникации в разных сферах общения. На сегодняшний день Ольга Борисовна имеет более 500 опубликованных работ, многие из которых регулярно переиздаются (в частности, в московских издательствах книги «Порядок слов в русском языке», «Лекции по синтаксису русского языка»,

«Чтобы вас понимали», «Всё, что нужно знать о русской речи» и другие), на протяжении более 50 лет является редактором сначала межвуз. сб. научных трудов «Вопросы стилистики», сейчас — «Проблемы речевой коммуникации» и коллективных монографий кафедры, её имя включено в издания «Кто есть кто в русистике», «Кто есть кто в России», «Славянская энциклопедия», «Лица современной русистики».

У Ольги Борисовны много наград, каждая из которых ей дорога, но наиболее значимы из них медаль МАПРЯЛ им. Пушкина, медаль «За доблестный труд» и орден Дружбы.

Можно попытаться оценить вклад в науку этого учёного и если представить за её хрупкими плечами 17 докторов и 57 кандидатов филологических наук, которые в разное время были (и остаются!) её благодарными учениками.

В своей книге воспоминаний «Жизнь вопреки, или Я счастливый человек» Ольга Борисовна писала: *«Я ощущаю себя счастливым человеком. Почему? Во-первых и прежде всего потому, что ощущаю свою нужность науке, которую люблю и предана всей душой. Потому что ощущаю нужность людям, окружающим меня и на работе, и дома. Я считаю великим счастьем то, что мне до сих пор удаётся что-то делать в науке, что я до сих пор могу читать лекции.»*

После издания книги прошло почти 10 лет. И сегодня день Ольги Борисовны начинается с «ёжки» (йоги), дальше — студенты, аспиранты, статьи, доклады, общение с коллегами, друзьями, домашними. 95-летие Ольга Борисовна просила шумно не отмечать: *«Не круглая дата, вот столетие...»*

Ну что ж... Мы подождём!

Кафедра русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ имени Н. Г. Чернышевского

ПАМЯТИ ЙОХАННЕСА БААРА

IN MEMORIAM: JOHANNES BAAR

29 октября 2018 года на 98-м году ушел из жизни выдающийся Человек-Эпоха: блестящий популяризатор русского языка, организатор старейшего в Германии ежегодного семинара русистов в немецком городе Тиммендорфер Штранде, доктор филологии **Йоханнес Баар**.

Казалось, его присутствие будет вечно осенять основанный им Тиммендорфский семинар, который внес огромный вклад в дело взаимопонимания между российским и немецким народами. Трудно свыкнуться с мыслью о том, что мы не увидим больше этих поразительно добрых и пристальных голубых глаз, заглядывающих тебе прямо в душу, и белые облака волос, обрамляющих умное лицо подлинного немецкого интеллигента, пронесшего через всю свою жизнь любовь к России, ее народу, ее языку и культуре.

Йоханнес Баар родился 7 февраля 1921 года в немецком городе Люнебурге. Он был призван в армию солдатом артиллерийского полка вермахта, после окончания курсов офицерского состава стал лейтенантом, воевал на Восточном фронте. 8 мая 1945 года в Курляндии попал в советский военный плен. 22 ноября 1946 года вернулся на родину. После всех испытаний Йоханнес Баар стал студентом Гамбургского университета, изучал греческий, латинский и русский языки, защитил в 1952 году докторскую диссертацию.

Делом всей жизни Йоханнеса Баара стало распространение русского языка. В напряженные годы послевоенного непонимания он стал человеком, наводящим мосты между Германией и Россией. В своей книге «Урок русского: Фронтовые письма немецкого лейтенанта» (СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. ун-та, 2005) доктор Баар пишет: «Я попытался выучить русский язык, познакомиться с людьми этой страны. И уже на протяжении десятилетий я пытаюсь делать все для распространения этого языка, опти-

мистично веря, что разговор с людьми другой нации является основой для равноправия, избавляет от комплексов, способствует заботе о ближнем».

Блестящая эрудиция, организаторские способности, настойчивость в достижении поставленной цели, умение собрать вокруг себя единомышленников, друзей, учеников, высокие личные качества — все это в полной мере проявилось в главном деле его жизни: создании международных семинаров в Федеративной Республике Германии и Советском Союзе.

Благородная деятельность Йоханнеса Баара, связанная с преподаванием и популяризацией русского языка, получила мировое признание. Он был избран Почётным доктором Санкт-Петербургского государственного университета (1990), награждён Федеральным Крестом «За заслуги» (Германия, 1996), в 1985 году был удостоен высшей награды Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) — медали А. С. Пушкина, неоднократно избирался вице-председателем Федерального союза преподавателей русского языка ФРГ. По мнению почетного директора Европейской комиссии Лотара Флосса, «доктор Баар стал уникальным строителем мостов взаимопонимания, своего рода светским понтификом».

Невозможно в короткой публикации рассказать об удивительном, добром, умном, отзывчивом человеке. С доктором Бааром уходит целая эпоха взаимного постижения наших стран и народов. Познания, лишённого политических стереотипов. Уходит эпоха, но Дело, которому он посвятил свою жизнь, продолжается всеми нами.

Светлая память о любимом всеми нами докторе Йоханнесе Бааре навечно останется в наших сердцах.

Л. А. Вербицкая, Б. Н. Коваленко, К. А. Рогова (СПбГУ)

[хроника]

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК: ДИДАКТИКА РКИ И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА»

(Начало на с. 114)

ности, синхронного перевода, вопросы обращения к контрастивной грамматике в обучении устному переводу и возможностей использования в методике преподавания русского языка аудиовизуального перевода художественных и документальных фильмов. Также говорилось о путях повышения языковых компетенций студентов при работе с переводом тематически объединённых текстов.

Выступления участников конференции «Русский язык: дидактика РКИ и дидактика перевода» сопровождалась научными дискуссиями. Тексты докладов будут изданы отдельным сборником.

*Мария Билавич, студентка 3-го курса
Варшавского ун-та (Польша)*

К 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО

Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» — уникальный памятник российской культуры, единственный в России мемориальный музей великого русского писателя Ивана Тургенева.

«Рудин», «Дворянское гнездо», «Фауст», «Отцы и дети», «Накануне», «Призраки», «Новь», «Песнь торжествующей любви», стихотворения в прозе — вот далеко не полный перечень тургеньских произведений, история создания которых связана со Спасским-Лутовиновым — родовым имением писателя в Мценском уезде Орловской губернии.

Здесь — малая родина писателя, здесь — «на тысячу верст кругом Россия, родной край». С этими местами Тургенев связан генетически. В 1850 году он писал Виардо: «Я должен все же сказать, что в родном воздухе есть нечто неувомимое, трогающее вас и хватающее за сердце. Это невольное, скрытое тяготение тела к той зем-

ле, на которой оно родилось. И потом детские воспоминания, эти люди, говорящие на вашем языке и сделанные из одного теста с вами, все, вплоть до несовершенств окружающей вас природы, несовершенств, которые делаются вам дорогими, как недостатки любимого существа — все вас волнует и захватывает. Хоть иной раз бывает и очень плохо — зато находишься в родной стихии».

Строительство уникального архитектурного и садово-паркового комплекса в Спасском-Лутовинове велось на рубеже XVIII–XIX вв. Центром усадьбы стал двухэтажный деревянный дом с двумя полукруглыми каменными галереями.

Одновременно с усадебным домом началось строительство новой церкви Спаса Преображения. На месте старой деревянной церкви, над родовым склепом, была выстроена фамильная часовня Лутовиновых.

Спасское-Лутовиново, куда Тургенев впервые попал едва ли не в младенческом возрасте, стало настоящей «колыбелью» будущего пи-

сателя. С детства впитывал будущий писатель культуру и традиции окружавшего его народа. Со спасским парком связаны и первые впечатления о красоте среднерусской природы. Описание старого лутовиновского парка находим в романе Тургенева «Новь»: «То был прадедовский черноземный сад, какого не увидишь по сю сторону Москвы. Расположенный по длинному скату полого холма, он состоял из четырех, ясно обозначенных отделений. Прямо перед домом, шагов на двести, расстился цветник, с песчаными прямыми дорожками, группами акаций и сиреней и круглыми „клумбами“; налево, минуя конный двор, до самого гумна тянулся фруктовый сад, густо насаженный яблонями, грушами, сливами, смородиной и малиной; прямо напротив дома возвышались большим сплошным четырехугольником липовые скрещенные аллеи. Направо вид преграждался дорогой, заслоненной двойным рядом серебристых тополей; из-за купы плакучих берез виднелась крутая крыша оранжереи».

Спасская усадьба стала «пристанищем» Тургенева. Сюда он неизменно возвращался из своих странствий по Европе. Здесь, в сельской тиши, ему особенно хорошо работалось: «Пишется хорошо, только живя в русской деревне. Там и воздух-то как будто „полон мыслей“!.. Мысли напрашиваются сами».

Описание спасского дома находим в одном из писем И. С. Тургенева Г. Флоберу: «Вам хотелось бы представить себе вид моего жилища? Это деревянный дом, очень старый, обшитый тёсом, выкрашенный клеевой краской в светло-лиловый цвет, спереди к дому пристроена веранда, увитая

плющом, обе крыши железные и выкрашены в зелёный цвет; верх нежилой, его окна заколочены».

В усадьбе, где «истинно русское гостеприимство» соединялось с «европейским комфортом», гостями писателя в разное время были Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, А. А. Фет, М. С. Щепкин, Я. П. Полонский, Д. В. Григорович, М. Г. Савина, Н. В. Успенский, В. М. Гаршин.

Тургенев стремился как можно чаще приезжать сюда, в родную усадьбу: «Только что провел целых четыре дня не в стоге сена, правда, но в аллеях старого деревенского сада, полного сельских ароматов, земляники, птиц, дремлющих лучей солнца и теней, а вокруг двести десятин волнующейся ржи! Это было чудесно...» — писал он в мае 1871 года Гюставу Флоберу.

Тургенев в последний раз побывал на родине в 1881 году.

Иван Сергеевич Тургенев умер 22 августа (3 сентября) 1883 года в Буживале, недалеко от Парижа. Тело писателя было перевезено из Франции в Петербург, и, согласно пожеланию Тургенева, он был похоронен на Волковом кладбище, недалеко от могилы Белинского.

Владелицей Спасского-Лутовинова стала Ольга Васильевна Галахова.

Судьба Спасского-Лутовинова с самого начала складывалась драматически. Усадьбы и прилегающие к ней земли были сданы в аренду. Не ремонтировался и не отапливался опустевший Тургеневский дом, разрушались хозяйственные постройки.

Книги, портреты, рукописи, семейные ценности и памятные реликвии разошлись по на-

следникам. Многое так и исчезло безвозвратно. Опустевший дом Тургенева был уничтожен пожаром в январе 1906 года. Лишь благодаря предусмотрительности Галаховых, заблаговременно были вывезены и в основном сохранены старинная библиотека и мемориальные вещи. В годы гражданской войны и смуты усадьба оказалась бесхозной, плохо охранялась. Оставшиеся помещения ветшали, подвергались расхищению. Некоторые строения были разобраны. Зарастали пруды, в худшую сторону менялся пейзаж.

В 1918 году постановлением Орловского губисполкома Спасская усадьба была объявлена национальным достоянием и перешла в ведение и управление губернского земельного отдела.

Спустя три года музейный отдел Главнауки принял постановление: «Парк при родовом имении Ивана Сергеевича Тургенева, площадью 38 га, находящихся в Орловской губернии Мценского уезда со всеми насаждениями, прудом <...>, флигелем, где жил И. С. Тургенев, признан неприкосновенным памятником природы, садов и парков».

Музей-усадьба И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» был создан 26 октября 1921 года в соответствии с постановлением отдела музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения и законодательным актом 1921 года об охране исторических усадеб, памятников природы, парков и садов.

В 1937 г. музей-усадьба «Спасское-Лутовиново» стал филиалом Орловского Государственного литературного музея И. С. Тургенева. В 1939 году в связи со 120-летием И. С. Тургенева музей был переведен в разряд государственных музеев. В 1939–1940 гг. были восстановлены каретный сарай, конюшня, богадельня и флигель. В 1941 году в здании храма Спаса Преображения была развернута выставка «Жизнь и творчество Тургенева» (автор Б. А. Ермак).

К концу 1930-х гг. были восстановлены здания «флигеля изгнанника», бани, богадельни, отремонтированы конюшня и каретный сарай. Начались работы по расчистке парка.

Весной 1941 года были завезены материалы для восстановления главного усадебного дома. Восстановительные работы прервала война.

Около трёх месяцев тургеневская усадьба и село Спасское-Лутовиново были оккупированы фашистскими войсками. Перед отступлением в декабре 1941 года немецкие заградительные войска сожгли село и находившиеся на их пути усадебные строения — богадельню и церковную сторожку. В 1942 году заповедник оказался в прифронтовой полосе. В течение полутора лет на территории усадьбы располагались воинские части, в здании флигеля размещался медсанбат.

Вернувшиеся из эвакуации работники музея И. С. Тургенева нашли усадьбу полностью разгромленной. Церковь, сторожка, фамильный склеп Лутовиновых, каретный сарай и конюшня стояли в руинах. Территория усадьбы была изрыта блиндажами, окопами, воронками от бомб и снарядов, пруд с прорванной плотиной пересох, аллеи парка завалены упавшими деревьями.

Но уже 16 июня 1944 года тургеневский заповедник был вновь открыт для посетителей.

В послевоенные годы усилия сотрудников заповедника были сосредоточены, главным образом, на работах по восстановлению парка. Территория усадьбы была очищена от мин и снарядов, убраны погибшие деревья, засыпаны блиндажи и окопы; полностью возобновлена берёзовая аллея, ведущая к пруду, отремонтирована плотина Большого пруда.

В 1953 году во «флигеле изгнанника» была открыта стационарная литературная экспозиция «Тургенев и родина».

По инициативе директора музея Тургенева Л. Н. Афонина в 1968 году в связи с 150-летием со дня рождения писателя Министерство Культуры РСФСР приняло решение о восстановлении дома И. С. Тургенева.

Летом 1976 года строительство было завершено. Сохранившиеся мебель, семейные реликвии и подлинные вещи писателя составили основу экспозиции дома-музея, которая была открыта для посетителей в сентябре 1976 года.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 28 августа 1987 г. № 351 «в целях сохранения памятных мест, связанных с жизнью и творчеством И. С. Тургенева, улучшения использования его творческого наследия в патриотиче-

ском, нравственном и эстетическом воспитании трудящихся» на базе филиала Государственного литературного музея И. С. Тургенева в г. Орле был создан Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново».

Указом Президента Российской Федерации № 275 от 2 апреля 1997 года Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» включен в перечень особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Главным богатством музея и сегодня является дом-музей И. С. Тургенева с находящимся в нем замечательным по полноте, художественной и исторической ценности и сохранности собранием мебели, картин и личных вещей И. С. Тургенева.

Музей-заповедник И. С. Тургенева сегодня — это исторически сложившийся комплекс усадебных строений, включающий в себя, помимо дома-музея и флигеля, храм Спаса Преображения, фамильную часовню Лутовиновых. На территории усадьбы находится богадельня, на хозяй-

ственном дворе расположены конюшни, каретный сарай, срубная, баня и погреб.

9 ноября 2015 года во флигеле открыта литературная экспозиция «Русский европеец». В экспозиции представлено около 300 предметов — мемориальные вещи, письма и иконография И. С. Тургенева, первые русские и зарубежные издания произведений Тургенева, портреты современников писателя, живописные полотна и рисунки известных русских и западноевропейских художников, уникальные произведения декоративно-прикладного искусства конца XVIII — первой половины XIX века.

Долгое время фонды музея пополнялись этнографическими материалами. Каждая поступившая в музей вещь — из какого-то конкретного села или деревни, названия которых упоминаются в «Записках охотника», в повестях и романах Тургенева. Эти предметы «родом» из тургеневских мест. Так в музее появилась этнографическая экспозиция, где сегодня проводятся интерактивные театрализованные программы.

Одной из главных экспозиций музея по-прежнему остается тургеневский парк, один из самых красивых усадебных парков в России. В центральной части парка четкие перекрестия липовых аллей образуют римскую цифру XIX, которая символизирует время основания усадьбы, вокруг просторно раскинулись яблоневые сады, фруктовые поляны, лабиринты извилистых дорожек-змеек.

Спасское-Лутовиново сегодня не только хранит память о Тургеневе, оно даёт возможность вернуться, пусть ненадолго, в особый мир — неведомый и пока ещё мало изученный, питавший творчество не только Тургенева, но и всей русской классической литературы XIX века — мир русской дворянской усадьбы.

«...не в одних стихах поэзия; она разлита везде, она вокруг нас... Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью; а где красота и жизнь, там и поэзия».

(И. С. Тургенев)

Материал подготовлен Л. А. Павловой, зав. редакционно-издательским отделом музея-заповедника И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново»